

ДЖОНАТАН ФРЕНЧ

18+

РЕАЛЬНЫЕ
УБЛЮДКИ

Джонатан Френч
Реальные ублюдки
Серия «The Lot Lands», книга 2
Серия «Фэнтези: открытие»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66550334*

*Реальные ублюдки. Роман: АСТ; Москва; 2021
ISBN 978-5-17-100633-4*

Аннотация

Еще недавно Блажка была единственной женщиной-наездницей во всем Уделье. Теперь же она – вождь собственного братства полуорков. Первый год ее правления выдался крайне тяжелым: крепость лежит в руинах, много бойцов погибло в последнем сражении, в Отрадной свирепствует голод, и неизвестно, как долго удастся протянуть на скудных запасах...

С каждым днем проблем становится все больше. Стая хищных псов окружает лагерь, а коварная гиспартская знать строит планы навсегда прогнать полуорков из Уль-вундуласа. Стремясь защитить свой народ, Блажка принимает трудное решение – покинуть земли Ублюдков и отправиться в далекое путешествие к запретным эльфийским владениям.

Полуоркам не привыкать бороться за существование, но на этот раз им придется прекратить давнюю вражду, сразиться с

чудовищем и бросить вызов не только врагам, но и самой природе
Уделья.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	28
Глава 3	44
Глава 4	60
Глава 5	81
Глава 6	108
Глава 7	123
Глава 8	149
Глава 9	164
Глава 10	180
Глава 11	205
Глава 12	223
Конец ознакомительного фрагмента.	225

Джонатан Френч

Реальные ублюдки

Роман

*Лизе,
моей прекрасной и бесстрашной невесте.
Спасибо, что зарабатываешь на жизнь в
нижнем белье, чтобы я мог зарабатывать в своем.*

Jonathan French
The True Bastards

* * *

This translation published by arrangement with Crown, an imprint of Random House, a division of Penguin Random House LLC and with Synopsis Literary Agency.

Copyright © 2019 by Jonathan French
© А. Агеев, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2021

Глава 1

- Ньеллос.
- Неллус.
- Да нет же: Ньеллос.
- ...Нилус.
- На конце четкое «о». Как «орки». Ньеллос.
- Нилос.
- Уже лучше. Только не «ни», а краткая «н». Ньелос.
- Н-н... н-н-н... н-йелл-ос.
- Не плюйся слогами. «Л» переходит в «о». Ньеллос.
- ...
- Давай еще.
- Ньелос.
- Почти правильно. «Л» нужно... подсесть. Там звук внутри звука. Ньеллос.
- Ньеллос.
- «Л» растяни.
- Ньеллос.
- Не забывай подсекать.
- Ньеллос.
- Тяни, а потом секи.
- Ньеллос.
- Забыла растянуть.
- Ньеллос.

– Забыла подсечь.

– ДА ПОШЛО ОНО НА КРИВОЙ СРАНЫЙ СВИНОЙ ХРЕН!

Блажка яростно швырнула осколок булыжника. Тот врезался в своих собратьев, лежавших в тачке, чем нарушил их равновесие. Груз опрокинулся. Мед попытался предотвратить падение, удержав тачку за рукоятки, и инстинктивно потянулся обеими руками. За левую рукоять он схватился, но правая только ударила его по культе, когда тачка накренилась. Блажка заметила, как ее наставник поморщился от боли и неловкости, пока спасался от небольшого обрушения, вызванного ее гневом.

Звуки работы разом смолкли – все взгляды обратились к источнику шума. Блажка рявкнула на ближайших к ним зевак.

– Бекир, Госсе! Сюда, помогите!

Названные сопляки бросились на ее зов, быстро и послушно, как молодые псы.

– Остальные – за работу! И осторожнее, мать вашу!

Рабочие на вершине огромной кучи породы переключили внимание на камни у себя под ногами и опасливо зашуршали лопатами.

Блажка выровняла тачку. Когда Госсе и Бекир затащили на нее выпавший булыжник, Блажка подошла к Меду и протяжно вздохнула.

– Мне жаль.

– Все нормально, вождь, – ответил он, не глядя ей в глаза. Он старался не показывать культю, баюкая ее здоровой рукой. Он солгал. И она это знала. Как знала и то, что, если бы она на него надавила, ему стало бы еще хуже. Он как-то сказал ей, что единственное, что может быть больнее самой потери руки, – это вспоминать о том, что ее больше нет.

Они стояли молча, изнывая от жары. Утро было туманным, зной еще не начался. Потели они не от того, что светило в небе над головой, а от того, что курилось в камнях под ногами. Руины павшего Горнила до сих пор тлели. С разрушения великой крепости прошло больше года, но опрокинутые камни все еще извергали в небо черный дым.

Ублюдки пытались собрать годные камни бывшего дома и в первые недели после его разрушения, но обгоревшие обломки были такими горячими, что ими можно было обжечься. И лишь когда минуло несколько месяцев, верхний слой остыл. Тем не менее собирать камни оставалось опасным занятием. Поселенцы и сопляки, определенные в рабочую бригаду на этот день, ковыляли по изломанной поверхности кургана, перебирали камни и медленно грузили тачки, которые ждали их у подножия груды обломков. Эти тачки затем увозили и выгружали на большие веревочные сети, которые тащила в Отрадную упряжка свиней.

Пока Блажка наблюдала за работами, у нее взмокли плечи и спина, под рубашкой зудело, а сзади давили на нервы заплетенные косы. Она, выругавшись, собрала волосы в ту-

гой узел и закрепила его повыше. В сотый раз с тех пор, как стала вождем, она подумала, не взять ли в руки ножницы. Но не делала этого, сама толком не зная почему – и зачем вообще их отрастила. Наверное, отмечала ими время своего руководства копытом. И возможно, ей просто нравилось быть собой и не хотелось возвращаться к иному.

Как бы то ни было, при такой жаре это тщеславие ее только бесило.

– Продолжим? – спросила она Меда.

– Думаю, мы достигли предела твоего терпения на сегодня, вождь.

На самом деле это означало, что Мед сам достиг предела терпения, но Блажка предпочла не произносить этого вслух. Заставлять его преподавать ей и так было тем еще издевательством. В наступившем молчании Мед наконец поднял глаза и одарил ее примирительной улыбкой.

– Эльфийский сложный, но у тебя все получится.

Блажка кивнула, стараясь не отводить глаза слишком быстро, но выдерживать взгляд Меда подолгу она не могла. Черт.

Он еще слишком влюблен, чтобы быть хорошим наставником. Молчание казалось еще хуже жары – оно будто указывало пальцем на возрастающую неловкость.

Благо, Мед первым провел рукой по пышной полоске волос, тянувшейся у него поперек бритой по бокам головы, и отвернулся. Это эльфийское фиглярство некогда служило

поводом для нескончаемых колкостей и насмешек со стороны других Ублюдков, но он выдерживал все издевки и носил прическу Рогов с той же легкостью, с какой говорил на их языке. Блажка понимала, как ей повезло, что у нее в копыте есть такой посвященный. Для нового вождя он остался столь же бесценен, каким был для старого.

И конечно, Ваятелю, чумному говнюку, не приходилось опасаться страстного поцелуя от подчиненного.

– Ладно, – проговорила Блажка со вздохом. – Тогда я вернусь к работе.

Мед кивнул.

Блажка, неторопливо подняв лопату, двинулась к горелым камням.

– Вождь?

Она остановилась и обернулась на Меда.

– Ты делаешь успехи.

Она фыркнула от смеха.

– С какой стати? Потому что уже почти могу сказать «спасибо» по-эльфийски?

Мед замялся.

– «Ньеллос» означает «убивать». И только в отношении мужского пола.

Блажка провела пыльной рукой по губам.

– Так что ты говоришь, я делаю?

– В этот раз ты хотя бы не пыталась сломать тачку. – Его улыбка была заразительной.

– Чудесно, нахрен, – проговорила Блажка со смехом, направившись к куче обломков.

Несколько мгновений она выбирала лучшую траекторию для подъема. Все, кто работал на развалинах Горнила, давно усвоили, что по куче надо ходить так, словно она кишит змеями. А благодаря внезапному шипению пара, выходящего промеж камней, усвоить это было несложно. Не удовлетворившись ни одной из кратчайших траекторий, Блажка направилась вдоль края, пока не нашла крепкий с виду ряд крупных булыжников. По ним она и взобралась, перепрыгивая с одного на другой, пока не достигла примерной вершины того, что прежде служило наружной стеной. Слева от нее, неподалеку, цепочка жителей Отрадной передавала из рук в руки осколки сгоревшей крепости, спуская их с холма. Блажка предоставила эту менее тяжелую и менее опасную работу людям, а полукровкам приказала обшаривать руины, выкапывать наиболее ценные куски и вывозить их к цепочке.

В глубине всей этой разрухи она заметила Абрила: сопляк пытался сдвинуть огромную плиту рычагом. Он находился недалеко, но Блажке понадобилась целая вечность, чтобы до него добраться: ступать нужно было осторожно, только на носочках.

– Не стоит тебе делать это в одиночку, претендент.

Будь это Туро, или Петро, или еще кто-то из старших сопляков, близких к голосованию за вступление в братство, он продолжил бы мужественно бороться своим длинным сталь-

ным орудием, чтобы не проявить слабость или некомпетентность перед вождем. Но только не Абрил.

– Знаю, – ответил он, с облегчением выдохнув и немедленно прекратив попытки. – Я работал с Сенсом. Мы уже почти ее подняли, но она соскользнула и... – Он повернулся и сел на плиту, блестящие локоны свисали на его удрученное лицо, с них капал пот. Парень благоговейно потер камень. – Думаю, мы всегда сможем приходить сюда и навещать его.

Блажка скрестила руки на груди.

– Сенс пошел за помощью, да?

Абрил продолжил любовно поглаживать плиту.

– Пошел. Оставил меня искать сокровища в одиночку.

– Здесь нет сокровищ, Абрил.

Он с надеждой посмотрел на нее.

– А мое яблоко, которое я туда уронил?

Блажка фыркнула. Это было наименее вероятное предположение из всех. Она отложила лопату и жестом приказала ему встать и передать ей прут. Абрил, при всем своем шутовстве, был отнюдь не слабаком и обладал врожденной силой и внушительной мускулатурой полуорка на пороге взросления. Общими усилиями они приподняли плиту и сдвинули ее в сторону, обнаружив под ней кучу битых камней, которые вполне можно было перенести. Присев на корточки, Блажка растопырила руку и коснулась ею только что открывшихся камней.

– Жара нет, – заметила она довольно.

– И яблок тоже, – разочарованно услышала она сзади.

Встав, она похлопала Абрила по плечу.

– Молодец, сопляк. Давай уже двигать его к цепочке.

– Точно, вождь.

Абрил отошел, чтобы положить прут, и один из камней скользнул у него под каблуком. Он воткнул стальное орудие в землю, чтобы не завалиться на спину, – сработал рефлекс.

В том месте, куда вошел прут, из земли вырвался поток воздуха.

Блажка успела среагировать – пригнулась и схватила молодого полукровку. Оба вскрикнули сначала от столкновения, а потом еще раз – когда упали на неровные камни. Крепко обхватив Абрила руками, Блажка перекатилась, когда наружу выплеснулся гейзер нефритового огня. Они избежали пламени, кувыркнувшись, и поднялись на колени. Блажка закрыла глаза от адского жара и выпустила воздух из легких. Аль-Унанский огонь выбился на волю, вырос колонной втрое выше ее. Сияющее изумрудное пламя, будто жидкое, разбрызгивалось по камням и продолжало гореть даже после того, как рухнула колонна.

Блажка слышала срывающийся голос Абрила, который призывал отступить, но не обращала на него внимания. Огонь – эта колдовская субстанция, вызвавшая падение Горнила и безумного полукровки, чей разум породил эту крепость, – ее завораживал. Даже стоя на коленях, ощущая, как неровные камни впиваются ей в плоть, Блажка осознала, что

под ней гробница Ваятеля, а языки пламени – его надгробие.

«Гори в аду, мерзкий старый говнюк!»

– Вождь! Нужно уходить!

Пересиливая притягательность огня, Блажка принялась отползать прочь по-крабьи, не позволяя себе двигаться быстро. Торопиться было глупо. Ведь повсюду были скрытые карманы опасной, алчной субстанции, которые только и ждали обвала или неосторожного рабочего, который даст ей извергнуться. Если один загорится, остальные впадут в панику. А топот бегущих ног, вероятно, пробудит пламя – этот урок был усвоен, и дорогой ценой.

Когда Блажка с Абрилом удрали, раздались предупредительные сигналы. Всем рабочим надлежало покинуть кучу. Блажка надеялась только, что они помнили: бегать здесь нельзя. Она чувствовала, что сама порывается инстинктивно броситься в бегство, зная, что все может взлететь на воздух в любой момент. Наконец они добрались до вала на месте обрушенной стены и стали спускаться по склону. Едва они коснулись ботинками земли, Блажка и Абрил ринулись прочь, присоединившись к группе с встревоженными лицами, которые собралась на расстоянии тренчального выстрела от развалин.

– Раненые есть? – спросила она, торопливо проходя мимо десятка сопляков и поселенцев. Ей отвечали, отрицательно качая головами или бормоча. Все были бледны и испуганы после внезапной пробежки, но никто не обгорел.

Мед подъехал на свине и явно испытал облегчение, когда его взгляд упал на Блажку.

– Потери есть? – спросила она.

Он покачал головой.

– Я всех объехал. Все спустились. Извержений тоже больше не было, насколько мне известно.

Хорошие новости, но работа на этот день, как и на ближайшие недели, была окончена. Карман должен прогореть. И даже если все закончится быстро, Блажка не могла пускать людей обратно к этому дремлющему зверю слишком рано. Нужно было время, чтобы исключить несчастные случаи. Новости о взрыве обязательно достигнут Отрадной, где один мужчина потерял ногу из-за огня, а у кожевника, тела которого даже не удалось найти, осталась жена с тремя детьми.

– Все, тут нам делать нечего, – объявила Блажка. – Мед, скажи остальным. Берем, что есть, и уходим.

Мед развернул Нихапсани, ткнул свина пятками и поехал собирать остальных.

Миля до Отрадной выдалась утомительной. Они ушли с кучи перед рассветом, а сейчас была только середина утра. Из трех упряжек, что они привели тянуть камни, полная сеть была только у одной. Блажка шла пешком рядом с основной группой рабочих. Ездить в седле она предоставила соплякам, которым нужно было практиковаться.

Наконец, впереди показалась деревня.

Блажка всегда изумлялась тому, насколько чужой выгля-

дела обнесенная частоколом Отрадная. Она здесь выросла, и пейзажи оливковых рощ и виноградников, украшавших заросли кустарника на окраинах деревни, служили фоном всех ее детских воспоминаний. Сейчас эти виноградники стояли засохшие, рощи пожрала саранча, и от деревни их отделяла прерывистая стена из бревен и камней, оставшихся от Горнила.

Сопляки-часовые увидели их и распахнули плачевного вида ворота. Когда группа рабочих вошла за частокол, Блажка размяла шею, хрустнув позвонками. Черт, день только начался, а она уже устала.

На главную улицу выбежал тощий сопляк с мотыгой поперек плеч. Завидев ее, юнец ускорил шаг.

– Не поздно ли копать, Тельч? – крикнула ему Блажка.

– Нет, вождь, – ответил сопляк, не останавливаясь. – У Хорька сломалась кирка. Он послал за новой.

– Тогда беги скорее, – поторопила его Блажка.

Молодой полуорк послушно выскочил за ворота.

Блажка повернулась к своей бригаде.

– Сопляки, идите вперед, доложите на ров Хорьку. Абрил! Не забудь, что тебе в патруль.

Старшие претенденты – все, кроме Абрила, – повернулись и последовали за Тельчиком. Жители Отрадной направились в глубь деревни. Блажка отпустила их и отправила Меда проследить за разгрузкой камня, который они привезли к дому каменщика.

– Подготовь нам свинов, – приказала она Абрилу.

Когда полукровка радостно побежал к хлевам, она зашагала к приюту.

Внутри было тихо, но не из-за хрупкого спокойствия спящих детей, – то была тишина, рожденная нуждой, от того, что малые дети уже много дней недоедали. Горстка найденшей не спала – они, будто замороженные, играли под столом. Что бы это ни была за игра, выглядела она пугающе и совершенно непривычно. Никто не смеялся, не пищал от восторга и даже не кричал от возмущения – просто пятеро угрюмых детей, не старше четырех, коротали время. На соседних койках лежали их старшие товарищи, которые сном пытались бороться с голодными болями. Когда Блажка сама была ребенком, здесь никогда не было так тихо. Дети-полуорки вообще славились своим буйством.

Когда Блажка вошла в комнату, Метла отложила шитье в сторону, встала и подошла встретить ее у двери.

– Колючка спит, – сообщила она полупшепотом. – Один малыш всю ночь не давал ей уснуть.

Блажка понимающе кивнула и оглядела девушку. Метла служила наглядным свидетельством того, почему полукровки называли людей хиляками. Даже во времена достатка, когда Серые ублюдки были сильны, она всегда напоминала ивовую ветвь. Все в ней – волосы и руки, ноги и даже нос – было длинным и тонким.

– А ты? – спросила Блажка. – Все болеешь?

– Нет, – ответила девушка. – Перед рассветом жар спал. Я здорова.

По ее виду это едва ли можно было утверждать. Истощение отражалось на ее лице темными кругами под глазами.

– Тогда вернусь, когда Колючка проснется.

Блажка направилась к выходу, и сироты уставились на нее из-под стола. На их лицах не было ничего, кроме душераздирающей маски безразличия.

Она вышла на северную окраину города. Большинство зданий, что она миновала, были пусты. Хотя посвященные братья высказывали притязания на некоторые из них, Блажка пресекла эти идеи, прежде чем те пустили корни. Она считала, что Ублюдкам надлежит жить всем вместе в доме винодела. Ей не нужно было, чтобы члены копыта разбредались по всей деревне, развлекаясь со своими койкогрелками и теряя дисциплину.

Блажка приблизилась к месту, которое некогда считалось верхней окраиной поселения. Здесь частокол изгибался, чтобы захватить добрый кусок ровной земли. Чтобы обнести этот участок, они израсходовали почти всю древесину, но защитить свиней было для них критически важной задачей.

По ветру разносился шум и запах пары десятков варваров. Тренированные звери Ублюдков толкались у корыта перед хлевом, а пара сопляков высыпала ведра корма прямо на рыла нетерпеливых животных. Счастливые свины ничего не ведали о нормировании и за день съедали больше, чем их

надзиратели за три, но позволить варварам зачахнуть было бы ошибкой. Поросят и крутней кормили почти так же хорошо, только они спали не здесь, а в загоне. Рядом, во двореке укрощения, Дуболом сидел верхом на сильной молодой свиноматке, крепко схватившись за бивни, чтобы приучить к повиновению. Это было самым сложным в обучении варвара. Свины ненавидели, когда их дергали за бивни, особенно на ходу.

Прислонившись к загону, Блажка наблюдала, как Дуболом водил животное, поворачивая взад-вперед вдоль забора, постепенно усиливая давление на свинодерги. Бывший кочевник оказался прирожденным укротителем: никогда не терял терпения и всегда точно знал, насколько нужно подтолкнуть свина. Раньше Ублюдки обучали варваров по очереди, как и сопляков, но вскоре стало очевидным, что тягаться в этом деле с Дуболомом не мог никто, поэтому Блажка назначила его обучать новых животных на постоянной основе.

Увидев ожидающего вождя, Дуболом затормозил и ловким для такого здоровяка движением спрыгнул со зверя. Свиноматка, пользуясь временной свободой, порысила в дальний конец дворика.

– Эту из Шквала бивней привели? – поинтересовалась Блажка, кивая подбородком на свинью.

Дуболом подошел к забору и кивнул.

– Она почти готова, – отозвалась Блажка с немалым довольством.

Дуболом выставил пару мозолистых пальцев.

Блажка понимающе хмыкнула.

– Две недели. А за десять дней сможешь? – Она понизила голос. – Я знаю, вы с Медом хотите скорее представить Абрила к братству. Печально будет, если у новобранца не окажется своего свина.

Глаза Дуболома задумчиво поднялись из-под тяжелых бровей. Затем он быстро все взвесил и кивнул.

– Хорошо. А как крутни из Клыков, растут? Я бы очень хотела пустить в патрули больше сопляков.

Дуболом протяжно вздохнул, раздув и без того недюжинную грудь. Его взгляд упал на загон поменьше, где троицу визжащих, покрытых щетинкой страшилищ держали взаперти отдельно от остальных необученных свинов. Переведя взгляд обратно на Блажку, Дуболом скривил губы и, выставив руку ладонью вниз, качнул ею в воздухе.

Блажка с досадой выдохнула.

– Так и думала. Занимайся. Только смотри, чтоб они тебя не убили. Я могу сама над одним поработать, когда вернусь.

В ответ он сдвинул брови и затряс головой.

– Не надо со мной нянчиться, Дуболом. Или забыл, на ком я езжу?

И будто по волшебству, в этот момент из хлева показался Абрил: он вел соплячьего и Блажкиного свинов – запряженных и готовых в патруль.

Одобрительно кивнув сопляку за скорость, она села вер-

хом. Варвар был одним из первых, кого Ублюдкам подарили Клыки наших отцов, и он оставался таким же диким, как его прежние хозяева. Возмущенно пыхтя, свин взбрыкнул, вскинув задние ноги достаточно сильно, чтобы Абрилу пришлось отойти на шаг-другой. Это была старая игра, и Блажка всегда в ней побеждала. Взявшись за оба свинодерга и крепко обхватив бока ногами, она вынудила ретивого свина подчиниться. Затем еще один недовольный храп – и зверь окончательно успокоился. Блажка никогда не давала свинам имен, но Ублюдки называли ее зверя Щелкочесом. «Единственный, кто смахивает пыль у вождя между ног». Им казалось, это умно. И еще казалось, что она ничего об этом не слышала.

Она пробыла в этом копыте слишком долго, чтобы не услышать, и слишком долго, чтобы не считать это имя чертовски забавным. Умные они говнюки, ее Ублюдки.

Абрил также забрался в седло и ждал, когда она прикажет идти.

– Чего ты там болтаешься, сопляк? – упрекнула его Блажка. – Тебе еще весь южный круг надо сделать до темноты. А это немало, когда едешь один. Лучше тебе поторопиться.

Абрил просиял, на его лице отразилась готовность.

– Один?

– Постарайся не умереть.

– Есть, вождь!

Абрил рьяно толкнул своего свина, по-хамски оставив

Блажку в пыли.

Она, кивнув Дуболому и крепко ткнув своего зверя, тронулась за ним вслед.

Сопляки, выставленные у ворот, распахнули створки. Тонкие бревна, казалось, не выдержали бы, даже если бы их атаковал баран. Отрадную необходимо укреплять. И каким бы опасным ни выглядело Горнило, его ресурсами Ублюдки не могли пренебречь.

Облезлый Змей, который как раз возвращался из патруля, повернулся в седле, когда Абрил с восторженным воплем пронесся мимо. Блажка держала темп более размеренный и, войдя в тень ворот, натянула поводья рядом со Змеем.

– Абрил едет сам, вождь? – спросил он, довольный.

– Есть что мне доложить, полукровка? – ответила Блажка, сводя его улыбку на нет.

– Отсюда до Люсии – чисто. Ни тяжаков, ни еще кого.

– И зверя нет?

Облезлый Змей лениво почесал полунакидку на левом предплечье. Солнце раздражало мясистые шрамы, покрывавшие всю руку, как напоминание об ожогах, которые он перенес, когда, еще будучи сопляком, работал в печах Горнила.

– Даже следов нет. Мне жаль, вождь.

Смятение в его голосе соответствовало тому, что ощущала сама Блажка.

– Может, мне больше повезет, – сказала она ему. – Как

зайдешь, расставьте мишени. Пусть сопляки упражняются.

– Сделаем. – Змей кивнул.

Как самый новый из Ублюдков – он стал посвященным всего полгода назад, – он был не лучшим наставником для претендентов, но выбор был невелик.

– И передай Меду: пока я не вернусь, он за главного.

– Есть, вождь.

Их свины разошлись, и Блажка двинулась вдоль частокола Отрадной, проверяя, нет ли в нем слабых мест. Черт, да по сравнению с устрашающей громадой Горнила он весь выглядел построенным из щепок. Камни старой крепости устанавливались слишком медленно. Что инструментов, что людей, знающих, как с ними работать, не хватало. Большинство искусных ремесленников предпочло не возвращаться после падения Ваятеля и его твердыни. Лесов же в пустошах Уль-вундуласа всегда не доставало. К счастью, теперь, когда не нужно было топить печи Горнила, Блажка уже в первые месяцы после того, как стала вождем, сумела раздобыть достаточно бревен, чтобы установить частокол. Так копыто и жило под его хрупкой защитой, разделяя пространство с теми, кто раньше находился под его опекой. Отрадная была действительно обязана Ублюдкам: ее жители сумели выжить в этом жалком краю только благодаря тому, что рядом находилось Горнило и его ездоки. Теперь же Горнило превратилось в кучу мусора, а Ублюдки стали обычными поселенцами и заняли брошенные жилища.

Но Блажка не могла допустить, чтобы эти поселенцы жили праздно.

Ров снаружи стены был почти готов. Сменная бригада сопляков несколько месяцев вывозила землю и выкапывала камни. Руководить ими согласился Хорек. Когда Блажка подъезжала к месту, где шла работа, топоролицый брат при-
ветственно поднял руку. Он, весь чумазый, стоял надо рвом.

– За работу, полукровки никудышные! – крикнул Хорек паре десятков сопляков, трудившихся внизу. – Вождь на вас смотрит! Если хотите, чтобы у вас появился шанс убить орка, который насилывал вашу мамку, вам лучше произвести впечатление!

– Давай упахай их, Хорек! – подыграла ему Блажка. – Я хочу посмотреть, у кого еще останутся силы зарядить трен-
чало на занятии по стрельбе. Готова поспорить, что ни у ко-
го!

Хорек ухмыльнулся.

– А моя норма вина говорит, что ты ошибаешься, вождь.

– Посмотрим, – сказала Блажка, проезжая дальше. – Жду не дождусь вечера – ух и напьюсь я сегодня!

Оставив их позади, она все еще слышала традиционные наставления Хорька.

– У меня есть планы на это вино, поняли? И если я его лишусь из-за того, что вы, щенки, слишком дохлые, чтобы прокопать какой-то ров в земле, то обещаю: завтра у ваших жоп начнется настоящий кошмар! Да-да, это значит, что я

буду дрючить каждого своим несмазанным х... – Остальное заглушил шум лопат, с новой силой принявшихся рассекать землю.

Блажка завершила обход, отметив вдоль стены места, которые следовало оценить Меду, а потом направилась на восток.

Когда перед ней распростерлись пустоши Уль-вундуласа и очертания деревни остались позади, Блажка почувствовала, что ей даже задышалось легче. Бывали дни, когда ей и вовсе хотелось кричать от облегчения.

Реальные ублюдки были слишком малы числом, чтобы освободить от патрулирования хоть одного ездока, но даже будь их целая сотня, Блажка все равно отработала бы свою очередь. Иначе сошла бы с ума. Объезжать удел копыта было единственной задачей, одинаковой как для ездоков, так и для вождя. Здесь, снаружи, ее обязанности можно было пересчитать по пальцам одной руки, а ошибка стоила бы только собственной жизни или жизни своего свина. Она умела распознавать следы орков, отличать отпечатки копыт кентавров от лошадей кавалеро, замечать вторженцев на горизонте, бдеть за каждой из тысяч опасностей, что Уль-вундулас радостно им доставлял. Но вот чего она не знала – так это того, как ей сохранить свое копыто невредимым и как его накормить. Она не знала, когда прибудет очередная повозка с припасами от Шквала бивней и как собрать достаточно материалов, чтобы построить нормальную крепость. Управ-

лять Отрадной было все равно что пытаться удержать в руке яичный желток. Как бы ловка ни была Блажка, он все равно утекал сквозь пальцы. В патруле можно было отодвинуть все заботы на второй план, и теперь, под стук копыт Щелка, она все сильнее удалялась от Отрадной. Здесь от беспокойства не то что не было толку – оно даже вредило. Тут от нее требовалось быть просто ездоком, который следовал всего двум правилам.

Живи в седле. Умри на...

Вдруг живот Блажки пронзила жгучая боль. Она закричала и заскрежетала зубами, пошатнулась, дернувшись в седле, чтобы увернуться от лезвия ножа, обжигающего ее изнутри. Она почти удержалась, но тошнота подкатила к горлу и устроила пляску уже в ее голове. Блажка рухнула на землю, но не ощутила жесткого падения из-за хлыстов пламени, пронзивших ее мышцы. С хриплыми стонами, прорывающимися сквозь стиснутые зубы, Блажка свернулась в клубок и закаталась по земле. Боль поползла по позвоночнику, остановилась у его основания и принялась жевать ее плоть. Блажка напряглась всем телом и забилась в конвульсиях. Ей хотелось кричать, бросить жуткой боли вызов, но вместо этого она ощутила лишь влажную тяжесть в легких. К неконтролируемо дергающимся конечностям прибавился мучительный кашель. Давясь и задыхаясь, будто ее грудь набита камнями, она хватала ртом воздух, пока из горла на язык не поднялась теплая масса. Вкус у нее был отвратительный.

И еще она шевелилась.

Блажка встала на колени и выплюнула эту извивающуюся массу.

Затуманенным взором она видела, как та лежит на земле, извиваясь и трепыхаясь в окружении ярких пятен крови. Размером с ее большой палец и черная как смоль. Маслянистая поверхность извергнутого месива отражала солнце.

Блажка втянула воздух в опустошенные легкие и прохрипела в отчаянии:

– Нет, опять...

Глава 2

Обхвату повезло, что его не осталось в живых. Ему всегда нравились женщины с «мясцом». «Когда есть за что ухватиться и по чему шлепнуть ремнем», – описывал он свои предпочтения.

Не убей его тогда орк-головорез, он бы умер сейчас, когда увидел Колючку.

Лишения последних восьми месяцев тяжело сказывались на всех, но полуорки переносили их со звериной стойкостью, унаследованной от отцов-тяжак. Люди же были менее выносливы. Колючкина приятная округлость растаяла, похищенная затяжным голодом и сознательно отданная сиротам-полукровкам, которых она кормила грудью. Женщина много лет служила кормилицей для найденышей, живя под опекой Серых ублюдков. Если Блажке в скором времени не удастся найти постоянного источника питания, то Колючка не протянет и сезона.

Даже сейчас, как бы плохо она себя ни чувствовала, как бы ужасно ни выглядела, она отдавала себя целиком. Когда Блажка вошла в ее комнатку, к истощенной Колючкиной груди прижимался мелкий полукровка.

Женщина подняла заспанные глаза, но тотчас насторожилась и прищурилась, изучая ее.

– Блажка? Ты в порядке?

Кляня обостренные чувства, какими обладали воспитательницы, Блажка только отмахнулась и выдавила улыбку.

– Это Кассия? – шепнула она, кивая на ребенка.

– Обекко, – поправила ее Колючка, слабо улыбаясь.

Блажка скривила губы. Ну конечно. Ошиблась не только с именем, но и с полом. Когда речь шла о младенцах, она оказывалась полной дурой. Хорошо, ей хотя бы удалось переключить Колючкино внимание.

– С ним легко, – продолжила кормилица. – Он может есть и спать одновременно.

В этот момент Обекко выпустил воздух с такой силой, что и взрослый свин пристыдился бы, вытворив подобное.

Блажка зажала рот рукой, чтобы не разразиться смехом.

Невозмутимая Колючка снова томно улыбнулась.

– Так он тоже умеет.

– Как ты себя чувствуешь? – спросила Блажка и опустилась на стул рядом с кроватью, постаравшись не звякнуть тальваром, что висел у нее на поясе.

– В порядке, – солгала Колючка. Как и Метла. И Мед.

– Провизия от Шквала бивней придет через день-другой, – сообщила Блажка, надеясь, что сама не солгала в ответ.

Колючка только кивнула, откинула голову и оперлась на стену. На мгновение Блажке показалось, что кормилица уснула. Она уже приготовилась вставать, когда Колючка подала голос, остановив ее.

– Когда они сюда придут, попроси их кое о чем. На сле-

дующий раз.

– О чем?

– О новой кормилице.

Блажка предостерегающе шикнула на нее.

– Не говори так. Ты...

– Я никуда не денусь, – перебила ее Колючка, – а вот мое молоко да. Я усыхаю, Блажка. Еле хватает на троих оставшихся сосунков. Если у нас появится еще...

– Это маловероятно, – сказала Блажка. – Отрадная теперь огорожена.

Колючка открыла глаза и с сомнением сощурилась на Блажку.

– Разве забор помешал этому мешочку с газами сюда попасть? Или двум другим?

Блажка примирительно пожала плечами. Колючка была права. Из трех младенцев, которых они выхаживали сейчас, двоих нашли за воротами. Третьего всучили Хорьку, когда он был в патруле. По кодексу копыта им надлежало принимать всех детей-полуорков, но Блажке оставалось только надеяться, что Хорек, прежде чем принять нежеланный приплод, не потребовал у несчастной женщины что-нибудь для себя.

Прошлой весной орки попытались устроить новое Нашествие. И хотя его – не в последнюю очередь благодаря Ублюдкам – удалось подавить прежде, чем оно обрело достаточный размах, тяжаки беспрепятственно продвинулись к северу от

границы Гиспарты. По донесениям, они все были убиты, но появляющийся теперь урожай полукровок им противоречил. Орки в Уделье были всегда, а значит, всегда были и женщины, пережившие их жестокость.

– А как быть с теми, кого стена таки останавливает? – продолжила Колючка, причиняя своим вопросом настоящую боль. – Женщины, которые опускают руки, не найдя четкого пути к приюту? Что, по-твоему, случается с теми детьми?

Блажка стиснула зубы.

– Ничего такого, что не случилось с брошенными полукровками с тех пор, как первый орк изнасиловал хилячку, Колючка.

– Ты не знаешь, каково это, – возразила женщина. – И Мед не знает. И Хорек, и Колпак, и любой другой полуорк, который вышел из сопляков. Найденыши – будущее копыта. Ты это понимаешь. Дети – те из них, кому повезло, – будут объявляться и дальше. Ты не должна быть заинтересована в том, чтобы это прекратилось. И я в этом не заинтересована. – Глаза Колючки заблестели. – Но я больше не смогу их кормить, Блажка. Я останусь здесь, чтобы за ними смотреть, менять пеленки, купать, но... не кормить.

Слезы так и не выступили из ее глаз, голос не дрогнул, но от ее признания исходила такая скорбь, что заполнила всю комнату.

Блажка набрала в грудь воздух.

– У нас еще есть козы. Может быть, Шквал...

– Нет.

Колючка ответила спокойно, но сила ее отрицания и тот гнев, что она в него вложила, встревожили грудничка. Обекко заскулил и будто бы проснулся, но кормилица, лишь коснувшись головки, вернула его в сон.

– Нет, – повторила Колючка, только теперь сталь из ее голоса переместилась в пристальный взгляд, которым она одарила на Блажку.

– Козы могут помочь, если придется туго и не удастся найти ничего другого. Но этим детям нужна кормилица. Берил оставила приют на меня. Если она узнает, что я использую коз, она вернется сюда в ярости. Неужели ты думаешь, она когда-либо кормила тебя козой?

Блажка едва не упустила маленькое откровение, которое содержалось в ее вопросе.

– Меня?

Колючка непринужденно переложила младенца к другой груди, даже не разбудив его.

– Ты не знала?

Блажка неосознанно трянула головой. Тем же напряженным движением, будто отряхивалась от удара.

– Берил никогда не... любила меня, пока я жила здесь.

– Может быть, после того, как ты научилась ходить и разговаривать. Но детьми она любила вас всех. Это было видно по тому, как она о вас говорила. Невозможно не любить тех, кого кормишь грудью.

Блажка встала, ощутив ту же потребность бежать, как на развалинах Горнила.

– Тебе нужно отдохнуть.

– Кормилица, – напомнила Колючка.

– Найду.

За дверью приюта сумерки сменялись ночью. Патруль затянулся дольше, чем предполагала Блажка. Щелкочес был не из тех свинов, что останавливались, когда наездник падал. К счастью, этот же дикий нрав не позволил ему вернуться в город, и там его не видели. Вот уж милость. Потом ей пришлось долго подниматься на ноги и еще дольше – выслеживать непослушного зверя. Когда она вернулась с опозданием, Мед посмотрел на нее с некоторой тревогой. А когда она рассказала, что ее далеко увел олений след, он лишь сдвинул брови.

Абрилу, который патрулировал юг, повезло больше. Случайно заведя первую за несколько месяцев олениху, сопляк устремился в продолжительную погоню – и решил не бросать ее, пока не всадит стрелу животному в сердце. На запах мяса собралась вся Отрадная: люди сгрудились вокруг очага, где его готовили пятеро старших сопляков. Сияющий Абрил руководил товарищами, упиваясь ролью добытчика-героя.

Эта олениха была редкой удачей, но, как и всякое богатство, рисковала рассорить тех, кому досталась. Не одна сотня пар глаз, не моргая, следила за приготовлением. Предвкушение щедрости было осязаемо, оно смешивалось с аромата-

ми тушеной оленины и шипящих потрохов. Чтобы сдержать раж, вокруг костра выстроились Хорек, Дуболом, Облезлый Змей и тринадцать младших претендентов. Между копытом и поселенцами ощущалось явное недоверие, но лучше было проявить грубость, чем глупость.

Блажка пробралась сквозь толпу. Большинство ее не замечало: чары предвкушения были нерушимы. Только когда она встала перед котлом, закрыв многим обзор, люди нехотя оторвали взгляды.

– Вождь скажет слово! – объявил Хорек.

Блажка подняла голос, чтобы захватить внимание тех, кто все еще пытался разглядеть мясо сквозь нее.

– Я знаю, у вас урчат животы. Знаю, у вас текут слюнки. Скоро вы все насытитесь, спасибо нашей скакунье, которая увлекла Абрила и увела его на полпути до холма Батайят. Теперь она готовится в котле, а чуть погода окажется у вас в желудках. Но позвольте мне выразиться четко. Первые порции уйдут туда. – Блажка, не поворачиваясь, вытянула руку и указала на дверь приюта. – Потом – вашим детям. И только после этого – вам. Вот как все будет. Нет нужды делать так, чтобы мне пришлось объясняться жестче.

Блажка дала последней фразе на мгновение повиснуть в воздухе.

– А теперь постройте своих малышей. От младших к старшим, всех в один ряд.

Родители быстро повиновались, проводили детей словами

и направили руками. Когда поселенцы зашевелились, оказалось легко выявить самых жадных и мелочных взрослых: крупного мужчину, который пристроился среди детей; пожилую женщину, которая, прикрываясь своей немощностью, сделала вид, будто никого не замечает. Блажка пыталась не обращать на них внимания, но обнаружила, что все равно подмечает лица.

– У нас готово, вождь, – услышал она голос Сенса.

Год назад Блажка не могла с уверенностью назвать по имени ни одного сопляка. Это было одной из традиций копыта – держаться от претендентов на расстоянии всегда, кроме тренировок, а когда им все же требовалось уделить внимание – делать это намеренно грубо. Но за последние месяцы многое изменилось. Вождь Реальных ублюдков не только знала каждого сопляка по имени, но и могла узнать их по голосу, не поворачивая голову.

– Отнесите сиротам их долю, – приказала Блажка, не сводя глаз с поселенцев.

По движению за спиной она поняла, что сопляки бросились выполнять задачу. Когда же они вернулись, Блажка отступила в сторону и жестом подозвала детей. За ними последовали взрослые, и те, что стояли в конце очереди, по мере того, как затягивалось ожидание, беспокоились все сильнее. Дети уже присели на корточки в считанных шагах от костра и прихлебывали подливу с мясом, еще слишком горячую, но пустые желудки не позволяли обращать внимание на обо-

жженные языки. Блажка приказала готовить здесь в надежде, что шанс получить дополнительную порцию не даст поселенцам уйти есть дома. Идея, кажется, сработала, и Блажка понемногу расслабилась: по крайней мере, ей не нужно было опасаться, что родители отберут еду у собственных детей. Возможно, это была и недостойная мысль. Жители Отрадной никогда не давали повода считать, что способны на подобное, но трудные времена всегда пробуждали худшие из инстинктов.

Мрачные мысли Блажки оборвал крик из сторожки.

– Ездоки! – голос Меда.

– Присмотри за ними, – бросила Блажка Хорьку и побегала по главной улице. Она послала темнеющему небу пожелание, чтобы это были братья из Шквала бивней.

Когда она подросла, Уйдал и Бекир уже открывали ворота. Надежды на свежие припасы разрушились, когда в проеме появился Колпак. За ним въехал мелкий полукровка, который был Блажке хорошо знаком. Она посмотрела на Колпака с укором.

Тот пожал бледными, изрезанными шрамами плечами.

– Ты сказала, мне можно его не убивать.

– Но это не значит, что его не убью я, – сказала Блажка, сверкнув глазами на Щербу, прежде чем дать Колпаку знак спешиться и пройти за ней. Он не шевельнулся. Его мертвые глаза уставились на нее, слегка мерцая, встревоженные теми же признаками в ней, которые заметила Колючка. Но в отли-

чие от кормилицы он знал, в чем было дело.

Блажка предостерегающе посмотрела на него, стараясь не отводить глаз. Не отрывая своего охотничьего взгляда, который ничего не упускал, Колпак спешил и, плотно сжав бесцветные губы, достал из седельной сумы внушительного размера мешок. Они отошли от сторожки и от нервно ухмыляющегося кочевника – чтобы их не подслушали. Затем Блажка выжидающе посмотрела на мертвенно-бледное лицо вернувшегося брата.

– Тяжак не видно, – доложил Колпак голосом, который всякий раз напоминал Блажке лезвие, прорезающее кожу. – От нашего удела до Кальбарки. Ничего.

Его рука дернулась, и мешок пересек небольшое расстояние между ними. Блажка поймала его, сомкнув пальцы вокруг холстины, распухшей от монет внутри. Она стиснула зубы, стремясь сдержать вопрос, но тот все равно вырвался.

– Как он?

Ответ оказался так прост, что она почувствовала себя глупо от того, что его задала.

– Как Овес.

Блажка кивнула, пристально взглянув на мешок с монетами.

– В следующий раз сама поеду. – Лживое обещание, как и всегда. Она подняла глаза, сменив тему. – А дичь?

– Кролики. За последний день ни одного.

– Лошаки?

Колпак покачал лысой головой.

– Это опять случилось, – проговорил он.

Блажка с отвращением простонала. Она надеялась, он не станет обращать внимания. Но он, напротив, надавил.

– Ты была здесь?

– Случилось и случилось. – Блажка покачала головой.

– Я тебя свожу.

– Не могу позволить себе уехать на пять дней, Колпак.

– Если умрешь, потеряешь больше.

– Но ты знаешь, что делать, если до этого дойдет, – отрезала она, не повышая голоса.

Колпак ответил немигающим взглядом, выразившим у него неодобрение.

– Я поеду, – заверила она его. – Завтра. Поеду.

– А смесь?

– Мне она уже несколько месяцев как не нужна.

Снова подчеркнутое молчание. Блажке пришлось отвести глаза. Смертную маску, замещавшую Колпаку лицо, вынести было сложнее, чем полуденное солнце.

– У меня немного осталось, – призналась она. – Вот и выпью.

Колпак выразил удовлетворение, моргнув один раз.

Горя желанием взять ситуацию под контроль и вернуться к насущному, Блажка обошла его и вернулась к воротам. Незванный гость уже слез со свина.

– Тебе сказали сюда не возвращаться, – заявила Блажка

ему прямо в лицо.

Щерба отпрянул от нее, но не так сильно, как обычно. Подобно многим хилячным, он был меньше других полуорков и сейчас отшатнулся от нее, превосходящей его ростом, примирительно выставив руки.

– Знаю, вождь...

– Не называй меня так.

Щерба поежился.

– Прошу прощения. Хотел проявить уважение.

– Не пытайся меня очаровать, кочевник. Даже если проявишь уважение, это ничего не даст тебе. Уж точно не здесь. А теперь садись в седло и проваливай.

– Я мог бы оказаться полезным, если дадите мне хотя бы маленький шансик, – проскулил он.

– Маленький шансик? – Блажка только рассмеялась. – Он был у тебя в последнюю Предательскую. Но я слышала, ты решил показать свиную задницу вместо того, чтобы встретить тавров. Еще один был, когда пришли орки и Ублюдки поскакали их встречать. Но ты и тогда предпочел бежать. Если ты хотел ездить с этим копытом, стоило начать тогда.

Возражениям кочевника не было конца. И все они были до боли знакомы.

– Это я заметил первый ул'усуун, который шел через удел Скабрезов. Я вернулся, чтобы рассказать. И помог вашим людям спокойно добраться до Пучины, когда их приняли к себе в Шквале бивней. Это же должно чего-то стоить!

– Быть дозорным или сопровождающим не стоит ни хрена, если ты не готов драться, Щерба. Реальные ублюдки родились в тот день, когда встретили язык орков. Мы узнали себя тогда, окруженные тяжаками. Узнали, кто чего стоит и кому можно доверять. Дуболом стал одним из наших. Хват пал нашим братом. Это твои товарищи-кочевники, Щерба. А тебя где нахрен носило?

У него не было ответа, но она и не дала времени его придумать.

– Ты упустил свой шанс. Показал, кто ты такой. И что ты не один из нас. Ты бродячий пес. А я не стану отнимать пищу у своих людей, чтобы кормить бродячего пса.

Щерба снова обрел голос – высокий и отчаянный.

– Ты знаешь, что они делают с кочевыми?

Блажка знала. Но, отвернувшись, крикнула Уйдалу и Бекиру:

– Открыть ворота! Он уезжает. – И вернулась к Колпаку. – Проверь, чтобы он покинул наш удел.

Змеиные глаза, глубоко посаженные в череп Колпака, вопросительно сощурились.

– Живым, – добавила Блажка.

Колпак безо всякого выражения проскользнул мимо нее, чтобы выполнить приказ.

Мед, встревоженный, подошел на место, где только что стоял Колпак.

– Ты уверена? – Он посмотрел вслед уезжающим сви-

нам. – Щерба ездок бывалый.

– Он переменчивый, как долбанный флюгер, – ответила Блажка. – Мне нужны только такие полукровки, которые будут не просто ездить с копытом, но и смогут за него постоять. А от тех, кто следует за попутным ветром, здесь ни черта нет толку. В наше время попутные ветры в сторону Ублюдков не дуют, Мед. Мне не нужно это тебе объяснять.

– Не нужно, вождь.

Они проследили, как ворота снова закрылись.

– Утром я уеду к Ресии, – сказала Блажка. – Нужно найти новую кормилицу.

– Я могу.

– Нет. Ты нужен здесь.

– Тебе не стоит ехать одной.

– Выбора нет. Дуболом укрощает свинов. Змею придется взять на себя мою часть патрулей. А с Хорьком поехать я не могу, сам знаешь.

– Тогда дождись, пока вернется Колпак, или хотя бы возьми кого-нибудь из старших сопляков.

– Я не собираюсь терять никого из наших претендентов оттого, что им где-нибудь повеет щелкой, Мед. – Замечание о Колпаке она проигнорировала, надеясь, что он на это не укажет. Глупая была надежда.

– Колпак вернется...

– Колпак вернется не раньше меня, – сказала она и больше ничего не добавила. Мед сдвинул брови сильнее, но был

достаточно умен, чтобы не расспрашивать вождя о заданиях, которые она поручала Колпаку. Это было единственное, что Блажка унаследовала от Ваятеля.

Желая поскорее закончить спор и добраться до кровати, она двинулась прочь.

Своей светлицей Блажка сделала дом главного садовника. Когда она вошла, ее приветствовал запах оливкового масла. Потоку ароматов, который сопровождал каждого ездока, казалось, не за что было зацепиться в этих комнатах. Седельная кожа, пот, оружейное масло – ничто из этого не могло устоять против укоренившихся запахов, оставшихся после занятий давно покинувшего дом садовника. Не потрудившись даже зажечь лампу, Блажка на ощупь пробралась наверх. Прежний жилец построил на втором этаже галерею, так чтобы та выдавалась из его спальни. Когда-то оттуда открывался приятный вид на оливковые рощи, которые росли в Отрадной. Теперь же их загораживал частокол, но Блажка все равно находила это место удобным для наблюдения за поселком, который сама этой оградой и обнесла.

Бросив пояс с мечом и тренчало на кровать и туда же мешок монет, она вышла на балкон. Костер уже угасал – за ним смотрели только трое сопляков, которые задержались, чтобы все убрать. Несколько поселенцев слонялись неподалеку, лелея надежду, что им вот-вот откроется какой-нибудь тайник с едой. По другую сторону главной улицы Хорек с Дуболомом сидели на крыше бондарской лавки. Раньше они могли

бы передавать друг другу бутылку, но теперь винные запасы истощились и были строго нормированы. Блажку саму тянуло выпить, но держать личный тайник она отказывалась. На улицу вышла вдова кожевника и, недолго переговорив с ездоками, улизнула вместе с Хорьком – явно чтобы трахнуть-ся. От этой мысли Блажка на миг почувствовала шевеление внутри, но его быстро заглушила усталость, боль и хрип в глубине легких.

Она ненавидела лгать Меду. Но он, конечно, был прав. Это было безрассудством – ехать в Уделье в одиночку, но ей не оставалось выбора.

Она подошла к комоду в изножье кровати и, порывшись в нем, нашла паршиво вылепленную керамическую бутылку. Встряхнула ее – почувствовала, что остатки густого содержимого плещутся на дне. Вытащила пробку, скорчила гримасу и сделала добрый глоток. Вылившаяся гадость попыталась вернуться обратно, но Блажка подавила это восстание. Ей казалось, что даже свиное семя должно быть вкуснее этой мерзости. Хотя по консистенции они были похожи. Заткнув бутылку обратно и прогнав запах смеси, Блажка опустилась на кровать и легла рядом с брошенным оружием.

Она застонала. Ботинки остались на ней.

Глава 3

Достигнув Отрадного брода, Блажка провела Щелкочеса до его середины и остановилась.

– Дальше вы не едете, – сообщила она сопровождающим.

Мед настоял, чтобы вождя довели до границы удела. Он сам, разумеется, плюс трое самых опытных сопляков – Тоуро, Абрил и Петро. Лицо каждого по-своему выражало разочарование.

– Возвращайтесь. Только осторожно.

Она толкнула свина, но, услышав всплески воды, снова остановилась. Повернувшись в седле, увидела, что Абрил следует за ней.

– Ты куда это собрался, сопляк, мать твою?

Абрил резко вскинул брови, одновременно разинув рот.

– Ой! Вы имели в виду нас всех? Я подумал, вы обращались только к ним. – Он указал на остальных большим пальцем – те сердито глядели на него. Абрил привстал в стременах и склонился над рожком седла, после чего перешел на шепот, который был все равно слышен поверх журчания воды. – Помните, вождь? Вы сказали, что раз я завалил того оленя, вы отведете меня к Ресии и заплатите за мое первое влажное сношение.

– Никогда я этого не говорила, Абрил.

Молодой полуорк с сомнением покосился на нее.

– Вы уверены?

– Так же уверена, как в том, что, если ты не уберешься сейчас же с глаз моих, я всажу в тебя стрелу и ты сможешь еще раз накормить весь город.

Абрил на мгновение задумался, а потом медленно дважды кивнул и присоединился к остальным. Когда вся группа повернула свинов на юг, Мед последним отвел глаза от Блажки. Она проследила за тем, как они удалились, дождалась, пока их окутает расплывающееся на горизонте марево, а затем завершила переход и, выбравшись из седла, встала на ослабевшие ноги.

Дрожащими руками она обхватила колени, мышцы живота задвигались от сильных спазмов, ее начало рвать. Месиво мучительно вышло наружу безвольной нитью. Когда оно свалилось с губ, Блажка с отвращением отшатнулась. Затем, все так же дрожа, залезла в седельную суму, нашла бутылочку и допила смесь – та обожгла ей горло, скользнув внутрь.

Тот гнев, что вызывала у нее собственная слабость, она использовала, чтобы снова залезть на свина. Терять время больше было нельзя. Если бы она решила ждать, пока почувствует себя достаточно хорошо, чтобы ехать верхом, то осталась бы здесь навсегда. Блажка толкнула Щелка. Она не собиралась умирать до того, как достигнет цели.

Отправься она сразу к Ресии, как полагало копыто, ее кратчайший путь пролегал бы по узкой полосе земли Короны, что тянулась почти строго на север между уделом Рогов

с востока и Амфорскими горами с запада. Но на самом деле Блажка держала путь именно к этим горам. Это был невысокий хребет, который пока еще не вторгался в горизонт перед ней. Сверху в полуденном небе нависало солнце. Ехала Блажка с трудом, но ей все же удалось достичь предгорья к вечеру. Южным склонам хоть и было далеко до большинства внушительных гор Уделья, они представлялись, однако, весьма неумолимыми. Чтобы взойти на хребет, Блажке следовало сперва пересечь его по одному знакомому перевалу, а затем одолеть более-менее проходимый склон на севере. Но это уже было задачей на следующий день.

Повернувшись к темнеющим вершинам спиной, Блажка отдалялась от них, пока не наткнулась на ручей. Затем спешила и, позволив Щелку напиться, отошла в миндальную рощу. Там, энергично встряхнув нижние ветки, она вызвала настоящий град орешков, и свин, возбужденно сопя, примчался на шум. Блажка сняла со зверя седло, пока тот не отрывал рыла от миндаля, и разбила лагерь. Затем села, собрала горстку миндаля, но поняла, что есть ей не хочется.

Сон являлся ей будто с опаской, его то и дело прогонял дикий кашель.

На исходе ночи неподалеку уже стоял Колпак – на его жилистое тело падали лучи восходящего солнца.

Здесьняя местность была известна тем, что тут обитали волки, поэтому Блажка держала под рукой заряженный арбалет. Вторгнуться в ее лагерь, не получив стрелу, было под

силу только Колпаку.

– Стремный ты говнюк, – поздоровалась она, раздраженно сощурившись, чтобы его разглядеть.

Когда она села, ей на колени упала связка вишен.

– Не голодна.

– Неважно. Ешь.

Гневно схватив вишню, Блажка запихнула ее в рот и поднялась на ноги.

– Пора идти.

Они отправились к тенистому перевалу и, пока солнце еще не поднялось достаточно высоко, чтобы снова их достать, успели по нему пройти. Затем, очутившись на другой стороне, ехали уже медленнее и осторожнее. Эти земли принадлежали Короне и лежали в непосредственной близости от кастили, которая находилась чуть западнее. Их занимало море оливковых деревьев, которые во множестве росли над Амфорскими горами. Плантации императоров старины были очень обширны и давали урожай до сих пор. Виллы стояли давно разрушенными – их когда-то строили рабы для почти забытых предков Гиспарты – имперских хозяев, которые теперь, несмотря на кучу статуй, воздвигнутых из тщеславия, были известны разве что разлагающимся грамотеям. А вот оливы остались до сих пор – и, по мнению Блажки, они стоили куда больше любых памятников. Потому что мрамором не наешься.

Блажка следовала за Колпаком по долинам, покрытым ли-

гами оливковых рощ, и ей было горько от того, что эти деревья остались нетронуты той бедой, которая уничтожила оливы в Отрадной. Но даже у щедрот старого Имперіума имелись свои границы. К тому времени, когда они достигли уязвимой северной стороны Амфор, оливы оказались вытеснены удушливыми олеандровыми лесами. Лишь в таком суровом краю, как Уль-вундулас, подобное буйство красок могло быть исполнено яда. Тонкие искривленные стволы опасных растений тянулись вверх и переплетались друг с другом, словно пальцы заговорщика. Продвигаясь по извилистым проходам, Блажка пригибала голову и следила за Щелкочесом, чтобы тот не пытался поживиться олеандром. Полурки называли это растение свиной отравой не просто так. Зато здесь им, по крайней мере, не грозило наткнуться на патруль кавалеро. Хиляки не заходили за оливы – здесь им делать было нечего. Это был дикий край терновника и ползучего можжевельника.

Солнце нещадно жарило, пока они поднимались по голым склонам Амфор. Колпак натянул на свою лысую, льняного цвета голову капюшон. Поднимались они весь день. Угрюмый ездок прокладывал путь пологими тропами, чтобы не утомлять свинов. Когда воздух остыл, на них подул бодрящий ветер.

Наконец они вышли на вершину длинного гребня и двинулись по нему на запад. Чем дальше они продвигались, тем больше осколков камней попадалось под ногами, и вскоре

ехать уже пришлось буквально по сплошной сыпучке. И впереди, сколько хватало зрения, тянулась все она же. Этот рубеж на теле гор был образован не медленным течением времени, но страдальческим трудом множества рук. Как и оливковые рощи, это был след Империума. Каменоломня, которая разрабатывалась на протяжении столетий и еще дольше стояла заброшенной. Но в отличие от олив камень больше не плодоносил и остался не более чем затвердевшей раной.

Блажка и Колпак спешили и повели свинов по сыпучке, чтобы проследовать по склону складки к относительно ровному участку. Блажка уже однажды приходила сюда, с этим же проводником, и тогда ее поразила эта блеклая, будто бы бесконечная полоса разрухи. Сейчас все выглядело так же, как в прошлый раз. Однако первое посещение ничуть не помогало ей здесь ориентироваться. Зато Колпак знал дорогу, что тогда, что сейчас, и пробирался по камням, нигде не задерживаясь.

Наконец они заметили среди серых борозд хоть какое-то разнообразие.

Впереди над скалами торчал деревянный шест в полтора человеческих роста, его основание было присыпано камнями. Сверху крепилось колесо – из тех, что использовались в повозках, но здесь, в этом месте, выглядело оно до ужаса странно. На колесе, медленно вращаясь от ветра, сидела фигура. Назвать ее человеческой было бы крайне обходительно. Болезненно худая и обнаженная, с кожей, одновременно ис-

сушенной солнцем и побелевшей от каменной пыли. Волосы и борода, грубо спутанные, ломкие и сухие, развевались на ветру. Камни, насыпанные под колесом, усеивали мелкие высохшие экскременты – отходы тела, из которого, казалось, уже нечего было выжать. С насеста доносился глухой, надтреснутый голос – он бормотал что-то неразборчивое, свидетельствующее о жажде, слабости и безумии.

В рыхлом склоне позади живого чучела-тотема зиял проход. Низкая узкая перемычка, сложенная из камня, держалась только благодаря искусно достигнутому равновесию. Или чокнутой, на хрен, вере.

Колесо скрипнуло, когда Блажка и Колпак прошагали под ним. Сидевший на нем псих продолжал бормотать свой гортанный бред. Когда они оказались на расстоянии детского броска от перемычки, оттуда вынырнул Костолыб.

Блажка видела его второй раз в жизни и второй раз почувствовала уверенность, что он – хиляк, приходившийся отцом Колпаку. Пергаментная кожа туго обтягивала лысый череп с глубоко запавшими глазницами, а скулами, казалось, можно порезаться. Высокий и худой, он двигался плавно, будто хищник. Он был старше, хотя определить его возраст представлялось сложной задачей, потому что он был проворен и обладал зоркими глазами и ясным взглядом. Не слишком мускулистый, он все же был человеком – а люди, даже самые грозные, часто слабели после среднего возраста. Тем не менее было легко представить, как он охмуряет женщину-по-

лукровку, и тогда перед мысленным взором является Колпак. Несмотря на то что Костолыб обладал тем, что на лице Колпака не проявлялось никогда.

Костолыб улыбнулся. Зрелище это было отвратительное.

Зубы у него были вставные и чересчур крупные. Когда они показывались из-за натянутых губ, весь рот превращался в леденящую душу пасть. Из каких бы костей их ни вырезали, те, должно быть, имели разный возраст, потому что, все разных цветов, они образовывали мешанину из тонов от белого до черного, в которой преобладали отвратительные бурые оттенки. При их лошадином размере, вся система была плохо подогнана и, когда он говорил, зубы скользили друг по другу. Ему приходилось чрезмерно шевелить губами, чтобы усмирить неприглядный щелкающий ряд зубов, бесконечно при этом прихлебывая и подсасывая.

– Вождь Реальных... *хлоп...* ублюдков. Вернулась... *ссик*.
Сзади человек на колесе издал протяжный стон.

Костолыб занес руку за перемычку, и оттуда слышался звук плещущейся воды. Затем рука вернулась с тонким стержнем, к концу которого была прикреплена влажная тряпка. Он прошел мимо Блажки и Колпака, остановился в нескольких шагах от шеста и вытянул стержень, поднеся тряпку к лицу убогого. Тот ее проигнорировал, но Костолыб терпеливо простоял несколько мгновений, двигая стержень таким образом, чтобы при движении колеса тряпка оставалась у безумца перед губами. Но пить он не стал.

Наконец Костолыб опустил руки.

– Может, потом.

Обернувшись к гостям, он оглядел их.

– Жалобы те же?.. *Сссст*.

Блажка сперва задумалась. Затем кивнула.

– Врешь. Стало... *фшк...* хуже. – Он снова прошел мимо них. – Заходите... *иллюп...* Оружие оставить на улице.

И, нырнув в нору, исчез. Сделав глубокий вдох, Блажка отстегнула тренчало, сняла пояс с мечом и передала их Колпаку. Тот указал на ее ботинок. Она, покачав головой, вынула оттуда кинжал и также передала ему. Она попыталась скрыть мандраж, но не сумела и молча проследовала за мужчиной в темноту прохода.

Грот был так же тесен и неприветлив, как и в прошлый раз. Даже хуже – потому что больше не таил для нее загадок. В центре возвышался высокий древний стол из дерева, по бокам стояли обветшалые шкафы. Свет проникал снаружи только через вход, но Костолыб уже подносил фитиль к многочисленным сальным свечам, расставленным по всему помещению. В теплом пламени показался низенький табурет и целое изобилие трав и инструментов, летучими мышами свисающих с низкого гнетущего потолка.

Блажка встала перед столом, стараясь не попадаться мужчине под ноги, пока тот передвигался вдоль всего периметра. Он достал из шкафа стеклянный сосуд с широким горлышком и, не останавливаясь, протянул его Блажке. В про-

шлый раз это вызвало некоторое замешательство, а затем, когда последовало пояснение, и немалое количество ругани. Сейчас она больше не была так несведуща, но смущения от этого не убавилось.

Одной рукой расшнуровав штаны, она спустила их ниже колен, слегка присела и подставила сосуд. Костолыб занимался своими приготовлениями, ни игнорируя писающую Блажку, ни наблюдая за ней. Закончив, она поставила сосуд на стол, и едва он коснулся поверхности, его снова подхватили. Костолыб лавировал в пространстве между столом и шкафами. Блажка принялась натягивать штаны.

– Оставь так.

Блажка застыла, чувствуя себя дурой с голой задницей. Она избегала смотреть в сторону занятого делом Костолыба, помня об отвращении, которое испытала в прошлый раз, когда он попробовал ее мочу на вкус.

Пока он занимался своими делами, Блажка слышала булькающее шипение, несомненно, вызванное посыпанием ее мочи каким-нибудь из его многочисленных порошков.

– На стол... *хиххит...*

Она запрыгнула на столешницу, с болтающимися у лодыжек штанами, и стиснула зубы, когда он вскрыл ей вену на руке маленьким лезвием. Затем он сосредоточенно проследил за тем, как ее кровь стекает в неглубокий оловянный тазик, – его лицо находилось к нему так близко, что казалось, он вот-вот ткнется в кровь носом. Вручив Блажке льняную

повязку, чтобы остановить кровотечение, он вернулся к шкафам.

Наконец он повернулся к ней и уставился куда-то между краем стола и полом.

– Расскажи мне, как это началось... *фляп*.

– Я уже расск...

– Расскажи! – Костолыб предупреждающе выставил руку. – Еще раз.

Блажка набрала воздуха в грудь, пытаясь таким образом набраться терпения.

– На наше копыто напал Меситель. Ему нужна была я, потому что во мне течет эльфийская кровь. Он собирался принести меня в жертву и исцелить Топи Старой девы или вроде того. Он был... неудержимым, мать его.

Блажка поймала себя на том, что пялится на свой шрам на внутренней стороне предплечья. Еще один был на плече, но его разглядеть было трудно, так что она протянула руку и провела пальцами по его бугорку. Оба достались ей от руки Стукаря. Еще три украшали бедро – их она видела и сейчас. Ими она была обязана себе самой. Это были далеко не единственные шрамы на ее теле, но только они остались от ран, которым надлежало ее защитить.

– С нами был чародей. Он сказал, что моя кровь защитит меня от прикосновений Месителя.

– *Сссн...* Его прикосновений?

– Месиво, – сказала Блажка. – От него теряешь сознание.

– Оно усыпляет. – Костолыб хмыкнул. – Продолжай.

– Штукарь... чародей, оказался прав. Он меня порезал.

Я вошла в месиво, вытащила оттуда долбаного болотника, бросила его в печь, и теперь он мертв. Не знаю, что еще рассказывать.

В повисшей тишине Костолыб задумался. Он осмотрел шрамы у нее на бедре, проворно исследовал их пальцами.

– Раны позволили месиву просочиться внутрь. Пустить... *хлоп...* корни. Сколько уже прошло? Точно?

Блажка задумалась.

– Около шестнадцати месяцев.

– А когда... *шляк...* заболела?

– Четыре месяца назад... кажется.

– Кажется?

– Тогда был первый приступ. Первый раз, как я выхаркала это дерьмо.

– *Сссск...* Но слабость чувствовала и раньше?

Блажка кивнула, ненавидя признавать, что это так.

– Какими другими путями оно изгонялось?

– Чего?

– *Кхлот...* Ты его высирала? Выссывала? Высмаркивала через нос?

Блажка почувствовала укол паники.

– Нет, нахрен! А что, такое возможно?

Костолыб не ответил, только поднес длинные пальцы к своему напряженному лбу, чтобы его потереть.

– А что насчет крови из твоей утробы? В прошлый... *хлюп...* раз, как ты была здесь, у тебя не было крови после атаки.

Это было правдой, но тревоги не вызывало. В отличие от мужчин, женщины-полуорки не были бесплодны, но и не были слишком плодовиты. У Блажки кровь могла не идти годами, а потом появиться несколько месяцев кряду. Берил сказала им с Нежкой, что это так и будет происходить неожиданно, пока не перестанет совсем.

– С тех пор, как была здесь, кровь у меня была один раз, – сообщила она. – Два месяца назад. Там ничего не было.

Мужчина задумчиво кивнул.

– Оно выходит у тебя из легких. Живота... *хляп...* Но сейчас стало хуже. Что именно?

– Я... не могу дышать. Чувствую, как оно шевелится, переливается. И всегда грозит выйти. А когда выходит – будто душит. Мне кажется, я вот-вот умру, а потом оно выдавливается наружу.

– Очень хорошо. Ложись на спину.

Костолыб скрупулезно осмотрел Блажку, уделив особое внимание ее глазам и суставам. Она, как и прежде, перенесла все неудобства от его прощупываний – и ни разу его не ударила. Когда Костолыб закончил, то вернулся к своим шкафам. Она оперлась на край стола, вторгшись в тесное пространство аптекаря-затворника. Он посмотрел на нее, на его исхудалом лице не читалось никаких чувств.

– Когда я сделал тебе ту смесь, я будто бросил кости. Я удивлен... *сыпн...* что ты еще жива.

Блажке оставалось лишь мрачно усмехнуться.

– Я хотела то же сказать о твоём дружке снаружи.

Мужчина улыбнулся, заставив её пожалеть о собственном остроумии.

– Он был здесь задолго до меня. Я лишь жилец в этом ските, а он вечно сторонится убежища... *хлют...* Он иногда падает. Но он как птица. Весит так мало, что падение едва ли причинит ему вред. Кости такие тонкие, что он чуть не парит. Хотя когда-нибудь это случится. И перелом шеи или трещина в черепе завершит поиск той истины, что он ищет... *Сссслж.*

– А что насчет моего поиска? Есть лекарство?

Костолыб посмотрел на неё с сожалением.

– Я не чародей. Может быть, тот, кто тебя порезал, сумеет помочь.

– Нет. Не может.

– Тогда в Страву. Говорят, верховный жрец Белико...

– Нет! – Она буквально выплонула отказ. Она видела, что влекли за собой сделки с Зирко и его богом, и не хотела заключать ничего подобного. – Неужели твои лекарства больше ничего не могут?

Лекарь поджал выпяченные губы. Он задумался, и на нём отразилась тревога.

– Есть кое-что, – поняла Блажка.

Костолыб медленно, степенно подошел к шкафам. Достал из самой глубины одного из них глиняную бутылочку. Та была не крупнее его большого пальца, окрашенная в бледный нездорово-красный цвет. Когда Блажка была маленькой, в Серых ублюдках был ездок по имени Хмырь. Иногда, бывая в Отрадной, он развлекал сирот тем, что находил пару скорпионов и натравливал их друг на друга. Видя сейчас, как Костолыб держал эту бутылочку, она вспомнила, как Хмырь обращался со скорпионами. Легко, но осторожно.

– Киноварь, – произнес он, будто обращаясь к самой бутылочке, да так, словно выругался. – В гиспартских шахтах люди гибли пачками, пытаясь выкопать это вещество из земли. В Империуме его ценили выше жизни – и только потому, что жены императоров красили им лица... *Сссслк...* А в очищенном виде, как ртуть, он ценится всеми алхимиками отсюда до Тиркании – они верят, что если сплавить его с бесценными металлами, то получится золото. Золото... *Шлюк...* Опять же, ценнее человеческой жизни. Но в моем ремесле из него готовят зелья, порошки, соли, считая... *хлюп...* что он продлевает жизнь.

Едва он начал протягивать руку с бутылочкой, как Блажка поспешила ее ухватить, но Костолыб придержал ее.

– Послушай меня. *Сссслт...* Это яд. И больше ничего. Он только убивает все, что рискнет с ним соприкоснуться. Пойми, приняв его, ты попытаешься убить гадость внутри тебя. Орочья кровь сильнее человеческой. Это, наверное... *ссслт...*

сработает. Но пойми: вливание киновари, вероятно, убьет и тебя. Даже скорее, чем инородная жидкость.

Он снова протянул бутылочку.

Блажка сперва спросила:

– Так... месиво меня убивает?

– Да. Полагаю, что так.

Она взяла пузырек.

По осунувшемуся лицу Костолыба пробежала рябь разочарования.

– Одну каплю под язык. Только одну.

– Каждый день?

– Если сможешь.

Блажка оглядела сосуд.

– Надолго не хватит.

– Не хватит, – последовал мрачный ответ. – Так или иначе... *Ссслт...* Не хватит.

Глава 4

Выйдя из грота, Блажка обнаружила, что, помимо Колпака, ее ждали двое кочевников. Как стало ясно, они пришли, пока она лежала на столе Костолыба, – тогда же она услышала топот и фыркание свиней и короткие приветствия. Но, лежа без штанов, Блажка не придавала особого значения, понимая, что если это и сулит какие-либо неприятности, то ее бледный ездок со всем разберется. Когда Блажка показалась снаружи, старший из двоих ей кивнул. Все орки были полностью лишены растительности, поэтому если у полукровки оказывалась борода или волосы, то благодарить за это им следовало их человеческую половину. У этого же были соломенного – редкого для полукровки – цвета бакенбарды. Начиная куститься над его ушами, они тянулись к подбородку и вступали в резкий контраст с темной кожей. Блажка прикинула, что он был лет на пятнадцать старше ее, а может, и того больше. Поперек спины у него висел арбалет, что тоже было странно. Обычно кочевым недоставало ресурсов, чтобы поддерживать тренчало в пристойном виде. Молодой же вольный едва заметил ее присутствие: он был слишком занят беспокойным наблюдением за отшельником, сидевшим на шесте.

Поначалу не обращая на них внимания, Блажка забрала у Колпака свое оружие. Когда она застегивала пояс с мечом,

появился Костолыб.

– Ах, Мозжок... *Клюк*... Тебя что привело?

– Не болезнь, Костолыб, – ответил старший кочевник и указал на своего спутника. – Просто показываю новенькому, где ты обитаешь. Вероятно, скоро ты ему понадобишься. Если, конечно, он выживет.

Мозжок подтолкнул спутника, оторвав его от созерцания безумца.

Лекарь выступил вперед и улыбнулся.

– *Ссслт...* Я к твоим услугам. Хотя и молю, чтобы они никогда тебе негодились.

Молодой кочевник пришел в ужас от его страшной ухмылки. Затем сам улыбнулся в ответ, куда более приятно, и протянул руку.

– Меня зовут Лодырь, – представился он, и его улыбка стала шире, когда Костолыб сжал его запястье. В Уделье такое приветствие встречалось редко.

Блажка присмотрелась к этому добродушному полукровке. Он не был худым, как большинство недоедающих кочевников, но даже с учетом этого его имя казалось ей диковинным. Его мускулистая фигура никак не отождествлялась с ленью. Напротив, в Лодыре было что-то от леопарда: его тело даже в покое, казалось, было готово совершить внезапный прыжок. Волосы Лодыря, в отличие от растительности его спутника, росли на макушке и завивались в мелкие кудри. Татуировок на руках у него не оказалось, и, заметив это,

Блажка еще сильнее сдвинула брови. Когда ездока исключали из копыта, его братья вымарывали его татуировки лезвиями топоров, помечая как изгоя и стирая его связь с братством. У Мозжка с Колпаком до сих пор имелись такие шрамы, но на синевато-серой коже Лодыря никаких повреждений не было – ни старых, ни новых. Черт, казалось, у него вообще никогда не было татуировок.

Блажка оставила их отсутствие без замечания. Она не могла поступить иначе. Кодекс копыта предписывал не спрашивать вольных ездовых об их прошлом.

На нем были ездовые штаны, но в отличие от Мозжковых они не выгорели на солнце и не пропитались потом. Только выветрились, конечно, но ничуть не прогнили. В руке он держал крепкий лук, изготовленный на уньярский манер. Свины обоих кочевников выглядели шустрыми, крепкими, лишь у пятнистой свиноматки Мозжка Блажка заметила повреждение ноги.

Костолыб тоже его заметил.

– У Мертвой Невесты... *ссслж*... задняя левая нога припухла. – Он подошел, чтобы сесть перед свиньей на корточках. Пока они с Мозжком переговаривались, Лодырь заметил Блажкин взгляд.

И подмигнул.

– Даже твой немногословный друг представился, – проговорил он игриво. – Надеюсь, услышу твое имя, пока ты не ускакала. Если, конечно, ты здесь не за лекарством от немо-

ты – иначе позор мне!

Мозжок, нахмурившись, мотнул на него головой.

– Позор тебе, потому что это – главарь Реальных ублюдков, невежда!

Это привело Лодыря в ужас. Он посмотрел на вход в грот, словно надеялся, что оттуда выйдет кто-то еще.

– Я думал...

– Что я выше? – закончила за него Блажка. – Не переживай, член у меня такой же большой, как тебе говорили.

– Простите его, вождь, – сказал Мозжок. – Он совсем пустой, одно только семя да глупость.

– Да, простите его, – Лодырь быстро оправился и вернул ухмылку на лицо, – и скажите ему свое имя.

Затягивая ремень, обхватывавший туловище Щелка, она бросила ему через плечо:

– Ублажка.

– А я думал, копытные имена не бывают такими буквальными, – отозвался Лодырь с благоговением.

Блажка не знала точно, что он имел в виду, но, судя по его тону, оскорблением это не было.

Колпак подошел к ней, остановившись по другую сторону седла Щелка.

– Мне нужно остаться. День-другой поохочусь для Костыба.

Блажка кивнула. В прошлый раз уговор был ровно такой же. Аптекарю требовалось отплатить, но она задерживаться

не могла. Она и так уже долго отсутствовала в Отрадной.

– Я в бордель, потом домой.

Колпак едва заметно нахмурил лоб.

– Если не согласен, Колпак, скажи что-нибудь.

Когда он ответил, его губы лишь слегка шевельнулись, а голос прозвучал так тихо, что Блажка его еле расслышала.

– Тебе следует подождать.

Блажка украдкой оглянулась, удостоверяясь, что Лодырь ушел за пределы слышимости.

– Не могу.

– Ты больна.

– Я в курсе, нахрен.

– Ты вождь.

Блажка дернула за стремянной ремень.

– Еще раз: в курсе.

– Тебе нельзя ехать одной.

Она опустила крыло седла так, что Щелкочесу пришлось, хрюкнув, переступить с ноги на ногу. Затем, ухватив его за гриву, призвала борова к спокойствию и, глянув поверх его спины, сердито зыркнула на Колпака.

– Нельзя?

Сопляк от такого взгляда промочил бы штаны, но Колпак оставался тверд, как надгробный камень. И еще он был прав. Она больна. Она умирает, черт возьми. Весть об этом могла бы ее испугать, если бы не звучала так разумно. Если бы не ощущалась так же.

Хотя год назад все обстояло бы иначе. По правде сказать, вся ее жизнь была непостижима. Здесь, конечно, речь о смерти, но есть и другое. Столкнуться с тяжаками в бою, сидя на свине, – это смерть. Знакомая, ожидаемая. Которой можно противиться до последнего захлебывающегося крика, последнего издыхания. Она никогда не чувствовала себя слабой, сражаясь со смертью. Однако борьба с умиранием, казалось ей, шла в тисках бессилия. Блажка никогда не понимала жалоб старых и немощных. Седые волосы и морщины представлялись ей жалким оправданием для замедленных рефлексов и помутненного рассудка. По ее мнению, не стоило потакать старческим недугам, нужно было отказаться их признавать. Слабость следовало игнорировать. Вот как она считала.

Но сейчас Блажка понимала неизбежную истину: тело тоже могло предавать. Приступы кашля невозможно подавить одной отвагой. Она не могла быть сильной лишь из-за простого, неприятного факта – что она ослабла. Бросать вызов смерти легко, лишь когда не умираешь.

А она умирала, нахрен.

Но пока не умерла. И до тех пор...

– У меня есть обязанности, Колпак. Как у вождя. Найденнышам нужна кормилица. И вряд ли я ее найду, если буду сидеть здесь рядом с этим полоумным стервятником на колесе. Мне нужно к Ресии. Там, где ты точно не пригодишься, и мы оба это знаем.

Настал ее черед быть правой. Колпак приводил шлюх в ужас – и отнюдь не из-за бледной, испещренной шрамами кожи и безжизненных глаз. Эти женщины постоянно имели дело со страшными мужчинами, но тот, кто никогда не ложился с ними в постель, был для них зловещей загадкой с неведомыми желаниями. А обуздать полуорка, у которого нет очевидных желаний, было невозможно. По крайней мере, для шлюхи.

– Ты остаешься здесь, – сказала Блажка. – Удостоверишься, что мы с Костолыбом в расчете, потом увидимся в Отрадной. А я поеду сама...

Она повернулась и увидела, как Лодырь украдкой тянет руку, чтобы крутануть колесо отшельника, а Мозжок с Костолыбом его за этим не застали.

– Думаю, я могу взглянуть на этих двоих.

– Ты их не знаешь, – сказал Колпак.

– Мне и не нужно их знать, – ответила Блажка. – Они тебя знают. Твоя репутация среди кочевых... черт, они тебя боятся, нахрен. И не без основания. Если попытаются что-нибудь со мной выкинуть – окажутся в дураках. К тому же они не вызывают у меня отвращения. Если Ресия сочтет их нормальными, я, может, и приглашу их в Отрадную.

– Это лишние рты.

– Знаю. – Она вздохнула. Но у нас и так всего семь ездов. Раз стена отнимает столько времени, нам понадобится больше силы. Да, это лишние рты, но и лишние свины, клин-

ки и луки. Пока у нас нет сильной крепости, лучше, чтобы были сильные руки.

– Шесть.

– Что?

– У нас шесть братьев, а не семь.

– Мать твою, – прошептала Блажка, покачав головой. Она посчитала Овса.

– Еще кое-что.

– Черт, ты как рот откроешь, так потом не заткнешься, – подколола его Блажка.

Пауза.

– Ты так можешь собрать полное копыто головорезов.

Блажка перестала возиться с седлом и задумалась. Вольные ездоки были изгоями своих копыт, их братья по той или иной причине проголосовали за их исключение. Уделье же было неумолимым краем, а значит не знало пощады к тем, кто осмеливался здесь жить. Каждому ездоку приходилось быть суровым и действительно готовым сделать все, что потребуется во благо копыта. Эта необходимость и породила убийц и грабителей. Но какое вождю было дело до того, что его банда состоит из худших полукровок на свете, если они ему преданы? Вот только кочевники по определению такими не были. Впрочем, иногда им давали второй шанс, и риск оправдывался.

Блажка посмотрела в бездонные глаза Колпака.

– Но тебя же мы приручили, так?

– Нет, – ответил он бесстрастно. – Я шпионил для Певчего.

– Чтобы свергнуть Ваятеля, – добавила Блажка.

– Чтобы свергнуть вождя. – Голос Колпака вдруг обрел выразительность, и его внезапный прилив чувств возымел пробуждающее, отрезвляющее действие.

– Я тебя слышала, – ответила Блажка. – Но они пока не сидят за нашим столом.

– Им не обязательно быть посвященными братьями, чтобы знать, где они тебя встретили.

Блажка оглядела каменоломню, и ее взгляд упал на обитель Костолыба. Если Ублюдки узнают, что она была здесь, у них, несомненно, возникнут вопросы, особенно у Меда. И тогда она встанет перед выбором: солгать или рассказать о болезни. А какой вождь по своей воле признает слабость? Это противоречило всем принципам управления копытом. Блажка не сомневалась, что сам Ваятель скрыл бы свой недуг, будь это возможно, но это оказалось единственным, чего он скрыть не сумел. Блажка могла сказать Колпаку, что не будет такой и не станет таить секретов, но это было бы ложью. И не единственной.

– Костолыб, – позвала она, возвращая внимание лекаря. – Я надеюсь, ты продолжишь изучать причины нашего неурожая.

Мужчина плавно включился в представление.

– Конечно... *хлют*... Я возлагаю надежды на то, что че-

ренки, которые ты принесла, раскроют источник болезни.

– Хорошо. – Блажка переключилась на Мозжка. – Вы с новеньким не хотите немного проехать со мной?

Лодырь аж отпрыгнул от шеста пустынного.

– Да!

– Куда проехать? – Мозжок оторвал взгляд от копыта своей свиньи, но с куда меньшим воодушевлением.

– К Ресии. – Блажка посмотрела на Лодыря. – Бывал уже там?

– Нет, – ответил он, а потом снова улыбнулся той же улыбкой. – Но я нахожу эту перспективу бесспорно заманчивой.

Блажка отвернулась от его убогого флирта и снова взглянула на Мозжка.

– Не хочу посягать на дело Костолыба, но я уверена, он тебе скажет, что никакая припарка не излечит ногу твоей свиньи так, как кров и покой да добрый корм. В хлеву Ублюдков она восстановится быстрее всего. Идем со мной в бордель, а потом сможешь пожить немного у нас в Отрадной.

– Готов спорить, и это название подходящее, – заметил Лодырь.

– *Шлюп...* Она права, – вставил Костолыб. – Я могу дать кое-что, чтобы выиграть время, но если копыто останется в движении, то может... *ииииитт...* сгнить.

Мозжок не сводил глаз с Блажки.

– Ты предлагаешь мне место в своем копыте?

– Я предлагаю тебе шанс заработать право на голосование.

Если захочешь.

Кочевник стиснул зубы и прищурился, посмотрев в небо.

– Прежде чем ответишь, – сказала Блажка, – тебе нужно знать две вещи. Первая – что Отрадной еще нужно преодолеть сотни фарлонгов, чтобы процветать. И ложиться спать тебе чаще всего придется на голодный желудок.

Мозжок покачал головой.

– Мне не привыкать. А вторая что?

– От своих ездовых я многого требую.

– Хм-м-м. – Мозжок погладил седые бакенбарды. – Никогда еще я не получал приказов от женщины.

– Получал, я уверена, – сказала Блажка, затягивая напоследок подпругу своего седла. – Как минимум от той, что кричала тебе не останавливаться.

Лодырь простодушно рассмеялся.

Мозжок мешкал всего мгновение.

– Отлично.

Блажка отвела Колпака в сторону, пока Костолыб скрылся в своем жилище, чтобы найти лекарство.

– Я буду осторожна с этими двумя. Пока доберемся до-мой, узнаю все, что нужно.

Колпак посмотрел поверх ее головы.

– Будь начеку.

– Буду.

Уль-вундулас обжигало заходящее солнце. Спустившись

с Амфор, Блажка повела Мозжка с Лодырем в быстром темпе, и их свины взметали пыль, пока не достигли реки Кавалеро – притока Гуадаль-кабира, – названной так потому, что по ней проходила восточная граница удела кастили. Вместо того чтобы перейти ее вброд, она остановила Щелкочеса и все спешили, позволив варварам напиться с берега. Когда Мозжок сел на корточки, чтобы зачерпнуть воды в рот, Блажка заметила топор, засунутый за пояс за его спиной. Оружие выглядело подозрительно похожим на метательные топоры, которые в копытах традиционно использовались для голосований против решений вождя. Ублюдки все свои топоры потеряли, когда разрушилось Горнило, и никто не спешил искать им замену.

– Говорят, он его поймал.

Блажка не слышала, как Лодырь подошел к ней, и чуть не вздрогнула от его внезапного, но спокойного заявления. Она обернулась и увидела, что ухмыляющийся кочевник стоит у нее прямо за правым плечом.

– Что поймал? – переспросила она.

– Топор, – ответил Лодырь, понизив голос до заговорщицкого шепота. – Пытался получить место вождя Сеятелей черепов и проиграл голосование. Мозжок встал перед пнем, чтобы получить приговор, но когда его вождь метнул топор, наш угрюмый друг что сделал? Да, поймал топор на лету. И вышел из Борозды с ним в руке, срезая с себя татуировки по пути.

Блажка недоверчиво посмотрела на него.

– Думаю, ты ему поверил и когда он рассказывал, что у него член больше кентаврового.

– Да он ни слова не сказал, – ответил Лодырь без всякого притворства. – Так и понимаешь, что история правдива – когда герой не хвастает сам.

– Это что, кочевничья мудрость?

– Мне нравится думать, что это предположение чистой интуиции.

– Опять красивые словечки, – сказала Блажка с притворным благоговением. Затем окинула его оценивающим взглядом, снова обратив внимание на отсутствие татуировок копыта и шрамов, как у всех изгоев. Все полуорки были крепко сложены, но в мускулистом теле Лодыря ощущалось что-то необычное. Он был слишком... изысканный. Как безголовая имперская статуя из тех, что сохранились на руинах Кальбарки. Когда все мелкие черты слились в четкий образ, Блажка с заметным презрением озвучила свою догадку:

– Ты из Гиспарты.

– Из Магерита. – Лодырь лучезарно улыбнулся.

– Из траханого города короля?

– Королевы, да.

– Ну и ну, нахрен! Ты никогда не был в копыте, мать твою. – Самодовольное лицо Лодыря слегка поникло под ее хмурым взглядом. – А какого черта делаешь в Уделье?

– Он третий.

Мозжок поднялся с берега на возвышение, ведя своего варвара за свинодерг.

– Кто? – переспросила Блажка.

– Это... – Лодырь поднял палец.

– Тертый, – повторил Мозжок. – Полукровки из королевства приходят в Уль-вундулас, чтобы подсыпать песка себе в задницу, вкусить кочевой жизни, да, может, получить пару шрамов. Юные отпрыски думают, что Уделье сделает из них суровых мужчин. Большинство быстро гибнут. Остальные обоссываются после первой встречи с тяжаком или тавром и в мокрых штанишках убегают домой. – Затем Мозжок указал пальцем на Лодыря. – Этот здесь, чтобы потом вернуться в плотский дом, сойти там за кровавого убийцу орков и поднять цену, которую голубокровки будут платить за его стручок.

Блажка повернулась к Лодырю.

– Это правда?

Разоблаченный тертый дерзко пожал плечами.

– Вельможным женщинам хочется немного опасности, немного распутства. Мне надоело кататься на карнавалы и выковыривать монеты из грязи. Если вынесу пустоши, я смогу назначить высокую цену за ублажение щелок самых модных дам в Магерите. Комфорт. Роскошь. Вот что наполнит мою жизнь.

– А твое тело и язык – наполнят щелки хилячек, – пробормотал Мозжок, осматривая распухшее копыто своей свиньи.

Изумленную Блажку охватила досада.

– То есть ты пришел сюда, чтобы вернуться туда и быть... шлюханом.

– Котрехо¹, – поправил Лодырь.

– Нет-нет-нет-нет, – возразила Блажка, начиная смеяться. – Ты сказал, что собираешься трахать богатых женщин за монеты. Я не знаю, кто назвал тебя Лодырем, но поскольку ты, очевидно, придумал это сам и никогда не был в копыте, Лодырь не может быть твоим копытным именем. Отныне ты будешь Шлюханом, если хочешь ездить со мной.

– Я...

– Залезай в седло, Шлюхан, – приказала Блажка, забираясь на свина. Мозжок у нее за спиной издал горловой звук, который вполне мог сойти за смешок. – И сколько ты пробыл в Уделье? Честно.

Лодырь поднял голову.

– Около полугода. И я еще не мертв.

– А он умеет драться? – спросила Блажка, обращаясь к Мозжку. – Умеет стрелять?

Кочевник почесал густой бакенбард и безразлично пожал плечами.

Лодырь возмущенно стиснул зубы.

– Ты думаешь, полукровкам тяжело приходится только в Уделье? Думаешь, если рождаешься помесью в Гиспарте, то тебя никто не презирает? Да каждый дерзкий хиляк, кото-

¹ Cortejo (исп.) – дамский угодник (Здесь и далее – прим. пер.).

рому захочется что-нибудь доказать, видит в тебе вызов. И качает права, чтобы подмять полуорка. А если ты его одолеешь, то это не значит, что на тебе не отыграются его друзья. Я умею драться. И еще умею читать. Как думаешь, меня кто-нибудь хотел этому научить? И я говорю по-орочьи. Попробуй найти того, кто этому научит в самом оплоте культуры. Вот вы смеетесь надо мной из-за того, что приехал в Ульвундулас, за то, что хочу проверить, смогу ли здесь выжить. Так скажите мне, вы оба, вы пытались когда-нибудь пожить в Гиспарте? Пытались преуспеть в этой бездушной, порочной цивилизации? Ездить верхом я научился на карнавалах, потому что только так возможно избежать арены. Потому что, к счастью, у вельмож считаются модными драматические постановки Великого нашествия орков. А после представлений купеческие жены приходили ко мне с монетами, чтобы получить удовольствие. Но придворным дамам нужны только настоящие жители пустоши. Поэтому я здесь.

Блажка захотелось поддеть его еще немного.

– Я только спросила, умеешь ли ты стрелять.

Лодырь выхватил стрелу из колчана, вставил в лук, поднял и выпустил. Стрела пронеслась над головами и воткнулась точно в мшистую скалу, торчавшую из бегущей реки.

Оценив расстояние, Блажка медленно кивнула, выразив одобрение.

– А из тренчала?

– Арбалеты запрещены для граждан Гиспарты, – ответил

Лодырь. – Мне разрешали иметь только поддельный на выступлении в честь дня рождения королевы Мадре, где я играл Ваяльщика.

Блажка не сразу поняла, что он только что сказал.

– Ты имеешь в виду... Ваятеля?

– Вождя Серых ублюдков. Ваяльщика. – Лодырь сдвинул брови.

Мозжок громко рассмеялся.

– Про него... бывают спектакли? – Блажка почувствовала, как ее желудок пытается вытолкнуть что-то наверх. Месиво это или просто отвращение – она точно не знала, но подавила позыв.

– Драматические постановки, – уточнил Лодырь. – Да, он довольно романтический образ среди...

– Черти чертовские, Шлюхан, заткнись!

Приказ соблюдать молчание продержался до конца дня. Они гнали свинов в ночь столько, сколько это имело смысл: ведь даже у рожденных в Уделье варваров был предел выносливости. Луна и звезды варились в мутном бульоне облаков, отчего ночная езда становилась безрассудством. Они разбили лагерь на равнине. Это было рискованно, но они не стали тратить время на поиск более подходящего места: его можно было просто не найти. Блажка позволила развести огонь. Ужин составили только несколько глотков воды из бурдюка. Никто из кочевников не пожаловался.

– Вы двое спите, – сказала им Блажка. – Я буду бдеть. Нам

нужно дать свинам хорошо отдохнуть, но если после полуночи небо прояснится, мы поедем дальше.

Кочевники ответили согласным бормотанием. Лодырь улегся, расположившись на брюхе своей свиноматки. В попытах полукровок такая поза называлась «сосунком», и не каждый варвар позволял ездокам так спать, особенно самцы. Очажок позволял Шакалу, и это было одной из многих черт, которые делали его свина особенным. От мысли о нем Блажке стало горько, и она прогнала ее. Щелкочес всхрапнул на краю освещенного костром круга. Этот свин ни за что не дал бы сделать из себя подушку. Из свинов, которых дали Клыки, точно никто бы этого не позволил, даже самки.

С другой стороны от костра Мозжок усердно чистил арбалет.

– Тебе нужно спать, – сказала Блажка.

– Это тренчало сдохнет, если я не буду о нем заботиться.

– Сколько ты уже с ним? Большинство вольных не могут содержать тренчала.

Мозжок на мгновение остановился, задумавшись.

– Этот – лет пять.

Последовало долгое молчание. Блажка решила оставить его в покое, но он заговорил сам.

– Первое я потерял. Я старался счищать ржавчину со станка, натирал воском тетиву. И не заметил, что кожа на ремешке стерлась. Как-то переходил весной Гуададь-кабир, когда было самое полноводье. Течение тогда чуть не унесло и ме-

ня, и моего свина. Но перейти нам все-таки удалось, только тренчало ушло. Остаток сезона я просидел в Кальбарке, упражняясь с долбаным луком. Это совсем не то.

– Не то, – согласилась Блажка.

Внимание Мозжка на мгновение переключилось куда-то между Блажкой и арбалетом, и он явно задумался, стоит ли ей о чем-то сообщить.

– В чем дело? – спросила она.

– Некоторые кочевые треплют языками, что у вас в копыте есть один здоровый троекровный. И он как твоя правая рука. Но у Костолыба я такого не видел. Только Колпака.

Блажка почувствовала укол беспокойства.

– А почему спрашиваешь про троекровного?

Мозжок пожал плечами, все еще сосредоточенный на арбалете.

– Я дрался вместе с троекровным из Серых ублюдков как-то в Предательскую. Много лет назад. Его тогда еще только недавно приняли посвященным. Просто интересно, тот же это полукровка или нет.

– Овес, – сказала Блажка.

– Да, он. Он мертв? Мне такое трудно представить, знаешь, но я помню, вашему копыту несладко пришлось той весной, когда пришли тяжаки.

– Мне пришлось его отослать. Из-за недостатка продовольствия.

– Чудище слишком много ело, да? – Мозжок безрадостно

усмехнулся. — Ну это же трикрат, я понимаю.

— Наоборот, — сказала Блажка. — Он ел мало. Или вообще не ел, чаще всего. Думал, сможет перенести голод лучше остальных. Такая глупость!

— И ты его прогнала?

Мозжка, казалось, больше занимал спусковой крючок его тренчала, чем ответ, но Блажка все равно сказала:

— Нет. Он по-прежнему служит копыту. Только в другом месте, где не заморит себя голодом.

— Повезло ему, значит. Вдали от лишений и от опасности.

— Он в Яме Почета.

Мозжок вскинул голову. Пристально посмотрел на Блажку, забыв об арбалете. Затем, осознав, что она не шутит, тяжело выпустил воздух из-под заросших щек.

— Давно? — спросил он.

— Дольше, чем наш шлюханенок пробыл в Уделье. — Блажка кивнула на спящего Лодыря.

Мозжок изумленно хмыкнул и с двойным усердием продолжил возиться с арбалетом.

— Вот почему в Уделье не видно богов. Они все смотрят за твоим другом.

— Значит, они знают, на кого им ставить.

Больше они не говорили. Вскоре Мозжок отставил тренчало в сторону и устроился на тонкой скатке. И, под треск костра, полуорки захрапели вместе со своими свинами.

Блажка удостоверилась, что оба кочевника всецело пре-

дались снам, и достала яд, который дал ей Костолыб. Сперва она минуту приглядывалась к пузырьку, затем вытащила пробку. Осторожно наклонила его над открытым ртом, пока не почувствовала, как капля упала ей под язык. Яд обжег мягкую плоть, сделав ее шероховатой. Во рту появился неприятный металлический привкус. Блажка поводила языком, сплюнула, но едкое ощущение проникло сквозь зубы и отказалось уходить.

Облака так и не рассеялись. Блажка провела ночь, дрожа и потея, лихорадочно истекая слезами, кусая себя за руки, чтобы не поднять вой, и надеясь, что ее спутники не проснутся.

Глава 5

– ШПИОНЫ КОРМЯТ МУХ, – критическим тоном прочитал Лодырь слова, вырезанные на теле трупа. – Я думал, они умнее этого.

– Лжи не нужно быть умной. – Мозжок плюнул в землю.

Блажка ничего не ответила, предоставив озвучить свое согласие насекомым, которые с жужжанием пировали над несчастным полукровкой, пригвожденным к дереву. Его голое тело распухло от жары. Старые шрамы, выдававшие в нем кочевника, тянулись поверх татуировок копыта, почти неразличимых из-за пурпурных пятен гнили. В нескольких милях отсюда был виден его свин – зверя клевало полдюжины стервятников. Кавалеро, должно быть, находили удовольствие в самой погоне, раз позволили бедолаге проделать такой путь пешком.

– Уверен, что это ложь? – Лодырь почесал загривок. – Я слышал, орки в том году чуть не дошли до Гиспарты. Народ говорит, они бы так далеко не продвинулись, если бы им не помогли.

Мозжок сурово взглянул на тертого.

– Вольные ездоки не шпионят для тяжаков, малец. Усек? Никогда. Это тебе истина, которую можешь рассказать у себя на севере.

– Орки обошлись бы с любым полукровкой куда хуже, ес-

ли бы его поймали, — добавила Блажка.

— Хуже? — Лодырь уставился на жуткую тушу.

— Вот тебе еще истина, — согласился Мозжок.

— Зачем тогда врать? — спросил Лодырь. — Хилякам, насколько я знаю, никогда не требовались причины, чтобы убивать полукровок. Зачем тогда нести эту чушь про шпионов?

— Капитан кастили поехал умом, — ответил Мозжок. — Потерял ногу и тронулся. Ему теперь всюду враги мерещатся.

Блажка снова промолчала. Бермудо в самом деле лишился ноги, а может, и разума, но из всех кочевников он охотился только за одним. За полуорком, который, Блажка знала, был теперь далеко от Уделья.

Мозжок снова плюнул в землю.

— Давайте его снимем.

— Оставь.

Слова Блажки заставили кочевника застыть в седле.

— Черта с два я его оставлю!

— Оставишь, иначе другие кочевники пострадают так же, как он. — Блажка кивнула на дерево и то, что его украшало. — Потому что это лучшее предостережение для других вольных, что здесь ездят кавалеро. Если мы положим его в землю, то предостережения они не получат.

Мозжок задумался над ее словами с недовольством, но возразить против здравого смысла не сумел.

— До борделя уже недалеко, — сказал он. — Есть приличный шанс, что хиляки, которые это сделали, сейчас там.

Блажка уже подумала о том же.

– Ты ищешь расплаты? Или причину не ехать?

Мозжок указал на вспаханную землю вокруг дерева.

– Здесь было десятка два лошадей. А то и больше.

– Я видела. – Блажка кивнула.

– Если найдем их, будет семеро на одного, – заметил Лодырь.

– Шлюхан прав, – заметила Блажка Мозжку.

Кочевник недовольно хмыкнул.

– С такими шансами не поквитаешься.

– И еще нам придется убить их всех. Потому что если хоть один останется – донесет в кастиль.

– Допустим, удастся. Но ничто не помешает девкам Ресии рассказать, кто это сделал. Или ты думаешь их тоже перебить в придачу?

– Не думаю, – сказала Блажка.

– Тогда что?

– Это самое трудное. – Блажка обвела обоих полукровок значительным взглядом. – Оставим их в покое.

Это понравилось Мозжку еще меньше, чем идея оставить убитого полукровку непогребенным. Он выпятил челюсть.

– Если не сможешь, лучше уезжай сейчас, – сказала ему Блажка. – У меня есть дело к Ресии. Я не могу допустить, чтобы пролилась кровь и ему помешала.

Мозжок сердито посмотрел на висевшее на дереве тело.

– А если они не смогут этого оставить? Когда эти уро-

ды-хиляки увидят двух вольных и женщину-полукровку и решат напасть? Что тогда?

Блажка чувствовала, что Лодырь смотрит на нее, ожидая ответа.

– Это риск, – признала она. – Для тебя необязательный. Езжай дальше. Я ни хрена не подумаю о тебе плохо. Ведь ты кочевник, Мозжок. Ты рискуешь закончить свои дни пригвожденным к дереву или закопанным по шею в землю. Может, тебе и повезет никогда не пересечься с кавалеро. Но если ты все же их встретишь, ты предпочтешь быть один, как этот несчастный? Или лучше тебе быть с вождем Реальных ублюдков и претендовать на посвящение в копыто? Люди Бермудо убивают кочевников, но ради этого им приходится лгать. То есть кое-чего они все-таки боятся. Короны? Сомневаюсь, нахрен. Скорее всего – нас, копыт полукровок. Когда двадцать человек гонятся за одним, это говорит об их трусости. Я готова поспорить, что, когда они будут без лошадей, а мы встанем перед ними, им не хватит мужества даже посмотреть нам в глаза.

– А если ты ошибаешься? – спросил Лодырь, больше из любопытства, чем с тревогой.

Блажка пожала плечами.

– Мы погибнем прежде, чем сядет солнце. Обычное дело для Уделья. Зато ты, по крайней мере, умрешь в борделе. Почти как в твоих мечтах, Шлюхан.

Молодой полукровка ухмыльнулся.

– Мне подходит. Я с тобой. Ты что скажешь, Мозжок?

– Скажу, что у меня есть пара серебряных мараведи² и кучка задних хилаков не удержит меня от того, чтобы потратить их у Ресии.

Блажка хмыкнула.

– Щелки – источник всей отваги у полуорков.

– К черту щелок, – заявил Мозжок. – Я хочу горячей закуски. Лучше заплатить за полный живот, чем за пустые яйца.

– Здесь лежит Мозжок, – провозгласил Лодырь тем же тоном, каким читал ту надпись, выведенную ножом. – Он погиб за похлебку.

Блажка ухмыльнулась и повернула свина, оставив дерево с двумя гнездами личинок смотреть ей вслед.

У Санчо.

Это место легко называть иначе, находясь вдали от него, но видя кучу низеньких построек, обосновавшихся на уродливой равнине, что дают передышку от пустошей и изобилуют неприятными воспоминаниями, Блажка не могла не думать о нем никак, кроме как о том, чем оно было на самом деле.

С вольными ездоками по бокам она въехала за ограду пыльного двора. Вокруг не было никого, кроме одинокой фигуры у колодца. Женщина-полукровка, наполнявшая вед-

² Старинная испанская монета.

ра. Блажка подвела ездоков к конюшне. У Санчо там работал парнишка, Оливар, – он ухаживал за животными, на которых приезжали посетители, но, как и многие слуги жирного зануды, сбежал после того, как хозяин заведения был убит. Теперь позаботиться о свинах им предложил сутулый мужчина средних лет.

Блажка отмахнулась от него и, одновременно с Мозжком, спешила. Лодырь остался в седле, чтобы нести дозор, как они условились. Оставив Щелка и Мертвую Невесту с Мозжком, Блажка прошла мимо встревоженного конюха. Очутившись среди зловонных стойл, она быстро провела подсчет.

Брови Мозжка сдвинулись сильнее прежнего, когда он увидел лицо Блажки, вышедшей обратно во двор.

– Они здесь.

– Семь лошадей, – подтвердила Блажка. – Все из кастильской кавалерии.

– Всего лишь семь, – хмыкнул Лодырь. – Даже повезло.

Блажке не нравилась ухмылка, появившаяся у Мозжка между бакенбардами. Она метнула взгляд на конюха.

– Почему на них до сих пор седла?

Горбун провел языком по пухлой, недавно рассеченной нижней губе.

– Кавалеро настояли.

– Как и на том, чтобы наш брат болтался на том дереве, – заметил Мозжок.

– Там еще варвар, – сообщила Блажка, желая его отвлечь. – Кочевничий свин.

– Знаешь его? – спросил Мозжок.

– Знаю. – Блажка кивнула.

Она перекинула ногу через свина и толкнула его, чтобы пересечь двор. Женщина-полукровка у колодца взглянула на нее, когда Блажка проезжала мимо. Лицо женщины было испещрено множеством пересекающихся шрамов. Неудивительно, что она была одета как простая работница – в жалкую тунику и штаны, выгоревшие на солнце. Откровенные шелка на ней только зря бы перевелись. Черт, Санчо в свое время даже не позволил бы ей находиться здесь с таким лицом. Ресия, управлявшая борделем теперь, очевидно, была куда более терпима.

Снаружи главного строения у коновязи никаких лошадей не было. Спрыгнув из седла, Блажка начала привязывать свина, жестами показывая Лодырю и Мозжку привязать своих у противоположного конца, оставив Щелкочесу место для проявления ужасного норова, коим тот обладал. Когда она затянула последний узел, тень изувеченной женщины с ведром вытянулась на земле рядом со столбом коновязи.

– Вы...

– Не медлю, – закончила Блажка и толкнула дверь.

Находившиеся в жалкой бордельной харчевне встрепенулись при ее появлении. Один мужчина вскочил на ноги, с грохотом повалив табурет. Его спутник стукнулся о стол,

спешно пытаюсь встать, и опрокинул чаши. На пол плеснулось вино, когда оба мужчины прищурились от яркого света, который Блажка впустила за собой. Свет тут же померк, когда проем заслонили Мозжок и Лодырь. Шагнув внутрь, они вернули в комнату мрак: тот появился на встревоженных лицах присутствовавших здесь мужчин.

Блажка насчитала троих кавалеро. Двое вскочили, третий остался сидеть – отдельно за столом в темной глубине помещения. Все на мгновение замерли, держа руки на рукоятках мечей, но сталь никто не обнажал. Ситуацию разрядила женщина, прибывшая с новыми чашами на стол, за которым сидели двое. С хмурыми лицами они уселись обратно на места. Одиночка молча следил за вошедшими, но женщина быстро преградила его пристальный взгляд, когда, маневрируя между столами, подошла к Блажке.

– Добро пожаловать, мастер копыта, – проговорила она с гиспартским акцентом, в котором чувствовался анвильский оттенок. Она предложила им три оставшиеся чашки на подносе. – Для меня большая честь, что вы решили отдохнуть у нас.

Блажка лишь смутно припоминала эту распутницу с молочной кожей и темными локонами. Та как-то сидела у Шакала на коленях, играя роль идеальной скромной юной забавы, которую они делили с Делией. Блажка вспомнила, как ждала, что старшая шлюха заревнует и прогонит Ресию, но этого не случилось. Новая девка знала свое дело и соблаз-

няла Шака, не вытесняя Делию. Соблюдала хрупкий баланс. Блажку это одновременно отталкивало и впечатляло. Теперь эта миловидная девушка с мастерски надутыми губками управляла борделем, который частенько посещали кавалеро и полуорки. Блажка надеялась, что умение Ресии соблюдать баланс впечатлит ее и сейчас.

– Где остальные четверо? – спросила она тихо, принимая чашу.

Ресия, продолжая уверенно улыбаться, многозначительно глянула в сторону кавалеро.

– Трое в комнатах, проводят время в компании женщин. Еще один в бане.

Блажка поднесла вино к лицу, прикрыв чашей губы.

– А Щерба где прячется?

– На крыше бани, – ответила Ресия невозмутимо.

Блажке захотелось выругаться, но она сдержалась.

– Нам нужна комната. И не вздумай спрашивать с меня монет.

Ресия запросто выдержала ее грубость и жестом пригласила следовать за собой.

Они прошли по тесному мрачному коридору, что тянулся от задней части харчевни. Одна из дверей открылась как раз в тот момент, когда Блажка проходила мимо, и оттуда вывалился мужчина, чтобы обнаружить, что проход заблокирован. Блажка резко остановилась, но не из-за раскрасневшегося кавалеро, все еще поправлявшего на себе влажную ру-

башку – а потому, что на кровати за его спиной находилась голая полукровка. В нелепой позе, она прощалась с ним, побуждая к скорому возвращению. Глаза Нежки широко распахнулись, когда встретились с Блажкиным взглядом, но удивление и стыд быстро переросли в вызов и негодование.

– Сюда, – указала Ресия.

Блажка двинулась дальше.

В конце коридора Ресия открыла дверь, которая ничем не отличалась от остальных. Шагнув внутрь, Блажка увидела ветхую мебель, почувствовала затхлый запах и вспомнила те ночи, что проводила в этом проклятом месте. Лодырь и Мозжок ввалились следом, отчего в этом пространстве, и так довольно тесном, стало совсем не развернуться. Ресия также вошла в комнату и закрыла за собой дверь.

– Выведи того хиляка из бани, – сказала ей Блажка.

– Его уже склоняют к выходу, – ответила шлюшья госпожа.

– Кавалеро спрашивали про свина?

– Спрашивали. Я сказала им, он пришел без ездока.

– И они поверили?

– Конечно.

– Они отделились от большого отряда?

Ресия покачала головой.

– Похоже, что они часть основной группы, – заметил Мозжок, усаживаясь на край кровати. – А те уже должны были дойти до кастили. Этим повезло остаться здесь на страже.

Везучие гады.

– Нервные такие, – сказал Лодырь. – Заметили?

– Труссы всегда такие, – ответил Мозжок, фыркнув.

Блажка предостерегающе зыркнула на него.

– Давай обойдемся без фантазий. Я сказала, мы оставим их в покое.

– Это было, когда их было двадцать, – сказал кочевник.

– Это было, когда я сказала, мать твою! – Блажка почувствовала холодное щекотание в горле, переходящее в кашель. Затем, содрогнувшись, сглотнула, заставив его уйти вниз. – Мои приказы не меняются в зависимости от количества. Они меняются, когда я говорю, что они меняются.

– Ну и отлично. Только кажется, зря это. – Мозжок пошарил у себя в бриганте. Вынув монету, вручил ее Ресии. – Еды. Столько, сколько можно. Надеюсь, это будет что-то сытное.

Женщина опустила подбородок и посмотрела на Блажку.

– А вы? Зачем пришли?

– У тебя есть девки с детьми? Или кормящие? Найденышам в копыте нужна кормилица.

На лице Ресии не проявилось никаких чувств.

– И не смей со мной лукавить, – предостерегла Блажка. – Я, если придется, сама опрошу каждую.

Ресия глубоко вдохнула через нос.

– У Хильде скоро срок. Я спрошу ее.

– Я сама спрошу. Пришли ее сюда.

– Она гуабка и плохо говорит по-гиспартски. Лучше бу-

дет, если я...

– Я говорю по-гуабски, – заявил Лодырь.

На старательно контролируемом лице Ресии отразилось негодование.

Блажка улыбнулась ей.

– Давай. Мой Шлюхан поговорит с твоей. Шли ее сюда.

Вернув самообладание, Ресия выскользнула из комнаты.

Мозжок принялся заряжать арбалет – Блажка с Лодырем вопросительно уставились на него. Старший кочевник указал подбородком на дверь.

– Она скорее навлечет на нас кавалеро, чем согласится потерять щелку для монет, а я бы хотел встретить их не только оскорбленными чувствами.

– Справедливо, – сказала Блажка и вставила стрелу в тренчало.

Лодырь, оглядевшись по сторонам, понял, что натягивать тетиву здесь негде, и с встревоженным видом вынул нож.

Когда дверь снова открылась, в проеме оказались не кавалеро и не беременная хилечка из Гуабии. Это была Нежка с подносом, на котором лежал хлеб, полкруга сыра, баранья нога и миска с чем-то дымящимся. От аромата желудок Блажки превратился в разъяренного пса. Мозжок отставил арбалет в сторону, встал с кровати и со вздохом глубокого удовлетворения принял поднос.

Блажка не видела Нежку с полгода и не слишком-то хотела лицезреть ее сейчас. Кокетливая девка с пышным задом,

она умела возбуждать мужчин одним взглядом – по крайней мере, так говорили братья в копыте. Ей никогда не хотелось становиться никем иным, кроме как койкогрелкой, чтобы жить в Горниле. Она мечтала об этом еще малой сиротой под опекой Берил. Блажка до сих пор помнила эти признания, высказанные шепотом, вперемежку с хихиканьем, и все Нежкины расспросы с придыханием, о том, кто из Ублюдков ей нравился. От этого Блажку тошнило даже тогда, несмотря на то, что она много лет оставалась Нежкиной поверенной.

Довольный Мозжок шумно набросился на еду. Нежка замешкалась. Блажка попыталась прогнать ее взглядом, но получила настойчивое приглашение подойти. Выругавшись про себя, Блажка вышла в коридор. Когда дверь плотно закрылась, Нежка решительно посмотрела на нее.

– Хильде не придет, – сообщила она. – Ни в эту комнату, ни в Отрадную.

– Если эта анвильская потаскушка думает, что может удержать ее от меня...

Блажка повернулась, чтобы двинуться по коридору, но Нежка схватила ее за руку.

– Не из-за Ресии.

Развернувшись и высвобождая руку одним движением, Блажка вскипела.

– Я не собираюсь тут играть. Объясни, нахрен.

– Из-за меня, – заявила Нежка, отвергая страх. – Я сказала Хильде не идти. Сказала ей, что ее ждет, если она пойдет к

Ублюдкам.

– Отказ от немых членов, которые она берет за монеты?

– И от питания чаще чем раз в три дня!

– Она ела бы чаще, чем...

– Каким образом? – спросила Нежка, ее голос начинал дрожать. – Колючка ела не чаще! Поэтому ты сюда пришла? Она умерла? Вы наконец-то высосали ее всю? Черт, я молила ее уйти со мной и...

– Стать шлюхой не выход...

– А теперь ты убила ее, нахрен. Скольких еще ты приведешь к смерти, прежде чем...

– Она жива...

– Откажешься от этой дурацкой затеи быть вождем?

Блажке едва удалось сдержаться, чтобы не схватить мелкую проститутку за горло. Но все же она инстинктивно подалась вперед, оскалив зубы.

– Осторожно, Нежка, – прорычала она, оказавшись с уступавшей ей в росте женщиной почти нос к носу, но агрессия только подпитывала непокорность той.

– С чего? Ты здесь не главная. И не можешь мне приказывать. Это не твой надел. Не твое копыто. Ты не распоряжаешься ничем, что есть в этих стенах, Изабет.

Легкие Блажки угрожающе захрустели, но она скрыла недоумование и ярость за усмешкой.

– Тебе стоит знать, – почти шепотом проговорила она, – с того дня, как ты ушла, Хорек умолял меня отпустить его,

чтобы приехать к тебе. Я отказала. Не знаю, намерен ли он положить тебя на рожок седла и увезти назад в Отрадную... или содрать шкуру за то, что его бросила. Мне не хотелось жить ни с одним из этих исходов, если говорить честно. Но попробуй еще раз ответить мне с неуважением, тупая ты щелка, и я позволю ему приехать, и тогда посмотрим, что будет.

Нежка распахнула глаза, затаив дыхание.

Блажка посмотрела вдоль коридора.

– Можешь вернуться к своему делу.

Как только шлюха убежала, Блажка толкнула дверь и обнаружила, что Мозжок уже обмакивает в миске кусок хлеба, а Лодырь с досадой наблюдает за ним.

– Ты уже со всем управился?

– Я быстро ем.

– Очень быстро, – подтвердил потрясенный Лодырь.

Блажка наклонила голову в сторону коридора.

– Мы уезжаем.

Мозжок запихал хлеб в уже и так набитый рот и встал, взяв тренчало. Не сделали они и трех шагов, как за тонкими стенами борделя поднялся переполох. Раздались мужские голоса, скрежет и звуки борьбы. Все они доносились со стороны бани.

Блажка замерла.

Щерба.

Черт.

Оставить в покое. Вот как она решила поступить. Они могли пойти сразу к своим свинам, должны были сразу идти к ним. Но оставить труп на дереве и его убийц безнаказанными – это одно. А позволить тем же людям убить еще одного полуорка, каким бы никчемным трусом тот ни был, – совсем другое.

Блажка побежала к противоположному концу коридора, Мозжок и Лодырь – за ней следом. Двери в баню не было – только арочный проем в огороженный двор, соединявший ванны и их обветшалый навес с борделем. Ввалившись в эту арку, Блажка увидела Щербу – тот с ножом в руке не подпускал к себе двух кавалеро. У одного, обнаженного и мокрого, вдоль ребер зиял порез, и из него струилась кровь. Другим был тот, что пил один в харчевне, полностью одетый в кольчугу, – он тыкал в Щербу мечом, стоя по другую сторону ванны от него. Ванн было четыре – больших и дубовых, каждая могла с легкостью вместить трех человек. Щерба пританцовывал вокруг одной из них, не давая кавалеро приблизиться вплотную. Стоявший подле Блажки Мозжок вскинул тренчало, но она опустила его оружие.

– Мы здесь не за этим, – заявила она всем, кто был в помещении, и в этот момент в арку вбежали еще трое кавалеро. Лодырю пришлось убраться с их пути, опрокинув лавку – и чуть не споткнувшись о нее, – чтобы поскорее оказаться подалеже от их клинков. Блажка не успела помешать Мозжку развернуться и нацелить арбалет на прибывших, но увидев

прямо перед собой острия заряженных оружий, одобрила их сдерживание. Это была та пугливая парочка из харчевни и вместе с ними мужчина, который трахал Нежку.

Ресия появилась в арке вслед за всеми.

– Я этого не допущу! – крикнула она во двор. – Сложите оружие!

Обнаженный кавалеро, держась за окровавленный бок и косясь на Щербу, заорал в ответ.

– Ты солгала нам, Ресия!

– Я сказала правду! Этот полукровка, наверное, прокрался, чтобы забрать свое животное. Я не знала, что он здесь!

Мелкий кочевник не оценил сообразительности хозяйки.

– Дьяволица ты с раздвоенным языком!

– Заткнись, нахрен, Щерба! – рявкнула Блажка.

Обнаженный мужчина указал на нее пальцем.

– Она его знает!

– Знаю. Он не...

– Это шпион! – Обвинение донеслось из-за Блажкиной спины, от одного из троих кавалеро, что стояли в проеме. – Они пришли за нами!

– Не за вами! – возразила Блажка. – Мы пришли по делам копыта, и все!

На лице обнаженного мужчины отразился безумный взгляд. Он быстро, по-птичьи завертел головой, пытаясь обратиться к товарищам, не упуская из виду Щербу.

– Мы не можем этому поверить! Вы, ребята, что, хотите,

чтобы полукровки за нами следили? Мы никогда не дойдем до Плавок...

– Заткни свой рот, чтоб тебя, Сино! – прорычал ближайший к нему мужчина с мечом сквозь стиснутые зубы, стукнув голого товарища по плечу. Его взгляд метнулся к Блажке, но она не дрогнула лицом, притворившись, будто не слышала... И все же по ее телу побежали мурашки, когда ее осенило. Оседланные лошади. Подозрительная нервозность. Разговоры о горах. Они не были кавалеро. Больше не были. А это грозило куда большей опасностью. Она слышала. И догадалась. Если эти хиляки поймут, что она догадалась...

Блажка указала пальцем на Щербу.

– Я пришла за ним. Этот долбаный плут недавно укрывался у нас. И отплатил за доброту тем, что изнасиловал одну из койкогреблок и сбежал с мешком бобов.

Лицо Щербы аж перекосило от неверия.

– Хрена с два я это делал!

Блажка словно его и не слышала – ее взгляд оставался прикован к голому хиляку. Он был ранен и уязвим. Если ей удастся его убедить, то, возможно, все ограничится тем порезом, что у него уже есть.

– Я серьезно намерена забрать его в Отрадную, чтобы женщина, которую он обидел, оскопила его, а потом мои сопляки сделают из него мишень. Но... – Блажка перевела взгляд на мужчину с окровавленным боком, – поскольку он тебя порезал, мне будет достаточно, если вы захотите сами

отвести его в кастиль. Знаю, ваш капитан проследит за тем, чтобы правосудие было совершено.

Простая уловка – все равно что бросить змею в полную людей комнату, – но она возымела желаемое действие. Теперь, перед лицом того, чего они сильнее всего боялись, эти мужчины сосредоточились только на том, чтобы убратъся подальше.

– Нет, – отрезал мечник, наклоняясь ближе к истекающему кровью Сино. – Пусть забирает, да? Пусть грязнокожие сами разбираются со своими.

– Он же порезал меня, нахрен. – Сино выпятил челюсть. Щерба пригрозил ему лезвием.

– Я тебе показал, как стягивать меня с крыши, ты и поплатился, хилак дурной!

Мечник хихикнул.

– Это было неразумно, Сино, чтоб тебя.

Блажка вклинилась в паузу, пока напряжение не усилилось.

– Нужно быть смелым мужчиной, чтобы сражаться со стручком, развевающимся на ветру. Готова спорить, такого мужчину девушки Ресии должны быть счастливы обслужить.

– Весьма счастливы, – поддержала бордельщица.

Остальные три кавалеро, до этого хмурившие брови, смягчились.

Блажка снова посмотрела на одинокого мечника.

– Что скажете, если мы, полукровки, уедем, чтобы вы, лю-

ди, смогли остаться в лучшей компании?

Когда он слушал ее, было видно, что ему нравится даже, как звучат ее слова. Он посмотрел за ее спину и опустил руку с мечом.

– Скажу, что мы уберем сталь, парни. Это не...

Щерба вдруг обогнул ванну и воткнул нож мужчине в ухо. Тот мгновенно оцепенел, а потом забился в конвульсиях.

И баня будто взорвалась.

Блажка услышала, как трое кавалеро выругались, затем щелкнул арбалет. Мотнув головой, увидела, что стрела Мозжка насквозь вошла в горло одного из мужчин и вонзилась в арку, осыпав штукатурку перед бросившейся наутек Ресией. Когда кавалеро, стоявший посередине, пал замертво, его товарищи ринулись в бой. Один обрушился на Лодыря, но его меч задел нижнюю балку крыши бани и застрял. Лодырь покрыл расстояние до него и вонзил нож в открывшийся ему живот. Удар вышел неумелым – точно в кольчугу кавалеро, – однако сила полуорка оказалась такова, что лезвие пронзило ее и вспоролو кишки. Пораженный мужчина захрипел, и из-за его стиснутых зубов показалась кровь.

Второй, управлявшийся с мечом в тесноте проема, оказался более смышленным. Мозжок отскочил в сторону, схватил топор у нападчика из-за пояса и всадил ему в череп.

Блажке хотелось крикнуть, чтобы они остановились, но было слишком поздно. Теперь оставалось только довершить бойню.

Она уже была прямо перед Сино. Это был храбрец, который дрался голышом. Он боролся со Щербой, стремясь за-получить контроль над ножом. И эта борьба закончилась, когда кочевник заехал ему коленом по яйцам, стукнул головой о край ванны и перерезал горло.

Все стихло. Ванна окрасилась кровью. Блажка стояла, ошеломленная картиной резни, со все еще заряженным тренчалом. Ее взгляд скользил по пятерым мертвецам, растянувшимся на влажных досках.

Еще двое. Должно быть еще двое. Они не могли не услышать. Что это за мужчины, которые не пришли на помощь товарищам?

У Блажки закипел мозг.

– Конюшня! Последние двое! Они уходят!

Лодырь выскочил под арку и исчез в проеме, прежде чем Мозжок успел среагировать.

У Блажки на уме был другой путь. Подпрыгнув, она одной рукой ухватилась за край крыши бани и подтянулась. Два быстрых шага и прыжок – и она очутилась на крыше борделя. Затем пронеслась по плоской кровле и достигла переднего края точно в тот момент, когда в другой части двора из теней конюшни показались двое кавалеро. Они яростно прищипывали лошадей. Блажка не могла их отпустить. Эти трусы не имели отношения к кастили. Это были убийцы. Хиляки!

Блажка прижала арбалет к плечу и спустила крючок. Избранный ею мужчина мчался навстречу своей смерти, не ве-

дая того. Стрела попала ему в грудь, и он повалился назад, под карниз конюшни.

Другой кавалеро поскакал дальше. Блажка выругалась и выпустила еще стрелу. А в следующий миг почувствовала стеснение в груди, поняла, что сейчас вот-вот начнется приступ кашля, постаралась сдержать его еще несколько мгновений. Легкие жалобно затрепетали, руки затряслись от напряжения, когда она на ощупь перезарядила оружие, но затем наружу вырвалась мокрота и стрела с шумом упала на крышу.

Последний кавалеро миновал низкую стену борделя, и его лошадь перешла в полный галоп. Блажка поддалась приступу, понимая, что бороться с ним бессмысленно. Затем она заметила какое-то движение внизу. Лодырь, отвязав своего борова, прыгнул в седло и, с луком в руке, бросился в погоню. Но ему нечего было и надеяться догнать кавалеро. Лошади скакали быстрее варваров. Но ему не нужно было ловить наездника. Только сократить расстояние.

Не сбавляя скорости, Лодырь встал в стремях. Он дернул рукой и трижды, раз за разом, потянулся к луку. Стрелы на таком отдалении были неразличимы, но Блажка видела, что после первого пуска наездник выпал из седла. Следующими двумя третий повалил лошадь.

Если бы Блажка могла дышать, то выдохнула бы с облегчением.

Ко тому времени, как Лодырь вернулся во двор, приступ

успел пройти. Блажка пересекла крышу и вернулась к бане. Спрыгнув вниз, она обнаружила, что Мозжок ушел, а Щерба обшаривает мертвецов.

Увидев Блажку, он выпрямился и скривил лицо.

– Ни одной монеты.

– А ты думал, у дезертиров будут набитые кошельки?

Хилячный, крикнув, отмахнулся и, изобразив ухмылку, обвел баню руками.

– Ну как, это стоит того, чтобы примкнуть к Ублюдкам, а? Блажка заехала ему ботинком в живот, повалив на пол.

– Пес ты бешеный, нахрен!

Щерба по-крабьи отполз от нее по влажному полу. Затем отчаянно указал рукой на кучу свежих трупов. – Я же помог! Я дрался!

– Хочешь награду? – рявкнула Блажка, вынимая тальвар.

При виде обнаженного меча Щерба, спотыкаясь, вскочил на ноги, в панике расплескивая окровавленную воду. Стена бани внезапно треснула его по спине. Щерба двинулся влево, но Блажка бросилась на него, вонзив изогнутое лезвие в деревянный настил рядом с его головой. Сталь рассекла дерево, войдя так глубоко, что вокруг разлетелись щепки. Хилячный тревожно вскрикнул и устремился в противоположную сторону. Блажка не дала ему уйти, схватив за перед намокшего бригаанта. Затем, прижав вторую руку к его щеке, толкнула его головой навстречу тальвару, все еще дрожащему в стене. Она заставила его прижаться лицом к голомени

клинка.

– Думаешь, я сбрендила? – прошипела Блажка. – Думаешь, я дура?

– Д-думал, ты хотела их... ай! Хотела их убить!

Одной рукой она продолжила давить на голову Щербы, а второй крепко держалась за рукоятку тальвара. Затем медленно нажала на лезвие, опустив его к ключице кочевника.

– Ты понятия не имеешь, чего я хочу. Ты просто вошь, которая пытается прицепиться к свиной спине.

Ребро тальвара скользнуло вниз. Щерба попробовал вырваться, но Блажка держала его крепко. Руки хилячного были свободны, а за поясом у него, без сомнения, находился кинжал. Но Блажка его не опасалась. Черт, она сама нарывалась. Пусть этот трус только рискнет воткнуть сталь ей в живот, даст ей повод с ним покончить. Пытаясь избежать надвигающегося лезвия, Щерба расслабил колени, но Блажка подцепила его большим пальцем за челюсть, не позволив опуститься ниже. Дерево хрустнуло, когда торчащий в нем меч провернулся, приближаясь к плоти и костям.

– Почему мы, Щерба? Ты опять хочешь стать посвященным братом, но почему не в любом другом копыте? Я тебе скажу. Ты их боишься. А Реальных ублюдков – нет. Меня – нет! Думаешь, у меня сыграет какой-нибудь материнский инстинкт от твоего жалкого вида? Нет уж, Щерба, нет у меня такого инстинкта. Что мне еще сделать, чтобы ты это понял? Что мне сделать, чтобы ты начал меня бояться?

Тальвар прорезал истлевшую кожу и вкусил плоть под ней. Щерба застонал от боли, а потом его голос перешел на более высокий регистр, когда им овладел страх.

Блажка перестала давить на меч.

– Я сказала: тебе нет места в моем копыте. Я кричала, угрожала, выпинывала тебя ногами. И все равно ты пытаешься затуманить мне голову своим нытьем и упрасиваниями. И своим вероломством! Не заставляй меня всаживать в тебя стрелу, Щерба. Но знай: если я еще раз тебя увижу – так и поступлю.

Отпустив трясущегося всем телом хилячного, Блажка дала ему сползти на пол, после чего вытащила меч из стены и отошла. В проеме стояли Мозжок и Лодырь. Лицо старшего кочевника было искажено гримасой.

– Что-то не нравится? – спросила Блажка.

– Попробуй со мной так, – сказал он, кивая носом в сторону Щербы. – Узнаешь, каково это, когда мне что-то не нравится.

– С чего это мне с тобой так? Ты сделал что-то, что могло меня разозлить?

– Вроде как для этого достаточно убить кавалеро.

– Не дури из-за своей кочевничьей гордости, Мозжок. – Блажка указала на Щербу мечом. – Этот никчемный говнюк подверг всех нас лишней опасности.

Мозжок пожал плечами.

– Он хилячный. В нем больше человеческой крови, чем оро-

чьей. Чего от него ожидать?

Блажка шагнула к кочевнику.

– Чего ожидать? Да за нашими найденышами смотрит человеческая женщина, которая стоит десятка лучших ездоков Уделья. И в ней ни капли орочьей крови. Она каждый день мне показывает, чего от нее ожидать, и это немало. Из-за нее я и приехала в это проклятое место. Хочешь проповедовать всякую чушь про орочью кровь – иди к Мараным орками. Но на трикрата ты не похож, значит, тебя не возьмут. Может, в Клыки наших отцов? Как у тебя с орочьим?

И отступив от вольных, она вышла из бани.

Ресия сидела в харчевне, ее лицо усеивали мелкие царапины. Несколько шлюх, включая Нежку, собрались рядом и ухаживали за своей хозяйкой. Когда Блажка вошла в помещение, они перестали перешептываться. Блажка потянулась в их гущу и схватила Ресию за руку.

– Остальным – никуда не уходить, – приказала она и вытащила женщину во двор, почти волоком доставив к колодцу, откуда их никто бы не услышал. Когда Блажка заглянула Ресии в лицо, та злобно зыркнула в ответ. – У них не было денег. Это были дезертиры, которые ехали в Плавленные горы. Не знаю, что они собирались делать после того, как ты бы обнаружила, что они не могут расплатиться.

– Поколотили бы нас. Посмеялись и ушли. Ты думаешь, такого никогда не случалось?

У Блажки не было нужды на это отвечать.

– Пошли своего конюха в кастиль с донесением. Если Бермудо понадобится, чтобы я поручилась за то, что произошло, пусть шлет гонца в Отрадную. Поняла?

– Да.

Блажка подошла к коновязи. Мозжок и Лодырь уже сидели на свинах.

– Его орочий ужасен, – сообщил Лодырь.

Блажка только хмыкнула.

Когда она забиралась в седло, дверь борделя распахнулась. Из проема наружу выбежала стройная человеческая женщина с платком на голове, ее свежее милое личико выглядело полной противоположностью покрытой шрамами женщины-полуорка, которая вышла вместе с ней – той же самой, что Блажка видела ранее у колодца. Полукровка оставилась, когда хорошенькая хилечка приблизилась к ней.

– Прошу, мастер копыта, – сказала она с нарочитой почтительностью и легким акцентом, который Блажка не могла определить. – Мы хотели бы попросить у вас разрешения пойти с вами. И предложить службу Реальным ублюдкам.

Блажка посмотрела на нее.

– Среди вас есть кормилицы?

– Нет, но...

– Тогда у меня не найдется вам места.

Блажка ткнула свина пяткой и двинулась прочь, поклявшись себе, что это был ее последний визит к Санчо.

Глава 6

– Шквал уже прибыл? – спросила Блажка, еще не успев выбраться из седла.

Мед подманил сопляка, чтобы тот увел Щелкочеса, и покачал головой.

– Черт... – Она вернулась без кормилицы, надеясь, что хотя бы обнаружит здесь свежие припасы.

– Но вот что прибыло.

Мед вынул небольшую полую кость и вручил ей.

– Чья птица? – спросила Блажка, извлекая оттуда крошечный свиток пергамента.

– Из Стравы.

Блажка почувствовала, как у нее сжалось сердце при мысли о Предательской луне и опасности, которую та представляла. И о полуорке, которому придется вернуться. Ее пальцы вдруг стали неуклюжими, но ей все же удалось развернуть пергамент и увидеть написанное аккуратными закорючками послание:

Зирко, Герой-Отец, Верховный жрец Белико, призывает вождей копыт полукровок в Страву на Нумению Горперетос.

Сдвинув брови, она перечитала еще раз.

– Сколько у нас времени? – спросил Мед.

– Это не... кажется, это не Предательская. Зирко хочет устроить собрание вождей. Созывает нас, нахрен. – Она

швырнула свиток обратно Меду. – Когда оно будет? Никогда не понимала чертов гиспартский календарь.

Мед быстро пробежался глазами по пергаменту, его ум заработал еще быстрее.

– Это последнее новолуние лета. У тебя... меньше двух недель.

Мед вручил пергамент обратно ей, и Блажка, зарывав, скомкала его. Ее народ умирал с голоду, а ее звали ехать в земли полуросликов из-за загадочного каприза какого-то жреца, который полез не в свое дело.

Мозжок и Лодырь слезли со свино, кочевник неохотно передал своего ожидающим его соплякам, тогда как тертый с довольной улыбкой принял помощь. Колпак, должно быть, сообщил копыту, что вождь может привести с собой вольных ездоков, поэтому новоприбывших встретили без всякой неприязни.

Блажка же оставалась с ними строга.

– Вы двое заслужили сегодня ночлег. А с утра вам придется начать убеждать меня, что ваше место здесь.

Мозжок нахмурился, глядя на накрытое сумерками поселение.

– А ужин мы тоже заслужили?

– Хотите стать Ублюдками – ешьте то, что едим мы, – ответила Блажка.

– И что же?

– Сегодня? Ничего. – Блажка подозвала сопляков, чтобы

отвели кочевников к хлевам. Когда юные полукровки принялись исполнять приказ, Блажка схватила Абрила за руку. — Что это у тебя с головой, сопляк?

Вся правая половина его головы была выбрита.

— Орки же лысые, — только и ответил он.

Блажка уставилась на него.

— А я полуорк, — пояснил Абрил. И сперва указав на волосы, провел пальцем по выбритому боку. — Полу-орк.

— Черти чертовские. Ты только что провозгласил себя королем всех дебилов.

— Что? — Абрил поднял подбородок на Меда. — Он же носит прическу Рогов! Думает, это сделает его бессмертным, как они.

Мед испустил смешок.

— Это все сказки. Эльфы умирают так же, как мы или хилляки.

— Просто присмотри за свинами, сопляк, — сказала Блажка, отпустив Абрила с легким толчком.

Когда они отошли, стало слышно, как он бубнит Сенсу:

— Полуорк. Чего это дебил? Это же кто мы и есть. А он же не эльф...

Последовав за претендентами, Лодырь сверкнул Блажке улыбкой, когда проходил мимо.

— Сразу вспоминаются карнавалы. Мне здесь уже по душе! Мозжок молча нахмурился.

Как только они оказались за пределами слышимости,

Блажка повернулась к Меду.

– Расположи их с копытом. Пусть ребята оценят.

– Присмотрю за ними, – сказал Мед, глядя им вслед. – Особенно за угрюмым.

– Здесь насчет другого стоит задуматься. Его Лодырем зовут. Если полукровка так много улыбается, значит, за ним нужно хорошенько приглядывать.

– Шакал постоянно улыбался, – заметил Мед.

– Вот именно, – ответила Блажка, уходя.

– Вождь... ты куда?

– В светлицу, – ответила она. – Нужно отдохнуть, нахрен.

– А что с посланием Зирко?

– К черту Зирко!

Блажке нужно было заглянуть в приют, но без новой кормилицы перспектива встретиться с Колючкой не казалась радужной. К тому же она сказала Меду правду. Она устала. Все из-за снадобья Костолыба. Даже одну каплю было тяжело вынести. Он явно не ошибся, назвав ее ядом. Она чувствовала себя неуверенно, голова и суставы болели, язык пересох.

Оказавшись в светлице, она приняла дозу, легла на кровать и принялась ждать, когда пройдет дрожь. От яда она не могла спокойно спать, но это было лучше, чем потом весь день страдать от последствий. Она задремала. А когда проснулась, ее балкон уже окутывала темнота. В проеме стоял мужчина. С заячьей губой и злыми глазами. Вернее, глазом. Из второго торчала стрела. Кавалеро Гарсия. Блажка

убила его в борделе. Не сегодня. Сегодня стрела мужчине попала в грудь, и она не успела как следует рассмотреть его лицо. Возможно, это значило, что встретиться с ним ей уже не доведется.

Блажка выругалась себе под нос. Костолыб предупреждал, что снадобье может привести к подобному. И почему видение не могло быть каким-нибудь более приятным? Например, голова Шакала у нее между ног. Она снова откинулась на спину.

Лишенную снов пустоту, в которую она погрузилась, прорезал крик, донесшийся со стены.

Блажка вскочила и схватила арбалет. Было еще темно, в комнате стояла прохлада. Чутье подсказывало, что она проспала большую часть ночи.

Раздался еще один крик, за ним другой – вопрос и ответ. Блажка закинула на плечо арбалет и схватила пояс с мечом. Затем спустилась по ступенькам, перескакивая через одну и по пути пристегивая тальвар. Снаружи сопляки и Ублюдки направлялись к воротам, где часовые продолжали кричать, отчаянно указывая на что-то по ту сторону стены.

– Тоуро! – позвала Блажка ближайшего полуорка, который также бежал к воротам. Старший сопляк резко затормозил. – Возьми двоих и пройдитеесь по частоколу. Убедитесь, что на нас не нападают со всех сторон.

Тоуро утвердительно кивнул и помчался собирать помощников.

Блажка ринулась к воротам, опередив Дуболома и нескольких сопляков. Хорек уже забрался на стену и присоединился к часовым, поднявшим тревогу.

– Что там у нас? Тяжаки? – спросила Блажка, запрыгивая сразу на третью ступеньку лестницы.

– Это... кто-то бежит, вождь, – ответил Хорек, устремив взор за заостренные бревна частокола.

Вскарабкавшись на мостик, Блажка выпрямилась и, подойдя к остальным, проследила за их неуверенными взглядами на окутанный ночной мглой удел.

В свете луны и звезд, благодаря диким чувствам своей орочьей половины, Блажка увидела пару фигур, которые спешили к крепости пешком со всех ног. Одна была заметно крупнее другой и несла что-то на плечах. Чье-то тело.

– Открыть ворота! – крикнула Блажка.

И спрыгнула с мостика, чтобы помочь. Деревянные ворота, затрещав, приоткрылись наполовину. Когда расстояние между створками стало достаточно широким, фигуры вбежали в Отрадную. У той, что поменьше, тотчас подкосились ноги, и она упала ничком. Вторая еле втиснулась в щель. Это была женщина-полукровка, судя по размерам, явно троекровная. У трикратов редко росли волосы, но у этой лицо обрамлял черный покров, сухой и грубый, как свиная щетина. В отличие от своей спутницы она осталась на ногах, когда оказалась внутри и опустила обмякшее тело с широких плеч.

– Закрывайте ворота! – приказала Блажка, подходя к распростертому телу. Сев на корточки, она поняла, что первой бегуньей была женщина-полуорк со шрамами из борделя России. – Какого черта? Кто за вами гонится? Орки?

Полукровка покачала головой, попыталась ответить, но мешал сухой язык и вздымающиеся ребра.

– Вождь! – прогремел Хорек сверху. – Там ездок!

– Щ-щ-щерба, – выдавила полукровка.

Блажка стиснула зубы.

– Он, что преследовал вас, нахрен?

– Н-нет. Сдерживал... их. От... нас.

– От кого?

– От тварей, – вмешалась троекровная.

Блажка подскочила на ноги.

– Всем тренчалам – на стену! Сюда идут кентавры!

Она побежала к лестнице, но когда оказалась рядом с трикратом, тело, переброшенное у женщины через плечо, ухватило Блажку за руку. Это была та миловидная хилечка, которая обратилась к ней в борделе. Она едва пребывала в сознании, голос звучал еле слышно, почти как дыхание.

– Они не... естественные.

Глаза девушки пьяно закатились, рука упала.

Блажка взобралась по лестнице. Хорек и Облезлый Змей освободили ей место на краю частокола. Выглянув за стену, она увидела варвара – еще дальше, чем женщины до этого. Походка у него была тяжелая, усталая. Щуплый ездок, несо-

мненно Щерба, повернулся в седле и пускал стрелы назад. Его прицел сбивала паника, стрелы летели слишком слабо и не достигали преследователей.

– Какого хрена? – выдохнула Блажка, наклоняясь вперед и щурясь на скачущие фигуры, терзающие убегающую свиноматку.

– Это... не тавры, – подтвердил ее замешательство Облезлый Змей.

Он был прав. Блажка насчитала десятка два существ. Издалека казалось, что это могли быть волки, но с каждым их шагом становилось очевидно, что приближается нечто другое. Нечто, чего Блажка еще никогда не видела.

Они были крупнее волков. Ни по длине, ни по высоте, но более крепкие, особенно в груди и плечах. С плотными, длинными шеями, которые выступали из горбатых холков и оканчивались широкими головами с приплюснутыми мордами и круглыми ушами.

Действуя единой стаей, они по очереди атаковали свинью Щербы: четверо старались укусить ее за бока, остальные бежали широкой дугой, преграждая ей пути отхода.

– Целься! – крикнула Блажка, поднося свое оружие к лицу.

Щерба пытался доскакать до ворот, но странные твари гнали его к заброшенным виноградникам, где начинался склон и было не пройти из-за увядших лоз.

Чем бы эти звери ни были, в охоте они смыслили.

Щерба выпустил свою последнюю бесполезную стрелу. Затем повернулся вперед и попробовал сменить курс. Сви-
нья воспротивилась ему, не желая приближаться к щелка-
ющим клыкам тварей. Кочевнику пришлось бросить лук и
ухватиться за свинодерги, чтобы отвести животное от скло-
на. Стая наказывала свинью за ее непокорность, стараясь
прокусить сухожилия. Варвар завизжал.

Твари... рассмеялись.

Это был необыкновенный, пульсирующий гогот, высокий
хор леденящих кровь смешков, перемежающихся с возбуж-
денными возгласами. От этих звуков у Блажки волосы вста-
ли дыбом и по коже побежали мурашки. Братья на стене,
почувствовала она, беспокойно зашевелились, бросая косые
взгляды, проверяя, каково остальным. Ответить на этот смех
Блажка решила, надавив на спусковой крючок своего арба-
лета.

Тетива щелкнула, и стрела вылетела точно в цель. Одну
из тварей ранило чуть выше передней лапы, между грудью и
плечом. В самое сердце. Сила удара сбила животное с ног,
и оно, по инерции на мгновение зависнув в воздухе, тяжело
рухнуло на землю, кувыркнувшись и заскользив, после чего
обмякло безвольной тушей.

– Валите этих псов! – крикнула Блажка, оттягивая тети-
ву, пока та не зафиксировалась, а потом сразу потянулась
к колчану за следующей стрелой. Копыто принялось за об-
стрел, тренчала слились в единый хор. Участок погони буд-

то взорвался. Щерба вздрогнул и пригнулся, защищаясь от плотного залпа, но уверенные стрелки оставляли его невредимым. Однако при этом приходилось щадить и большинство ближайших пускающих слюни тварей. Они шатались и хромали под натиском тренчал, но отказывались оставить свою добычу.

Еще четверо упало. Никак не достаточно.

Свинья Щербы теперь едва рысила, за ней тянулись следы крови, в ней же перепачкались пасти нападавших. Сквозь ужасный волнообразный смех прорвался крик кочевника:

– Откройте ворота! Прошу!

Блажка почувствовала, что все копыто смотрит на нее. Она молчала. Нельзя было рисковать, нельзя впускать этих хихикающих зверей за ворота.

Голос Щербы переполнял страх.

– ОТКРОЙТЕ! ПРОШУ!

– Вождь? – позвал ее Змей.

Словно не слыша его, Блажка перезарядила тренчалю и навела прицел. Она сказала Щербе, что если он вернется, то умрет. И лучше от ее руки, чем от зубов этих ужасных псов.

Вдруг неожиданная идея заставила Блажку убрать палец со спускового крючка.

– Щерба! – крикнула она, указывая ему направо. – Ров! Скачи в ров!

На миг показалось, будто кочевник ее не понял, но в последний момент он резко потянул свинью за левый свино-

дерг, заставив ее повернуть голову в сторону сухого рва. Варвар скатился в него, взметнув пыль. Твари последовали за ним, но теперь им мешала теснота неровной траншеи и одновременно до свиньи могла дотянуться всего пара животных.

– Вперед! – приказала Блажка и бросилась влево, толкая Облезлого Змея и давая остальным знак расступиться. Она побежала по частоколу в противоположном от Щербы направлении. – Веревку! Бросьте мне кто-нибудь чертову веревку!

– Вождь! – крикнули ей снизу из двора, бросая моток. Она поймала его на ходу, закинула на плечо арбалет и принялась вязать петлю на одном конце веревки. Стуча ботинками по доскам мостика, Блажка не отрывала взгляда от стены, глядя вниз и вперед, ожидая, когда там появится Щерба. Ров оставался еще не завершен, поэтому ей следовало встретиться с кочевником прежде, чем он достигнет его конца.

Смех стаи не стих и, казалось, накрыл Отрадную кровавыми переливами. Впереди на мостике Блажка заметила Тоуро и пару младших сопляков, которым она приказала проверить периметр.

– Приближаются?! – спросила она отчаянно.

Тоуро, несмотря на замешательство, сообразил быстро и, перегнувшись через стену, посмотрел на траншею.

– Да!

Не сбавляя скорости, Блажка набросила петлю на один из кольев частокола, второй конец веревки обернула вокруг ле-

вого запястья и прыгнула со стены. Чувствуя, как все внутри переворачивается, Блажка летела вниз, пока веревка не остановила ее падение страшным рывком, болью отдавшимися в плечо. Теперь она висела всего в считанных ладонях над местом, где основание стены упиралось в земляной вал. Поставив ноги на доски, Блажка нагнулась надо рвом и вытянула обе руки, насколько могла, одной держась за веревку, а вторую занеся в ожидании.

Щерба появился спустя мгновение, его свинья выскочила из-за поворота. Две твари бежали вдоль наружного края рва, со свиньей наравне, вынуждая ездока пригибаться к шее животного, чтобы избежать их щелкающих челюстей.

Блажка резко свистнула сквозь зубы. Свист прорезался сквозь хихиканье стаи, и Щерба вскинул голову и увидел протянутую Блажкой руку. Стая, должно быть, тоже ее увидела, потому что смеяться животные перестали. И от этой вдруг наступившей тишины стало только хуже. Щерба толкнул варвара каблуками, и тот, как все хорошие свиньи, немного прибавил ходу. Свиноматка рванулась вперед, отрываясь от стаи, позволяя Щербе дотянуться до Блажкиной руки. Как только он встал в седле, тоже вытянув руку, Блажка оттолкнулась ногой от стены. Кочевник обхватил ее за запястье, и от его инерции Блажку качнуло назад. Когда на веревку пришелся дополнительный вес, она крепче обтянула Блажкину руку и впилась в плоть.

– Крепче держись, урод костлявый! – процедила Блажка

сквозь зубы.

Снова качнувшись вперед, она изогнула туловище так, что опять коснулась ботинками стены. Используя кочевника как маятник, она побежала по частоколу. Стая уже была внизу, твари насакивали друг на друга, пытаясь маневрировать в тесном рву. Щерба закричал, брыкаясь от скачущих животных, алчно щелкающих челюстями. Благодаря силе собственных ног и качающемуся весу хилячного Блажка нарастила длину дуги до предела. А когда наступил момент невесомости, Блажка быстро повернула запястье, намотав на него еще немного веревки. Как только они с Щербой снова качнулись вниз, от верхушки частокола их отделяла всего ладонь.

Кочевник издал бессловесный крик, когда его ноги опять стали наживкой для тварей. Те рычали и завывали, пытаясь использовать насыпь, чтобы добраться до добычи.

Наверху появился Тоуро – он высунулся, чтобы ухватиться за качающуюся веревку.

– Брось! – крикнула Блажка, и сопляк подчинился. Он не смог бы вытянуть их в одиночку, а двое претендентов, находившихся с ним, были почти совсем мальчишками. Все, чего они могли добиться, это не дать веревке раскачиваться, и будь Блажка проклята, если повиснет без движения. Ей требовалось только избегать клыков, пока ее не вытянут члены копыта.

У стаи же был другой замысел.

Глянув вниз на ослабившиеся морды, Блажка поняла,

что раненую свинью уже никто не преследовал. Она вспомнила о двух тварях, покинувших траншею, слишком поздно.

Блажка подняла глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как первая из них спрыгнула в ров, чтобы врезаться в Щербу. Когда вес животного еще сильнее натянул веревку, та уже грозила разорвать Блажке запястье. Щерба взвыл, когда зверь сомкнул челюсти у него на предплечье. Не имея возможности ни отпустить Блажку, ни как-либо сопротивляться, щуплый кочевник ничего не мог поделаться, пока зверь причинял ему боль, повиснув на одних зубах и яростно тряся головой и телом, чтобы сорвать плоть и мышцы. Затем демон-пес упал в ров с окровавленным куском Щербы, зажатый в зубах. С губ хилячного срывались истошные вопли. Держаться истерзанной рукой он больше не мог. Теперь, только одной рукой, Щерба скользил навстречу траншее и алчным тварям в ней.

Крики сверху сообщили о прибытии копыта. Блажка в тот же момент почувствовала, как ее перестало раскачивать, и веревку потянули наверх. Щербой полностью завладели боль и страх, он попытался сопротивляться. Отчаянно задержавшись, он стал вырываться, и Блажка почувствовала, как он выскальзывает.

– Щерба! Перестань! Мы тебя держим! – крикнула она.

Он услышал ее и затих, почувствовав, что веревку уже тянут вверх. Затем поднял глаза, и на его лице отразилось облегчение.

Еще бы мгновение – и они окажутся достаточно высоко,

где тварь их не достанет. Но дьявольский зверь прыгнул, разинув пасть, и сомкнул челюсти на лодыжке кочевника. Блажка стиснула пальцы вокруг руки Щербы, но тот ускользнул от нее, как песок сквозь пальцы. Кочевник упал к ожидающим его пастям. Он исчез под клубящейся массой грязного пятнистого меха, и тогда остались слышны только его вопли, пока и их не заглушили.

Сильные руки помогли Блажке подняться над частоколом, и не успели еще ее ноги коснуться досок, как братья издали дюжину возгласов облегчения. Она была будто глуха к их беспокойству и слышала только пирующую стаю, а когда чавканье стихло – раздался издевательский смех, который вскоре тоже исчез вместе с кучкой влажных костей.

Глава 7

Оставшуюся часть ночи все копыто провело в дозоре. Наряду с посвященными бдели и сопляки, и кочевники: каждое копые, дротик и тренчальная стрела из оружейных складов были вынесены к стене. Блажка размеренно патрулировала периметр, не останавливаясь и избегая вопросов, на которые не могла ответить. Что это, черт возьми, были за псы? И что, если они вернутся? У Блажки не было ответов – кто бы об этом ни спрашивал: ее братья или собственный разум.

Рассвет застал сопляков за дежурством у стены, а Реальных ублюдков – в патруле снаружи и в полном вооружении. Ездоков у них было всего шесть, и Блажку подмывало взять с собой Мозжка и Лодыря. Но это было не их проблемой, поэтому Блажка дала им отдых. И скудную пищу.

Ворота с треском открылись. Блажка выехала во главе колонны, Мед с Дуболомом по левую сторону от нее, Хорек и Облезлый Змей – справа. Колпак был в арьергарде. Они объехали вокруг Отрадной, удостоверились, что стая действительно ушла. Ничего не увидели, ничего не слышали. А вернувшись к воротам, отправились посмотреть на тварей, убитых ранее.

И ничего не нашли.

– Я положил одного прямо здесь! – воскликнул Хорек, подводя своего свина к краю заброшенного виноградника. –

Вот прямо здесь, мать его! – Он яростно ткнул пальцем на пустое место.

– Всем рассредоточиться, – приказала Блажка, встречая гнев Хорька спокойствием. – Посмотрим, успели ли они улизнуть перед смертью.

Она понимала, что искать тщетно. Она сама свалила из арбалета двоих – первому воткнула стрелу в сердце, второму в глаз. С такими ранениями ни одно существо не могло уйти.

Копыто вернулось лишь с несколькими подобранными стрелами.

– Возможно, они вернулись за мертвецами, – допустил Мед. – Готовая добыча.

– А кто-нибудь видел, как они возвращаются? – спросил Змей. – У нас же люди на стенах.

Ответом послужили качающиеся головы.

Щелкочес, на котором сидела Блажка, топнул копытами и фыркнул, выражая недовольство, которое сама она не высказывала. Она посмотрела на Колпака.

– Есть какие-нибудь следы? Что их тащили? Или кровь?

– Нет.

– Тогда нужно искать дальше.

Место в траншее, где погиб Щерба, искать было жутко, но несложно: его выдавало обилие крови.

– Есть след, вождь, – сообщил Облезлый Змей.

На земле надо рвом виднелись отпечатки лап и следы волочения, которые вели от Отрадной. Свинья Щербы тоже

была рядом: ее тело лежало в конце траншеи, где еще предстояло копать. Блажка собиралась уже увести копыто отсюда и пойти по следу стаи, когда Дуболом нарушил построение, толкнув своего свина и подойдя к жалкой туше Щербиного варвара. Огромный полуорк спешил и наполовину слез, наполовину соскользнул по пыльному склону в траншею. Когда Блажка и остальные подоспели к нему, Дуболом сидел на корточках перед свиным телом, ощупывая и осматривая животное.

– Дуб? – позвала Блажка.

Немой полуорк поднял глаза и, поднеся кулак к груди, несколько раз растопырил и сжал пальцы.

Блажка изумилась.

– Она еще жива?

Дуболом кивнул.

– Можешь ее спасти?

Пауза. Еще кивок, на этот раз менее уверенный, но на лице здоровяка отразилась надежда.

Сопляки наблюдали за ними со стены. Блажка приказала, чтобы пятеро спустились и помогли.

– Занесите ее внутрь, если сможете, – сказала Блажка Дуболому. – Но если она еще будет здесь на закате, придется с ней покончить.

Тот еще раз кивнул, теперь мрачно.

Блажка дала знак Колпаку, и тот повел остальных ездоков по следам стаи. Отпечатки лап сначала следовали от стен по

прямой, после чего начинали петлять, а еще через полмили уходили в полосу кустарника. Скучной растительности было недостаточно, даже чтобы скрыть одного демона-пса, не говоря уже о целой стае. Ублюдки медленно проехали сквозь колючие кусты и бледную траву в поисках следов тварей. Когда они не принесли успеха, Блажка снова приказала рассредоточиться. Каждый из полуорков вернулся ни с чем.

След пропал.

– Что за долбанный бред! – Хорек был в гневе.

– Держи-ка это в себе, – сказала ему Блажка. – Так ты не поможешь.

Он успокоился и кивнул, присоединившись к безмолвию братьев и предоставив вождю возможность подумать.

Осмотреть группой весь удел до наступления ночи было невозможно, но делить копыто Блажке не хотелось. Стая показала, что способна погубить ездока, если тот останется один. Поэтому не было иного выхода, кроме как исследовать больше труднодоступных мест – мириады щелевых каньонов, оврагов и усеянных валунами холмов, где стая вероятнее всего могла затаиться. Блажка отдала приказ, и Реальные ублюдки взялись за неустанный поиск.

Уходящий день оставил одну улику на своем смертном одре – ее обнаружили по кружащим на западе стервятникам. Копыто заметило их, пробираясь чуть к югу от реки Алундры по болотистым низинам, разливавшимся от ее слияния с Люси. Когда ездоки подросли, падалыщики скакали по обо-

жженной солнцем насыпи из растрескавшейся грязи.

Блажка ожидала найти там останки Щербы. Но на деле все оказалось гораздо хуже.

Зловоние достигло их раньше, чем они увидели, что там. Это был удушающий, безошибочно узнаваемый запах, который появлялся всегда, когда зной Уль-вундуласа воздействовал на мертвую плоть. Ездокам пришлось завязать носовой платок над нижней частью лица. Всем, кроме Колпака. На выгоревшей земле лежало пять мертвых свиней и перевернутая повозка. Рядом валялись разбитые бочки и ящики, и их содержимое гнило на жаре вместе с полукровками, которым было поручено их доставить. Тел должно было быть шесть, но теперь представлялось трудным разделить даже самые сохранившиеся грудные клетки и внутренности. Шесть ездовых-полуорков теперь напоминали объедки со стола.

– Вот черт, мать твою, – простонал Хорек сквозь платок. Мед смотрел немигающим взглядом.

– Это наши припасы. От Шквала бивней.

В любой другой день за столь очевидное замечание кто-нибудь стукнул бы его по затылку, но это несчастье Ублюдков следовало озвучить, чтобы до конца поверить, что это правда.

– Посмотрим, можно ли что-то отсюда забрать, – сказала Блажка.

Прогнав стервятников, они спешили, чтобы разобрать обломки. Но все было тщетно: они не нашли ничего, кроме

трупных мух.

– Ни одной стрелы не пустили, – заметил Колпак, возвращаясь с осмотра округа. Его штаны промокли до бедер – очевидно, что он обыскал и болота.

– Их колчаны опустели задолго до того, как они доехали сюда, – согласилась Блажка. – Это было последнее противостояние после долгой погони. Их сюда загнали.

Хорек присел на корточки перед повозкой.

– Один свин сломал упряжку, поэтому они и перевернулись. – Он указал на тело самого дальнего варвара, лежавшего наполовину в болотной воде. – Докатались сюда, а потом их опрокинуло. Трех полукровок, которые управляли повозкой, по-видимому, разорвали раньше, чем они успели встать.

– А которые были в патруле, еще отбивались, – закончил Мед, поднимая упавший тальвар. – Но у них было только рукопашное оружие.

Вся поверхность была изборождена, но на грязи-таки отпечаталось несколько следов лап. Которые, опять же, уводили в никуда.

Колпак взобрался в седло, его бледные глаза коротко обратились к темнеющему небу, и он заметил Блажке:

– Нам нужно идти.

Ей оставалось только согласно кивнуть и повернуть голову свина в сторону дома.

Ко времени, когда они вернулись в Отрадную, солнце уже

наполовину скрыло свой лик за горизонтом. Блажка выбралась из седла и послала сопляка, чтобы нашел Дуболома и передал ему идти на общий сбор братьев. А до тех пор ей нужно было поговорить еще кое с кем.

Вместе с Медом она направилась в дом башмачника. Ни сам ремесленник, ни его жена давно здесь не жили – они присоединились к Шквалу бивней, когда пало Горнило, – зато перед домом сохранился старый плетеный навес. И теперь в месте, где башмачник когда-то шил обувь, их ждала троица непрошенных гостей, охраняемых Абрилом и Петро. Женщина со шрамами вполне пришла в себя и теперь стояла уверенно, скрестив жилистые руки на груди, словно оскорбленная присутствием вооруженных сопляков. Она была не меньше чем на дюжину лет старше Блажки, хотя, возможно, возраста ей прибавляли шрамы. Человеческая женщина сидела, все еще слабая, но в сознании. На ее голове снова был платок из некрашеного льна. Между полукровкой и хиляком стояла троекровная – прислонившись к дверному косяку, чтобы не задевать головой навес.

– Что можете мне рассказать? – спросила Блажка, подходя к ним.

– Я Дача, – представилась та, что со шрамами, выступая на заходящее солнце. – Мы пришли с намерением...

– Мне плевать, как вас зовут и какие у вас намерения. Твари. Расскажите мне про чертовых псов! Откуда они за вами гнались?

Изможденная полукровка никак не отреагировала на Блажкину резкость.

– Мы их не видели чуть ли не до тех пор, пока не заметили эти стены. Но слышали много раньше.

– Тот смех?

Кивок.

Блажка обошла ее, вступила под навес и наклонилась к лицу человеческой женщины.

– Ты сказала, они не естественные.

Эта тоже не дрогнула перед Блажкиным гневом. И неудивительно: шлюхи были приучены к жестокому обращению. Однако воспоминания превратили и без того широко распахнутые глаза в переливающиеся, встревоженные океаны.

– Они не умирали. Щерба попадал в них стрелами, но они вставали. И гнались дальше.

Блажка глянула через плечо на Меда. Тот побледнел.

– У меня на родине есть похожие звери, – словно в оцепенении, заявила хилячка. – Только они меньше. Мы называем их «диба». Они просто животные. Мерзкие падальщики, но просто животные.

– Диба? – повторил Мед. Его способность к языкам позволила передать акцент, с которым говорила женщина.

Она повернулась к нему, сосредоточила на Меде взгляд.

– На вашем языке они известны под названием, которое им дали в старом Империуме. Гиены. Но существа, которые напали на нас, были крупнее любой гиены, что я видела. Это

были джинны, я уверена. Дьяволы в зверином обличье.

Блажка не обладала талантами Меда, но когда при ней заходила речь о каких-нибудь тюрбанах, она это понимала. И то, как это звучало, ей не нравилось.

– Откуда ты родом? – спросила она.

– Из Сардиза.

Блажка утвердительно хмыкнула и сощурила глаза.

– Это в Тиркании.

– Империя, может, и захватила мой город, – ответила хилечка, сверкнув глазами, – но это не значит, что я должна ее принять.

Блажка безразлично выпрямилась и вышла, уводя Меда за собой.

– Пора поговорить с братьями.

– А как же мы? – окликнула их полукровка со шрамами.

– А как вы? – ответила Блажка, повернувшись только на половину.

– У нас есть намерение.

– Лучше бы вам пригодиться там, где вы были. Когда будет безопасно, мои ездоки сопровождают вас обратно в бордель. – И снова повернулась уходить.

– Мы не шлюхи.

Терпение Блажки совсем иссякло еще в начале дня, и она не имела никакого желания выискивать сейчас неиспользованные его капли.

– Нет, полагаю, что нет, – ответила она, повернувшись. –

Вы прибирались. А трикратка ваша что, проламывала черепа мужчинам, когда они позволяли лишнее? Или Ресия выставила ее, когда она даже не показалась тем дезертирам на глаза? А то я что-то не помню, чтобы ее видела. – Блажка махнула в сторону сидящей миниатюрной женщины. – А хилечка, такая свежая на вид, я готова спорить, она просто потеряла самообладание. Уверена, Ресия быстро ей с этим поможет. Здесь для вас ничего нет, ни для одной, поверьте мне. Вы пришли зря.

Полукровка со шрамами смотрела на нее, не отводя глаз. – Мы пришли, чтобы стать ездоками.

Блажке потребовалось мгновение, чтобы осознать услышанное. Но даже осознав, она замешкалась.

– Вы хотите вступить в копыто?

Еще кивок.

– Хотим.

Блажка метнула острый взгляд на Меда, и ее гнев привел его в замешательство. Черт, да она сама не знала, почему так сердится. Она снова посмотрела на незнакомку.

– Как там тебя, говоришь?

– Дача, – ответила полукровка. Затем махнула рукой на навес. – Большую зовут Инкус, а малую...

– В копыте полукровок не может быть хиляков, – отрезала Блажка.

Дача натянуто улыбнулась.

– Выйди-ка, Аламра. Дай вождю получше тебя рассмот-

реть.

Стройная женщина плавно выскользнула из-под навеса. Как и Дача, она была в штанах и рубашке, только куда менее поношенных. Она опустила шарф, показав золотистые локоны, спадавшие чуть ниже ушей, – совсем не те черные волосы, что были у большинства жителей Востока. Она вышла, не поднимая подбородок, а когда оказалась прямо перед Блажкой – вскинула на нее ясные глаза. Медовая кожа Аламры была под стать волосам, только ее золотой оттенок отливал безупречным оливковым румянцем. И этот еле заметный тон говорил об орочьей крови, пусть ее было и мало: у девушки не виднелось и намека на нижние клыки. Если саму Блажку считали красивой и она по жизни удостаивалась похотливых взглядов мужчин, то существо перед ней вовсе не имело себе равных.

– Моя бабушка была хилечной, – сообщила она в ответ на подозрительный прищур Блажки скромным, но не кротким тоном.

– Это копыто полуорков, жердина, – ответила ей Блажка. – Мой тальвар весит больше тебя.

– Пусть эта возместит разницу, – сказала Дача и дала троекровной знак выступить вперед.

Из тени показалась кожа стального цвета, обтягивающая грубые мышцы и набухшие вены на неприкрытой коже рук трикратки. Поставить бы рядом с ней Овса – они были бы одного роста.

– И тебя зовут Инкус? – спросила Блажка.

– Да.

Голос, раздавшийся где-то в черной гриве, был звучным и низким.

– Она слабоумная? – спросила Блажка у Дачи.

– Нет, – ответила Инкус. – Но я глухая.

Блажка наградила ее шутку смешком и, раскаинаясь, подняла руку к лицу.

– Прекрасно. Прошу прощения, что была сукой.

– Она говорит правду, – сказала Дача. – Инкус не слышит, даже когда гремит гром.

У Блажки отвисла челюсть.

– Как глухая, нахрен? А как отвечает мне?

– По губам понимаю слова, – последовал гулкий ответ.

– Дуболом немой, вождь, – заметил Мед.

– Вот и веди себя, как он! – рявкнула Блажка. Затем посмотрела на троекровную. – Ты не можешь быть в копыте, если не слышишь.

Дача почесала макушку под коротко остриженными волосами.

– Насколько я понимаю, когда свины бегут, это очень громко. Стук копыт и все такое. Поэтому в копытах и используются жесты.

– От жестов мало толку, когда стоишь в дозоре на стене, – сказала Блажка. – Нужно слышать, если кто крикнет, что приближаются тяжаки или кентавры.

– Тогда надеюсь, вашему немому полукровке не придется поднимать этот крик, – парировала Дача.

Блажка ударила женщину кулаком по умному порезанному лицу, сбив ее с ног.

Она ожидала, что Инкус попытается отомстить, но трикратка стояла без движения. Аламра только опустила глаза. Дача приподнялась на локте и сплюнула кровью. Блажка походила перед ними, стиснув кулаки и негодуя от предвкушаемого неповиновения. Но когда никто не вызвался ей ответить, она крикнула через плечо Меду:

– Выведите этих троих за мои стены.

– Вождь?

– Ты слышал, нахрен!

Дача вскочила на ноги, от замешательства и тревоги сжав разбитую губу.

– Это шутка? Такое испытание?

– Нет. – Блажка покачала головой. – Вам нет места в моем копыте. Ни одной из вас.

– А зачем выгонять? – спросила Аламра. – Мы вас обидели?

– У меня свои причины. А обидели тем, что делаете вид, будто не знаете. Бегите отсюда и скажите своему хозяину, что ничего не вышло.

– У меня нет хозяина, – сказала Инкус будто бы равнодушным тоном, но Блажка учуяла в нем обиду.

Дача испытующе посмотрела на своих спутниц. Они пло-

хо знали друг друга, поняла она теперь.

– Похоже, у вас есть враги, – сказала Дача. – Мы не они. Мы не служим никому, кроме самих себя. И вас, если вы нам позволите.

– Я не могу так рисковать, – ответила Блажка. – Три полукровки, которых я не знаю и которых привел тот, кто мне не слишком нравился, и за которыми гнались какие-то странные твари. – Она сделала шаг к Аламре и наклонилась над ней. – И у одной из вас имя вроде того, что у них. Имя, которое чертовски тяжело произнести. Как, ты говоришь, тебя зовут?

Девушка вдохнула, чтобы ответить, но Блажка перебила ее.

– Ухад Уль-Бадир Тарук Ультани.

– Вы принимаете меня за кого-то, кем я не являюсь. – Это не произвело на Аламру никакого впечатления. – Это имя мне неизвестно.

Блажка усмехнулась.

– Подозреваю, это имя у него не единственное.

– Я никому не служу.

– Ага, а у меня две письки! – Блажка отступила. – Мед, посторонних нужно вывести из поселения. Сейчас же.

– Прошу. Я могу себя проявить. Могу быть полезной, если дать шанс...

Девушка осеклась, когда увидела, что Блажка снимает с плеча арбалет.

– Никаких шансов, тирканианка. – Блажка вставила стрелу. – Но есть выбор.

– Вождь, – предостерег Мед.

Отказываясь его слушать, Блажка направила оружие. Аламра вздрогнула и отступила от тренчала, нацеленного ей в грудь.

– И вот какой, – продолжила Блажка. – Покинуть мои стены и жить. Или остаться. Но я всажу эту стрелу в тебя здесь и сейчас. А твои спутницы смогут сделать выбор позже, когда увидят, что я не шучу.

Дача выступила вперед, встав между Аламрой и тренчалом.

– Я не думаю, что вы шутите, – сказала она. – Но я начинаю думать, что вы, нахрен, сумасшедшая.

– И, как бы то ни было, тебе это ничего хорошего не предвещает, да?

– Да. Это значит, что я скорее всего сегодня умру. Или вы меня убьете, или те смеющиеся псы, которые рыщут снаружи. И еще это значит, что мне не стоило приходить. Не стоило покидать Гиспарту, ждать в том траханом борделе, пока прибудет ездок и отведет нас сюда. И он прибыл. Не какой-нибудь кочевник, а Ублажка, сама вождь. Та, кого мы втроем хотели здесь найти, каждая своим путем. Но она приняла нас за шлюх и отказалась слушать, оставив стоять как стояли. Тогда у нас тоже был выбор. Сдаться или пойти дальше, нахрен! И... – Дача горько пожала плечами. – Щербе

в борделе больше не были рады, поэтому мы предложили оставшиеся у Инкус монеты, а потом только выковыривали пыль из зубов, пока она не осела. Он должен был подвести нас поближе и ускакать, потому что думал, вы его убьете, так же, как я думаю, что вы убьете нас сейчас. Но потом на нас напали псы, и тогда пришла его очередь сделать выбор. Он мог бросить нас. Но не бросил. Если бы можно было спросить его сейчас, думаю, он сказал бы, что выбор был неверный. Таким же мне кажется сейчас мой, если сказать честно. Так что жмите на крючок, вождь, если думаете, что я лгу. Я поклялась, уходя в Уделье, что буду ездить с Ублюдками или умру на пути к этой цели. Так что, если у меня есть выбор, то я лучше приму быструю стрелу, чем дам чудовищам разорвать себя на куски.

– Ободряющая речь, – сказала Блажка. – Но у Ублюдков уже есть опыт со странными полукровками, которые появляются откуда ни возьмись. И у которых тоже язык подвешен. И тех, кто помыкают своими приспешниками, делая вид, что они в опасности, тогда как это просто такая манера вершить свои дела. Ваша история ничего не меняет.

– Тогда делайте, что должны, – сказала Аламра. Медленным, грациозным движением она обошла стоявшую в защитной позе Дачу и опустилась на колени. – Я не служу тому, кого вы назвали. А если бы служила, то не боялась бы джина в образе дибы. А я боюсь. Поэтому я умру здесь, сразу и быстро, и, поскольку вы не примете меня, свободной от чьих

угодно приказов.

Дача тяжело сглотнула комок в горле и опустилась на колени рядом с ней.

Лицо трикратки было скрыто за волосами, но и она преклонила на пыльную землю.

– Довольно этого дерьма, – сказала Блажка. – Поднимайтесь все, нахрен.

Никто не двинулся с места.

– Я сказала, поднимайтесь, нахрен, соплячки! Глухие, жердины, со шрамами – это не значит, что я должна повторять! Встать!

Дача поняла первой и вскочила. На распухших губах у нее расцветала улыбка. Инкус поднялась следом, спружинив слева от полуорка. Затем наконец – Аламра, все так же глядя в землю.

Блажка подманила Петро и Абрила.

– Устройте их в казарме для сопляков.

– Да, вождь. – Петро дал женщинам знак идти за ним.

Абрил выбежал перед Инкус, чтобы пойти спиной вперед.

– Повезло тебе, что не слышишь. Большинство ребят храпят. Я Абрил. Помогу тебе занять нижнюю полку. Или, может, верхнюю, если над Уйдалом. Он храпит громче всех. В таком случае даже если ты сломаешь койку и упадешь, то раздавишь его, и нам всем станет легче спать... как только уснем после падения...

Блажка ухватила Аламру за руку, когда та проходила ми-

мо, притянула к себе и прошипела:

– Поймаю тебя, если будешь трахаться с парнями за услуги или послабления, – вернешься в пустоши, и неважно, будут там демоны-псы или нет. Поняла?

– Поняла.

– Надо отвечать: «Да, вождь».

– Да, вождь.

Отпустив ее, Блажка подавила нарастающий кашель.

Мед встал рядом.

– Я на минуту подумал, ты всех троих убьешь. Крутой прием, вождь.

– Никакой не прием. Я бы и убила, но...

– Нутро подсказало, что не надо.

Блажка кивнула.

– Они либо говорят правду, либо чертовски хорошо фиглярят. Надо, наверное, попросить Лодыря оценить их выступление.

– А ему ты уже, значит, доверяешь?

Он попытался это скрыть, но Блажка уловила в его голосе упрек. Это заставило ее задуматься.

– Доверю ли я ему свою жизнь? Нет. Этого достойны только посвященные братья. Но я не думаю, что он желает нам зла. Он не появился с набухшим стручком на наше копыто. Думаю, такое будет вызывать у меня подозрения до самой смерти.

Мед медленно кивнул, соглашаясь. По тому, как его

взгляд дрогнул и сжался рот, было видно: он что-то замалчивает.

– Что?

– Ну... – Мед провел рукой по своему эльфийскому гребню. – Он появился с набухшим стручком не на копыто.

Блажка пожалела, что подстегнула его, и заставила его пожалеть, что подстегнула, одним своим взглядом.

– У меня опять непреодолимое желание всадить в кого-нибудь стрелу.

Мед начал пятиться в сторону.

– Пойду-ка лучше соберу ребят.

– Что-то ты очень умный стал, нахрен.

Ублюдки собрались в заброшенной лавке бондаря – там же, где когда-то проголосовали за то, чтобы сделать Блажку вождем. С тех пор это место стало у них новым залом собраний. Мед сидел за старым бондарским верстаком, Хорек с Облезлым Змеем – по бокам от него. Дуболом взгромоздил свое грузное тело на стопку досок за ними. Колпак стоял на своем обычном месте, прислонившись к стене возле недоколоченных гробов. Никто не говорил ни слова. Не было больше той привычной веселости и подколов, с которых собрания копыта начинались даже в самые трудные времена.

Блажка обычно проводила их стоя, но сейчас позволила себе перенести тяжесть прошлой ночи и этого дня на край старой бочки и, пробежав рукой по туго заплетенным локонам, развязать кожаный ремешок, что удерживал их вместе.

Затем раздраженно стряхнула с волос пыль и посмотрела на Дуболома.

– Как свинья?

Дуболом вытащил из своего деревянного сиденья торчащий гвоздь и поднял перед собой.

Блажка ухмыльнулась.

– Сильно. Молодец. Надеюсь, она выкарабкается. Кто-нибудь помнит, как Щерба ее звал?

После непродолжительной паузы раздался тонкий голос Колпака:

– Сиротка.

Блажка увидела, как у Хорька просияли глаза и приподнялись уголки рта.

– Не надо, – отрезала она, как только он набрал воздуха, чтобы пошутить.

Хорек щелкнул зубами.

– Хорошо, – сказал Мед, протяжно выдохнув. – Теперь мы знаем, почему сейчас голодаем. Эти... гиены вычистили наш удел. Сначала перебили всю дичь, а сейчас перехватили нашу повозку.

– Ты же не считаешь так на самом деле, – сказал Облезлый Змей. – Ни одна стая не может вести себя так продуманно.

Змей пытался убедить в этом сам себя, искал другие объяснения. Но он видел то же, что видели остальные: тварей, от которых не оставалось трупов. Тварей, загнавших матерых ездоков в непроходимую местность, чтобы забить там, куда

редко доходят патрули.

– Штукарь может.

Все уставились на Блажку. На ее лице, должно быть, застыла такая уверенность, что никто не решился ей возразить. И она действительно была уверена в своем мнении. Она просто чуяла этого пузатого тюбана в открывшейся им чертовщине.

– Тогда, – медленно проговорил Мед, – это означает, что Шакал его не нашел.

– Или, наоборот, нашел, – добавил Колпак.

– Так... – вступил Хорек, – если Штукарь снова в Уделье, это значит, что Шакал...

– Я не знаю, – оборвала его Блажка, постаравшись, чтобы слова не прозвучали слишком резко, но ей не удалось. – Я знаю только, что первые месяцы мы как-то держались. Потом кончилось вино, деревья погрызли вредители, а теперь, когда мы ослабли от голода, появляются хихикающие демоны, и от всего этого несет жирным тирканианским тюбаном!

И подскочив, Блажка пнула бочку, стоявшую позади нее, и пробила клепку.

Наступила тишина. Затем Мед прочистил горло.

– Нам нужно сообщить в Шквал бивней.

Блажка об этом уже подумала.

– Я пошлю птицу.

– Мы уверены, что она долетит? Если Штукарь пытается нас отрезать, он не пропустит...

– Знаю. Но я не могу рисковать, посылая туда кого-то из вас. Твари явно нацелены на маршрут между нами и Пучиной. Если они намерены нас отрезать, ни один ездок, ни из нашего копыта, ни из их, не одолеет этот путь. Если шесть полуорков не смогли, то что говорить об одном? Мы не можем туда ехать. И сейчас меня больше волнует, как нам прокормить людей. Сколько мы сможем продержаться с тем, что у нас осталось?

– При текущих нормах? – Мед вздохнул. – Недели две. Но еле-еле. После этого будем есть то, чем сейчас кормим свинов. Потом...

Ублюдки позволили воцариться тишине.

Забить варвара ради мяса было почти невысказано. Копыта, которые к такому прибегают, с тем же успехом могли бы просто умереть с голода. Но эти идеалы не будут иметь смысла для поселенцев, когда умирать начнут их дети.

– Нас еще и прибавилось. Появилось пять новых ртов, которые нужно кормить. Двое кочевников и три соплячки. Завтра посмотрим, чего они стоят. Но пока эти женщины имеют статус соплячек, с ними и обращаться нужно как с соплячками. То есть спать с ними нельзя.

Хорек ухмыльнулся и толкнул Меда локтем.

– Черт, а я, знаете ли, присовывал соплякам в зад разок-другой. Иногда им это даже нравилось.

– Надеюсь, ты шутишь, Хорек. – Блажка вздохнула. – Беда в том, что я не пойму, так это или нет.

– А ты спроси нашего юнца. – Хорек подмигнул через стол Облезлому Змею.

Раздался треск ломающейся древесины.

– Сделаешь что-то с теми женщинами, Хорек, и сам останешься без стручка! И надеюсь, он у тебя правда такой большой, как ты рассказываешь, потому что это будет единственное, чем ты будешь питаться целый месяц, нахрен!

Блажка обнаружила, что краешек одной из досок стола отломился, когда она стукнула по нему правой рукой. Затем она почувствовала, как ее легкие онемели, и не смогла сдерживать приступ кашля. Когда она пришла в себя, все копыто сидело неподвижно и пристально смотрело на нее. Большинство глаз широко распахнуто, только Колпак сдвинул брови.

– Долбаные опилки, – сказала Блажка, прочищая забившееся горло. Сморгнув выступившие слезы, она снова села на место и оглядела братьев. – Вольным ездокам нужно уделить больше внимания, чем новым соплячкам. Сосредоточьтесь на них.

За столом раздались невнятные бормотания, последовали сдержанные кивки.

– Следует убить псов, – прошипел Колпак, отводя внимание от задыхающейся Блажки.

Дуболом постучал костяшками пальцев по столу, привлекая внимание. Затем покачал головой, провел пальцем по горлу, еще раз покачал головой и закрыл ладонью глаза.

– Ты прав, – сказала Блажка. – Мы не можем убить тех,

кого не можем найти.

Облезлый Змей раздраженно цокнул языком.

– И что? Будем ждать, когда они опять нападут?

– А кто говорит, что они нападут? – спросил Хорек. – Если чародей попытается заморить нас голодом, ему больше ничего и не нужно. Только ждать.

– Тогда зачем было нападать на Щербу и тех женщин? – возразил Облезлый Змей.

– Может, он хотел, чтобы мы увидели, что это его рук дело, – сказал Мед. – Запугать нас. Страх убивает не хуже голода. Штукарь это хорошо понимает.

– И псы – не единственная его уловка, – заметил Колпак.

Блажка услышала в его спокойном тоне намек. Имел ли Штукарь отношение к ее болезни? Вполне вероятно.

Штукарь тогда сказал, что ее эльфийская кровь защитит ее от прикосновения Месителя. Чародей оказался прав, и Меситель, одно из немногих существ, которых, очевидно, боялся Штукарь, погиб. Но что, если чародей погубил этим не только этого своего противника? Добился ли он ее отравления своими манипуляциями? Ведь та же кровь, которая помогла победить Месителя, была неподвластна и чарам самого Штукаря. Блажка до сих пор помнила потрясение на его пухлой роже, когда порошок, что развеял Штукарь, не смог остановить ее на подмостках в Горниле.

Блажка встала – и от наступившего откровения ее движения стали резкими и дергаными. Она сделала маленький круг,

хрустнула костяшками пальцев, а потом снова повернулась к своему копыту.

– Он боится меня, – заявила она. – Нас! Он больше не может взять нас хитростью, поэтому решил устроить осаду, задушить нашу способность к выживанию. Его псы убили шестерых Бивней. Что мешало ему сделать то же самое сегодня с нами?

Хорек почесал подбородок.

– Может, Колпак? По крайней мере, точно не Облезлый Змей. Если только эти псы не испугались его страшных шрамов от ожогов.

Несколько братьев ответили улыбками.

Мед сохранял задумчивый вид.

– Если твоя эльфийская кровь удерживает его от прямого нападения, то нам, наверное, стоит обратиться к Псовому ущелью. Рога могут знать, как с ним бороться.

– Любого, кто войдет в Псово ущелье без приглашения, эти самые Рога возьмут в плен. И никто его больше не увидит. – Блажка покачала головой. – Нет. Если бы нам в тех горах были рады, Певчий уже послал бы весть. К тому же ты сам слышал, как я говорю по-эльфийски.

Мед вскинул брови, соглашаясь.

– Ты развяжешь войну.

Блажка бросила на него испепеляющий взгляд.

– Мы не знаем пределов возможностей Штукаря, но они у него есть, и нам нужно, чтобы он перестал искать их у нас.

Если бы он хотел нас убить, то спустил бы псов на патрульных, убивая нас по одному. Но нет, он хочет, чтобы мы ослабели, а не избавиться от нас.

– Зачем ему нас ослаблять? – спросил Хорек, встревожившись от этой мысли.

Блажка промолчала, тем самым признавая: она не знает.

Глава 8

Копыто выслеживало псов целыми днями. Когда результатов это не дало, решили выбираться и по ночам. Они охотились отрядом по одиннадцать ездоков: все посвященные братья плюс двое кочевников и три старших сопляка, и у каждого седло щетинилось полными колчанами и связками дротиков. Такое количество ездоков воодушевляло Блажку, но все равно в Отрадную они каждый раз возвращались ни с чем. Если бы не раздражение братьев из-за неуловимости тварей, Блажка сочла бы, что стая была лишь одним из смутных видений, которые являлись ей из-за снадобья Костолыба.

С упрямой целеустремленностью они продолжали поиски примерно неделю, ни разу не встретив ни одного зверя и с каждым днем сокращая норму питания.

Жизнь внутри стен, несмотря на активное патрулирование, по-прежнему состояла из череды утомительных хлопот. Блажке приходилось осматривать сады и огороды, за которыми ухаживали поселенцы, и слушать их все более тревожные предсказания.

– Мои широкие бобовые грядки пока хороши, но боюсь, перед сбором их поест грибок.

– Этих остатков мушмулы мне едва хватит, чтобы прокормить детей.

– Кто-то ворует мою айву. Вы должны положить этому конец!

Она отвечала на все пустыми обещаниями и ничем не подкрепленными словами ободрения.

Но обучая сопляков, она не могла призвать даже этого скудного великодушия.

– Вы, никчемные! Мне что, поджечь эти чучела, чтобы вы смогли в них попасть?

Ублюдки вернулись с пятой ночной охоты, и Блажка, отказавшись отдыхать, приказала претендентам встать до рассвета и начать занятия с арбалетом. Соломенные мишени, расставленные под западным изгибом стены, одерживали верх.

– Будь это тяжаки, из вас бы уже сделали фарш! – Она шлепнула одного сопляка по затылку. – Я ожидаю от тебя лучшего, Гравиль. А ты, Тоуро, что, ослеп?

– Нет, вождь.

– Простите, вождь.

Трем женщинам она приказала также выйти на занятие. Обычно новеньким соплякам арбалетов не давали, но эта троица была старше остальных претендентов, и Блажке нужно было увидеть, на что они способны. И проверить, достойны ли они того, чтобы их кормить.

Блажка оказалась недовольна.

– Ты выстрелила три раза, Дача. И нормально попала всего один?

– Да, вождь. Один раз, – ответила полукровка, не отрывая глаз от мишени.

– Куда?

– По центру. Невысоко от земли.

– Если он не болтал членом со слоновий хобот, эта стрела прошла бы между его ног. Это промах. Он бы даже не затормозил. И ты первая бы умерла.

Инкус попала в центр двумя стрелами, но третья улетела неизвестно куда.

– Это ты их пустила?

Глухая троекровная кивнула. Затем убрала густые волосы со своего широкого лица, обнажив выступающие скулы и единственный клык, торчащий над массивной нижней губой.

– Ты стреляешь уверенно, – похвалила ее Блажка, – но чертовски долго целишься. Кто угодно попадет в центр, если будет тратить столько времени. Давай быстрее.

– Есть.

Дойдя до Аламры, Блажка недовольно зашипела. Эта недополукровка не выпустила ни одной стрелы и до сих пор пыталась оттянуть тетиву.

– Хватит, – сказала Блажка, выхватив арбалет из ее дрожащих рук. – Силенок у тебя мало. Черт, даже не знаю, смогла бы ты натянуть ее с рычагом, как делают чертовы хиляки. Дача бы погибла, а ты? Ты бы осталась жива. Будешь просто валяться в грязи, и улюд сделает с тобой все, что ему взду-

мается. А это шесть орков с набухшими членами. Надеюсь, они не переусердствуют и быстро тебя убьют. А если нет – принесешь в этот мир больше тяжачьей крови, чем течет в тебе.

Аламра снесла пророчество, как обычно, с опущенным подбородком.

Блажка мотнула жердине головой.

– Иди найди Дуболома в хлевах. Скажи ему, что будешь разгребать свиное дерьмо, пока не наберешься достаточно силы, чтобы натянуть тетиву. – Юркая полукровка поспешила прочь, ничуть не потеряв своего изящества после Блажкиного приказа. – Остальным – еще залп! Кто промахнется на этот раз – пойдет углублять сортир. Готова спорить, Дача окажется по локоть в моем говне раньше, чем утром высохнет роса. Интересно, кто к ней присоединится? Готовьсь! Цельсь... ПЛИ!

К тому времени, как Колпак пришел учить сопляков кулачному бою, предсказание Блажки сбылось. Дачу отправили с занятий вместе с Лопо и Гравилем. Оба претендента показали, что хорошо целятся, но стрельба у них не задавалась. Причиной тому было недоедание. И найти решение этой проблемы было так же трудно, как разобраться со смеющимися псами.

– Убрать арбалеты к стене и встать в круг! – приказала Блажка. – Кто сегодня хочет испытать себя против Колпака? Претенденты утомились, большинство повесило нос.

– Я хочу, – послышался бесцветный голос.

Инкус стояла скрестив руки на груди, и два пальца ее правой руки были подняты.

Кольцо сопляков оживилось.

Колпак уже снимал пояс с мечом, выдергивал отовсюду ножи и бросал их остриями в землю. Когда он выступил вперед, его движения вдруг напомнили Блажке о плавном изяществе Аламы. Инкус же вышла с видом упрямого быка. Медленно сняла с головы кожаный ремешок, позволив волосам снова скрыть лицо. Блажка не представляла, как трикратка могла что-то видеть сквозь их плотную вуаль.

Ее первый удар вышел таким резким, таким сильным, что можно было услышать, как кулак рассек воздух. Быстрее его оказался только Колпак. Извернувшись, он уклонился и отпрыгнул назад, подальше от противницы. Блажка уловила, что у него была возможность наказать Инкус ударом по ребрам, но он ее проигнорировал. Инкус тоже это заметила: ее волосы всколыхнулись от неровного дыхания, и она не стала наступать дальше. Вместо этого она опустила руки, вышла из своей позиции и просто стояла на месте.

Выжидая.

Колпак расхаживал вокруг нее. Сопляки расступились, расширив круг с таким видом, словно дерущиеся плевались змеиным ядом. Каждому из них уже приходилось драться с Колпаком. И никто не смог нанести даже удара.

Колпак метнулся, будто гадюка о четырех конечностях,

так быстро, что зашел к Инкус сбоку, при том, что она не переставала поворачиваться, следя за ним. Первый его кулак целился ей в почку, но она согнулась, подставив ему локоть. Несколько сопляков поморщились, услышав звук удара. Но у Колпака не было времени реагировать на боль. Второй кулак был нацелен Инкус в лицо, но она от него увернулась, вызвав одобрительные возгласы. Затем раздался еще один глухой удар, когда трикратка боднула руку Колпака, согнув ему запястье. Кость не треснула только каким-то чудом. Блажке показалось, будто губа Колпака задралась в гримасе. В этот раз он не отступил и попытался пнуть Инкус коленом в живот. Она выставила блок и ответила резким ударом локтя. Колпак, отказываясь сбавлять темп, пригнулся. Они наносили удары и преграждали их, уворачивались и парировали, и ни один не мог превзойти другого. Это было упоительное зрелище: большая угрюмая скала против бледного змея.

Сопляки подняли такой шум, что пол-Отрадной собралось посмотреть, в чем дело. В считанные мгновения еще десятка два голосов, восторженных неожиданным развлечением, достигли такого накала, что Блажке оказалось трудно сосредоточиться только на бое. Это, очевидно, смутило и Колпака, потому что его удары становились все более небрежными, а безупречные сети, в которые он обычно загонял своих противников, будто бы изнашивались. Инкус, напротив, оставалась непоколебимой, как крепостная стена. Стена, которая могла ударить в ответ.

– Может, вытащишь оттуда своего альбиноса?

Посмотрев направо, Блажка увидела ухмылку Лодыря. Она так внимательно следила за поединком, что не заметила, как он подошел. Он застиг ее врасплох уже второй раз. Выходит, навыки ослабли не только у сопляков.

– Это всего лишь тренировка, – ответила она.

Тертый небрежно пожал плечами.

– И тем не менее. Ты можешь потерять брата, если Анвильская Невеста выйдет из себя.

– Анвильская кто? Ты про Инкус?

– Видел ее как-то в бою в Магерите, – сообщил Лодырь, переводя глаза на поединок. – У нее тогда была бритая голова, но по бою я точно вижу, это она.

Пока круг зрителей разрастался, Колпак и Инкус продолжали колотить друг друга. Удары теперь достигали цели, хотя большинство сочных шлепков раздавалось после удачно поставленных блоков. Оба бойца, будто по сговору, перестали уклоняться.

Блажка нахмурилась.

– Так она что, какая-то известная кулачница из Гиспарты?

– Пользовалась славой в Тредрии, – ответил Лодырь, перекрикивая толпу. – Поборола всех, кто хоть что-то из себя представлял на том узком полуострове, и пришла на наш, который покрупнее. Дралась при дворе для развлечения короля и королевы, пока хозяин не взял ее в тур по всем большим городам. На одном карнавале, где я участвовал, она бы-

ла главной забавой. В тот вечер я и увидел, как Анвильская Невеста завалила восьмерых самых знаменитых кулачников Магерита.

– Я думала, ты видел ее в бою только раз?

– Так и есть. – Лодырь скосил взгляд и подмигнул Блажке. – Она дралась против восьмерых сразу.

Взрыв радостных возгласов вернул их внимание к рингу. Колпак ухватил Инкус за левую руку, очевидно, воспользовавшись преимуществом после ее слишком сильного выпада. Зажав ее руку между своими, он крутанулся, всадил локоть Инкус в спину и надавил на сгиб колена, согнув ногу. А затем, приложившись второй ногой, повалил ее на землю.

Толпа взорвалась.

Колпак не стал радоваться победе, а сразу направился к Блажке. Наклонившись к ней, он шепнул ей на ухо:

– Она поддается. – В его голосе звучал тон, которого Блажка еще никогда не слышала. Колпак был... заинтригован.

– Да ну?

Блажка сняла пояс с мечом, швырнула не ожидавшему этого Лодырю, и вышла на ринг.

Инкус уже была на ногах, не обращая внимания на пыль, которая обелила ей волосы. Блажка подошла к ней так близко, что носки их ботинок почти соприкоснулись, и обратилась к скрытому лицу трикратки. Толпа затихла, поэтому она проговорила одними губами:

– Теперь будешь драться со мной. И попробуешь сдержать силу – вылетишь отсюда. Поняла?

Волосы кивнули.

В следующее мгновение Блажке пришлось пригнуться, чтобы не остаться без головы. Потеряв равновесие, она позволила себе упасть, а как только коснулась задом земли, оттолкнулась и осталась сидеть на корточках. Когда Инкус продолжила наступление, Блажка ринулась на нее. Трикратка напрягла руку, готовя удар. Блажка, подскочив, поставила ногу на вздымающееся колено Инкус, чтобы таким образом прыгнуть выше. Затем поймала ее руку, использовала силу инерции, чтобы преградить удар, и повисла у трикратки на плечах. Одной ногой зацепилась за ее шею, другой – за подмышку. Блажка схватила Инкус за челюсть и потянула ее вперед. От этого маневра они должны были вместе завалиться, но трикратка отставила ногу, найдя опору, и развернулась, схватив Блажку за запястье и отбросив ее. Блажка угодила в толпу, сопляки тревожно вскрикнули. Высвободившись, она бросилась в нарушенный круг. Она не дала Инкус возможности для удара, а сразу прыгнула на нее, выставив ногу, как только позволило расстояние. Трикратка с небольшим усилием отвела ее ногу и обрушила град ударов. Блажке пришлось постараться, чтобы отступить подальше.

Вот черт, какая быстрая!

Быстрее Овса, уж точно, и такая же сильная. Одна ошибка, и Блажке придется выплевывать зубы. Или кусочки че-

репа.

Слишком сосредоточившись на смертоносных кулаках, Блажка совсем не заметила ноги Инкус. Грубым движением трикратка скорее топнула, чем пнула, Блажке в грудь. Заваливаясь на спину, Блажка выпустила весь воздух из легких. А когда оказалась на земле – уже задыхалась. Это всегда было неприятно, но с присутствием месива вовсе пугало. Корчась, пытаясь вдохнуть и боясь, что ее вырвет, Блажка подумала, что сейчас умрет – прямо в тренировочном бою. Если бы она могла издавать что-либо помимо хрипов, то рассмеялась бы. Судорожно вцепившись пальцами в землю, она ожидала, что следующий вздох станет для нее последним.

Огромная рука схватила ее за загривок, подняла, усадила и так нажала на голову, что она почти поцеловала землю у себя между ног. Так прошло несколько мучительных мгновений. Ее туловище бурно вздымалось, рука на шее удерживала ее на месте. Ее зрение восстановилось раньше, чем легкие, но она видела только землю перед собой и собственную промежность. Толпа застыла в мертвой тишине. Блажка не слышала ничего, кроме своего тягостного дыхания. Рука отпустила ее шею, и к Блажке подошли спереди. Подняв голову, она увидела, что перед ней села на колени Инкус. Раздвинув мощной рукой волосы, она явила раскаявшееся и решительное лицо. Последовал вопрос, лишенный всякой интонации:

– Я могу остаться?

Блажка протянула руку и коснулась рукой трикраткиной щеки. Ее голос еще не вернулся, но разве это было важно?

«Будешь еще поддаваться?»

Голова покачалась из стороны в сторону.

– Нет, вождь.

«Хорошо. Можешь остаться».

Инкус помогла Блажке подняться на ноги, и зрители дружно выдохнули. Было ли это облегчение или разочарование – Блажка различить не могла. Встав, она старалась не шаркать ботинками, пока направлялась к Колпаку.

– Дай ей меч, – прохрипела она ему. – И не ставь ее против других сопляков. Дерись с ней только сам.

Колпак кивнул, Блажка забрала у Лодыря свои вещи.

– Моя рука весьма хороша для опоры, если тебе нужно, – предложил тертый.

– Не нужно, – просипела Блажка и ушла сама.

В ту ночь она дала копыту необходимый отдых и рано ушла в свою светлицу. Сон манил ее. А потом отступил. Она кашляла в подушки, потела на простынях. Ночь, постель стали ей тюрьмой, держа ее на грани сна и никак не отпуская. Лихорадочно дрожа, со стучащими в голове молотами, она не могла обрести ни спокойный сон, ни сил, чтобы подняться. Жгучая тяжесть ползла от ее груди к горлу, невзирая на мучительный кашель. Терзания казались живым существом, неотступным и достаточно коварным, чтобы являться только когда она оставалась одна, делая ее слабость чем-то сокро-

венным и личным.

Но этой ночью к ней вторгся кое-кто еще.

Сонливость отступила, зверская головная боль прекратилась, кашель затих. Все знакомые боли ушли, точно обидевшись, что она позволила наблюдать за их воздействием постороннему. Блажка еле заставила себя выпрямиться и оказалась на табурете, прислонив спину к стене.

– Штукарь.

Он сверкнул улыбкой в слабом свете, золотые зубы тускло блеснули под луной.

– Я знала, ты пришел, чтобы затрахать нас до смерти, – прорычала она.

Чародей лениво почесал огромный живот.

– По правде сказать, сперва я планировал не это. Я бы предпочел, чтобы вы все стали моими союзниками.

– Прибереги свое вранье. Я тебя слушать не буду.

– Жаль. Потому что, боюсь, если ты не будешь меня слушать, твое копыто обречено.

Подувший с балкона ветерок охладил пот, что выступил у Блажки на коже, и ей стало даже более зябко, чем можно было ожидать. Штукарь едва шевелился. Он являл собой почти безликий сгусток тени, заполнявшей угол комнаты, и его фигуру венчали очертания тюрбана. Больше всего в нем пугала эта неподвижность – словно он намеренно себя сдерживал. Блажка попыталась вспомнить, куда положила тальвар, но это знание легко ускользнуло из ее разума, будто извива-

ющийся угорь из пальцев. У нее оставались только голые руки. Обхватить его шею и сжать. Сейчас было самое время для выпада. Сейчас! Но она не сумела двинуться с места. Ее охватил очередной приступ кашля.

– Я тебя убью, – прохрипела она.

Чародей рассмеялся.

– Ты можешь пойти по этому пути. Хотя я полагаю, ты на нем оступишься. Я не жажду ничьей смерти, но не стану и мешкать, если мне придется убить всех твоих братьев, если ты заставишь меня это сделать. Раз таков будет твой выбор.

– Выбор? Я не стану играть в твои игры!

– Ты должна проголосовать против Шакала.

– Проголосовать? Что ты... против Шакала? Ты чокнулся.

– Нет. – На пальцах Штукаря сверкнули кольца, когда он поднял руку, чтобы почесать нос. – Напротив, это единственное верное решение. Ты выступишь против него, но не станешь предупреждать о своем предательстве. И это положит конец его амбициям.

Осознание не столько поразило Блажку, сколько польстило ей – как рука, давно ее касавшаяся, но которую она заметила только теперь, с нежным поглаживанием по большому пальцу.

И эта приводящая в бешенство лесть уже свершилась.

– Мне больно это делать, – продолжил Штукарь, и она словно знала наперед, что он скажет дальше. – Он очень мне нравится. Честно. Но сейчас не время Шакалу становиться

вождем, я полагаю.

У Блажки зашевелились челюсти, и она услышала собственные слова, которые сказала в тот день. Теперь они эхом разнеслись по ее темной спальне.

– Он сядет на место вождя, тирканианец. Я помогу ему это сделать, и мы вместе вышвырнем отсюда твою жирную задницу.

Штукарь устало вздохнул.

– У нас нет времени на эти препирательства. Шакал уже бросил вызов. Вскоре вы все соберетесь и побросаете свои топорики. И твой будет брошен в поддержку Ваятеля. Сделаешь по-другому – и я уничтожу Серых ублюдков. Ездоков, молодежь, которая еще учится, свинов. Я переверну эту крепость вверх дном. – Чародей лениво покрутил пальцем в воздухе. В отличие от настоящего, они были в Горниле. И сейчас, так же, как и тогда, Штукарь возник без приглашения. – И на этом я не останавлиюсь. Ваша чудная Отрадная тоже сгорит. Твое копыто, твой удел – все погибнет зря. Почему? Из-за твоей верности. Или из-за любви? Мне интересно, Ублажка, что ты больше любишь? Этого полукровку? Или Ублюдков?

Тогда она замешкала. Надо было вскрыть ему живот.

Штукарь склонился к ней, в его голосе послышалось сочувствие.

– Шакал не пострадает. Ваятель понимает, что его смерть... испортит положение дел в братстве. Даю тебе свое

слово, как сам вождь дал его мне. Шакалу позволят стать вольным ездоком. Предай его – и он будет спасен. Все будут спасены. Выбор за тобой. Но я должен попросить тебя сделать его сейчас.

Она так и поступила: метнула топор в поддержку Ваятеля. Голосование, однако, закончилось вничью и требовало боя между избранными чемпионами. Тогда Штукарь снова нашелся с ответом. И она снова ему подчинилась. Овес дрался за Шака, она – за вождя, и она повергла обоих полукровок, которые были ей дороже всего на свете.

Всего, кроме самого копыта.

– Ты не знал... – сказала Блажка, вдребезги разбивая воспоминания. – Кто я такая. Ты не знал. Я не знала. Иначе сожрала бы твою плоть!

Она вскочила с кровати, ударилась коленом об изножье и врезалась в стену, опрокинув стул.

– Покажись!

Она хотела, чтобы приказ прозвучал криком в ночи, но ее ярость заглушил тяжелый, чуть не до рвоты кашель.

Страшась безумного ада в постели, она отказалась туда возвращаться и провела ночь лежа на полу, размышляя о мертвых днях, ожидая, когда они вновь явятся из теней.

Глава 9

– Аль-Унанский огонь!

Блажка с торжествующим видом прошествовала в переднюю дома каменщика. Это было одно из многих брошенных строений в Отрадной, и Мед использовал его для работы над укреплением деревни. Она не ожидала увидеть здесь Лодыря, но, войдя в проем, не выдала удивления и не сбавила шаг.

– Чтобы убить собак, – продолжила Блажка. – Используем Аль-Унанский огонь.

От этих слов Мед, казалось, застыл над чертежом, лежащим перед ним на столе, хотя его прежняя сосредоточенность явно была потеряна. Он медленно перевел глаза на Блажку и ответил:

– Вождь, это не...

– Шлюхан, уйди. – Блажка указала пальцем за дверь.

Лодырь встал, прочистив горло, и вышел.

– Огонь их убьет, – заявила Блажка Меду, когда они остались наедине. – Сами они уже не исчезнут, нахрен.

– Сперва они должны опять появиться.

– Появятся. А потом мы будем готовы дать им то, от чего они не оживут.

– Ты не знаешь наверняка.

– Он убил Месителя, он кого угодно убьет.

– Да. И еще разрушил каменную крепость. А мы живем

за деревянной стеной, Блажка.

В последнее время братья редко называли ее по имени. Эта фамильярность одновременно успокаивала ее и приводила в бешенство. Она подавила обе реакции.

– А ты знаешь другой способ? Я тебя слушаю.

Она выдержала паузу. Мед перевел взгляд обратно на стол.

– Вот и я не знаю, – сказала Блажка. – Никто не знает. Это мерзкое демонское семя – наш единственный шанс.

– Нет. У нас вообще нет шанса.

– Он до сих пор горит в Горниле. И мы его оттуда достанем.

Мед рассмеялся. Горько.

– Нет. С ним можно обращаться, только когда он в инертном состоянии. Как только он загорается... Блажка...

Она ударила ладонью по столу.

– Вождь! – рявкнула она.

Это заставило его осечься. Он сделал вдох.

– Вождь. Его нельзя сдерживать после того, как ему дали волю. И поэтому он так опасен.

– Не объясняй мне, будто я чертова соплячка, Мед. Я это понимаю! Но если кто и может найти способ, это ты.

Лавка отлетела назад и с шумом опрокинулась, когда молодой полуорк вскочил на ноги. Он выставил свой обрубок перед Блажкиным лицом, дрожа от ярости.

– И сколько еще частей тела мне нужно потерять ради это-

го чуда?! Я не чародей, Ублажка! Штукарь был чародеем, и он сам им управлял, а не я!

Блажка дала ему выплеснуть гнев, выждала, пока тот не утихнет, – и его задуло, как пламя свечи. Мед опустил руку, выпрямился и провел здоровой рукой по своей эльфийской прическе. Затем покачал головой, глядя в потолок, и проговорил, словно выпуская слова из убежища горьких воспоминаний:

– Ваятель заставлял меня заниматься этим безумием почти с того момента, как я впервые надел бригант. Я не знаю, где он этот огонь взял, ине знаю, как бы он с ним управился, не спалив все Горнило. И к чему это привело?

Блажка молча смотрела на Меда, пока он говорил, будто замороженный. Затем он наконец отступил на шаг и встретил ее взгляд.

– Старый полуорк хотел найти способ защитить Горнило, не расходуя дерево. Нам уже тогда его не хватало. Ты знала, что он работал над ним сам? Я несколько раз заставлял его, поздно ночью... он просто пилился на печь, а внутри горел крошечный зеленый огонек. Я все надеялся, он разберется. Или поймет, что это невозможно, и сдастся. Но он не отказывался от идеи. И меня принуждал. Заставлял привлекать сопляков. Я уговорил Салика... уговорил Облезлого Змея мне помочь. Думал, он быстрее выйдет на голосование, если нам удастся разгадать загадку. И ему чертовски повезло в тот день. Всем нам повезло.

– Я помню, – сказала Блажка.

Именно после раннего эксперимента с неестественным огнем, когда Змей был еще сопляком, у него появились ожоги. Ему повезло сохранить руку, но пока она заживала, от нее отвалилась плоть. Мелочник потом лечил его – этот скупой старый хрен даже сохранил один ошметок в отдельной склянке.

«У этого сопляка рука теперь, как кожа у облезлого змея», – заметил тогда злобный квартирмейстер, тем самым нечаянно дав Салику будущее копытное имя.

Мелочник погиб в тот же день, когда разрушилось Горнило, а с ним и Ваятель, и Серые ублюдки. Поэтому казалось уместным, что, когда Салик вырос до вступления в братство, последний вклад в это оказался за Мелочником. Это была идея Меда. Только сейчас Мед смотрел на нее чуть ли не с отвращением.

– Ты помнишь последствия, но сама этого не видела. Ты была в патруле с Овсом и Шакалом. Как всегда. Я был единственным из посвященных в топочной камере, когда сопляки возились с этим дерьмом. Я видел, как огонь вынес дверцу печи и вылез наружу, будто живой и голодный. Он едва коснулся Салика, и его плоть сразу воспламенилась.

Воспоминания терзали Меда. Он смотрел на Блажку, но видел что-то другое.

– И как ты его погасил? – спросила она, стыдась, что не знает ответа. Как он отметил, она этого не видела – только

слышала доклад на собрании копыта, где все сидели вокруг гробоподобного стола, а сама Блажка изо всех сил старалась не издавать шума и не привлекать внимания.

Немигающий взгляд Меда снова сфокусировался. На мгновение он растерялся, будто не мог вспомнить. Затем коротко вздохнул и безрадостно усмехнулся.

– Мочой. Я где-то читал, что несвежая моча должна его гасить. У меня была моча сопляков в ведрах еще с первого дня – я их специально держал. Хотя даже не знал, поможет ли, но вылил одно на Змея. Проверять я боялся – вдруг стало бы еще хуже? Но в тот момент...

– Терять было нечего.

Мед кивнул, его быстрый ум сразу ухватился за тот факт, что он упустил собственный довод. С печальной усмешкой он поставил скамейку и уселся на нее. Блажка присоединилась и положила руку ему на плечи, не думая о том, как он мог на это ответить.

Мед только вздохнул.

– Думаю, мне стоит сказать ребятам, чтобы начали собирать свою мочу в ведра.

– Я бы сама сказала, – усмехнулась Блажка, – но не буду.

Оба рассмеялись. Блажка убрала руку и привстала со скамьи, постучав пальцем по схемам укреплений на столе.

– Мы не можем оградить весь удел. Нам нужно не только знать, как защищаться, но и как нападать.

– Я знаю. Но... вождь. Змей этого не перенесет. Если мы

решимся, нужно быть готовыми его потерять. Он скорее уйдет кочевать, чем опять рискнет связаться с огнем.

Блажка встала.

– Я понимаю. Пока у нас нет необходимости говорить ему о чем-либо. Как и все необходимое для жизни копыта, эта штука не в нашей власти. Я надеялась, что ты знаешь, откуда этот огонь взялся.

Мед опустил взгляд, сдерживая смехок.

– Что тут смешного?

– Ну... он же называется Аль-Унанским.

Блажка, шутя, замахнулась на ухмыляющегося ездока.

– Надо же, какой умник! Давай продолжай работать над своими долбаными чертежами, а я позанимаюсь еще тысячу и одним чудом. – Затем, вспомнив, указала на дверь. – А какого хрена тут делал Шлюхан?

– Помогал мне, – ответил Мед, встревоженный ее вопросом. – Лодырь всю жизнь провел в городах, которые были окружены стеной. Знает пару вещей. Даже предложил когда-нибудь построить акведук.

– Ак-ве-что?

– Это чтобы в городе была вода.

– Это называется колодец, Мед.

– Нет, это будет вода прямо из Алундры... – Он уже воодушевился, но Блажка пресекла его сомнительной усмешкой. – Ладно, забудь.

Чувство вины заставило ее сделать глубокий вдох, чтобы

побудить его к дальнейшим пояснениям.

Но в следующий момент оба вздрогнули, когда дверь распахнулась и в проем ворвалась громадная фигура Дуболома, уничтожив все шансы на рассказ об акведуке. Здоровяк весь покрылся потом и задышался, челюсть его отвисла.

Блажка вскочила со скамьи.

– В чем дело?

Дуболом сложил увесистые руки вместе и растопырил их веером.

Теперь встал и Мед.

– Ворота, – понял он.

– Псы? – спросила Блажка, обходя стол.

Два вытянутых пальца на одной руке, выше них – один палец на другой.

Хуже.

Когда Блажка вышла, весь частокол закрывали спины. Когда она начала подниматься по лестнице, никто не обернулся. Мед взбирался за ней, дыша в зад, отсутствие руки совсем его не замедляло.

– Разойдитесь! – приказала Блажка.

Пара спин сдвинулась, и она выглянула поверх кольев, выставив перед собой тренчало.

Под утренним солнцем выстроилась шеренга всадников.

Кавалеро.

Наверное, с сотню. Или как минимум четыре двадчатки. Слишком много.

Один стоял впереди всех, менее чем в броске камня от ворот. Через мгновение после того, как Блажка добралась до стены, он задрал голову и громко объявил:

– Мастер копыта Серых ублюдков, я кавалеро Рамон. Согласно приказу капитана Бермудо вам необходимо явиться в кастиль.

– Мы Реальные ублюдки, хиляк ты, конелюб! – крикнул Хорек.

Рамон проигнорировал смех, распространившийся вдоль частокола. Его лицо осталось таким же бесстрастным, как у самой Блажки.

Она продолжала держать арбалет наведенным, ее глаза метались из стороны в сторону. Солнце тускло отражалось от стальных шлемов, чешуек кольчуг, головок копий и ободков щитов. Сотни крошечных отблесков сопровождались редкими стуками копыт и звяканьем упряжей, когда лошади переминались, стоя на месте. Теперь она видела: их точно сотня. Порядка семидесяти кавалеро и еще тридцать разведчиков, одетых в парусиновые куртки и шляпы с полями, и у каждого – заряженный арбалет.

Она снова посмотрела на Рамона.

Оба понимали, что перед ней стоял выбор.

– Я спускаюсь! – Напряжение, повисшее над полукровками, которые выстроились вдоль частокола, стало почти осязаемым. – Ублюдки со мной.

Братья собрались рядом с ней у подножия стены. Блажка,

не сбавляя шага, направилась к хлевам, ведя остальных за собой. Ездоки, в отличие от сопляков, решились высказать свою тревогу.

– Ты же не пойдешь на самом деле? – спросил Облезлый Змей.

– Пойду. Ты подумай, что может случиться.

– Вождь. – Мед, судя по голосу, едва не умолял ее. – Там до сих пор остались псы.

– Полагаю, что так.

– И что, если они нападут на тебя?

– Не напали же, когда нас было одиннадцать. Так что вряд ли рискнут против сотни человек.

– Сотня хилаков не стоит одиннадцати нас, вождь, – заметил Хорек.

– Не стоит. Зато Штукаревы псы могут сожрать их всех до одного, прежде чем доберутся до меня. Это будет самый толковый расход кавалеро за всю историю Уль-вундуласа.

– И все равно не стоит тебе ехать одной, – сказал Мед, ускоряясь, чтобы выйти вперед.

– И куда это ты собрался? – спросила Блажка с вызовом.

– Седлать своего свина!

– Стой на месте, чтоб тебя!

Ярость в ее голосе заставила Меда замереть.

Блажка остановилась – другие вслед за ней. Она медленно повернулась кругом, призывая их прислушаться к ее словам.

– Этот приказ дерьма не стоит. Нужно успокоить Берму-

до, убедить, что его люди в самом деле могли дезертировать. Этот говнюк больше не может сидеть на лошади, вот и посылает за мной.

Хорек согласно хмыкнул.

– Так давай покажем ему, что это была ошибка.

Блажка позволила его предложению на миг повиснуть в воздухе, но затем затрясла головой с тихим едким смешком.

– Ты этого хочешь? Драться? Устроить долбаное сражение? Это можно сделать. Нашпигуем стрелами несколько хиляков, смочим клинки кровью кавалеро. – Обводя всех взглядом, она остановилась на Хорьке. – Мы могли бы открыть ворота, выехать всем копытом и ударить их бивневой атакой, к которой они будут не готовы. С сопляками на стенах у нас есть шанс перебить их всех до последнего. Сегодня. Но что в следующий раз? Они уже спросят не одну меня. Черт, они и слова не скажут. Они сровняют Отрадную с землей и предадут мечу каждого за этой стеной. Каждого. Мне объявить голосование, чтобы проверить, кто этого хочет?

– Мы не можем выдать нашего вождя просто по зову кастили, – сказал Хорек. – Кем мы будем после этого? Кем ты будешь после этого?

– Вы будете верны моему приказу, – сказала Блажка братьям. – А я – менее гордой, чем Бермудо, и более разумной, чем Ваятель. Ребята, мы больше не Серые ублюдки. У нас больше нет Горнила, которое нас защитит, и нет капитана Игнасио, который придет к нам на помощь. И нет того ста-

рого мешка с дерьмом на месте вождя, который мог погубить нас всех вместе с собой.

– Ты не он, – проговорил Мед хрипло. – И никогда не была. Ты одна из нас.

Блажке захотелось его обнять за эти слова, обнять их всех за их гордые взгляды, выражавшие согласие. Но она лишь ткнула пальцем в ворота.

– Возвращайтесь на стену и скажите тем задним хиликам, что ваш вождь сейчас к ним присоединится.

Простившись с ней уверенными кивками, они сделали что было велено.

Все, кроме одного.

– Я знаю, о чем ты думаешь, Колпак.

– Они меня не заметят. И ты не заметишь.

Блажка шагнула навстречу, приблизившись к его змеиному лицу.

– Нет. Ты не станешь нашей тенью. Это тебе приказывает вождь. Не станешь. Ты нужен здесь.

– Тебе становится хуже.

Блажка не сводила глаз с покрытого шрамами, лысого полукровка с восковой кожей и мертвыми глазами.

– Да. И даже ты ничего не можешь с этим поделать.

Она выехала за ворота Отрадной в полном снаряжении, одна под противоречивыми взглядами копыта. Кавалеро Рамон повернул коня, когда она к нему приблизилась, и поскакал рядом мимо ожидающей кавалерии. Он был мужчиной с

массивной, плохо выбритой челюстью. Его отряд выстроился вокруг них и задал быстрый темп. Хотя они именовали себя кавалеро, по их лошадям и оружию было очевидно, что все здесь, кроме Рамона, произошли из низов. Ни вымпела, ни знамени при них не было. Каждый был вооружен коротким копьем, однако меч на поясе виднелся лишь у немногих. Топоры и палицы – подешевле в изготовлении и попроще в обслуживании – заметно превосходили числом хорошие клинки. Ни один шлем, ни один доспех не был начищен до блеска. Блажка не придавала особого значения так называемому качеству крови, какое придавали хиляки, но большинство этих людей были в малом шаге от того, чтобы переодеться в бриганты, и если судьба бросит им вызов, скорее всего, они уйдут в дезертиры.

– Бермудо, наверное, изо всех сил борется с бездельем в войсках, – заметила Блажка, не желая оставлять этот фарс незамеченным. – Такой избыток людей, чтобы сопроводить всего одну полукровку. Пусть даже мастера копыта.

Рамон не ответил.

У Отрадного брода степень фарса возросла. Даже удвоилась. За рекой поджидало ровно столько же кавалеро. Еще сотня всадников, экипированных так же, как остальные. Рамон изобразил ухмылку короля всех злорадствующих говноедов. У Блажки заскрежетали зубы. Она ошибалась. Если бы Ублюдки решили дать отпор, у них не было бы шанса на победу. Охотничий рог, висевший у Рамона и по меньшей ме-

ре у дюжины других воинов, призвал бы резервы. А приведи они сразу всех к воротам, это подавило бы любую мысль о неповиновении.

– Сволочи, – прошипела Блажка.

Жирный ухмыляющийся разведчик отделился от резерва и пересек брод.

– Блас, – буркнул Рамон мерзкому всаднику, – ты отвечаешь за полукровку и ее... безопасность.

– Есть, кавалеро. – Блас сунул большой и указательный пальцы в рот, издав впечатляюще громкий свист, и его товарищи поскакали к нему.

Блажка направила Щелка им навстречу. Тридцать человек вскинули арбалеты к плечам. У их оружий были стойки с шестернями, с помощью которых хиляки их перезаряжали, что только замедляло процесс. Но с такого расстояния стрелять второй раз им бы не пришлось. Даже если половина этих уродов промажет, из Блажки все равно останется торчать больше перьев, чем из гуся. Она скрыла свое смятение и тревогу, просто зевнув. Это было нечто большее, чем презрительное недоверие, с каким хиляки всегда относились к полуоркам. Они боялись ее. Две сотни против нее одной, и все равно они ее боялись.

Щелкочес раздраженно фыркнул, когда всадники принялись его окружать. Этот Блас был идиотом, раз решил окружить варвара. Свин легко мог проскочить через ряд лошадей, покалечив их и убив, – стоило только Блажке рискнуть

прорваться. Эта мысль, очевидно, отразилась у нее на лице, потому что Блас, посмотрев на нее, забеспокоился.

– Если твои полукровничи мозги в какой-то момент скажут тебе послушаться, – главный разведчик постарался угрожающе улыбнуться, – я буду только рад.

Блажка показала ему собственные зубы.

– Ты уверен? Потому что если я слушаюсь, ты умрешь первым.

Блас попытался это скрыть, но его уверенность заметно ослабла. Он позвал Рамона.

– Предлагаю заковать потаскуху и закинуть на лошадь, кавалеро!

– Цепей ты на меня не наденешь, – заявила Блажка Рамону, когда тот миновал ряды разведчиков. Его взгляд метнулся к ее руке, которая лежала на рукояти тальвара. Язык мужчины скользнул по плотно сжатым губам, выпятив кожу вокруг рта. Он размышлял.

– Оставь так, Блас, – проговорил он наконец и толкнул лошадь.

Разведчик заерзал в седле.

– А если она взбунтует?

Рамон ответил, не сбавив темп и не обернувшись:

– Пусть твои люди убьют ее свина. Пока она в окружении, они уж точно не промахнутся.

Блас, скривившись, мотнул головой и еще раз свистнул – дал приказ трогаться в путь. Блажка позволила повести себя

через брод. Здесь ей мало что оставалось. Даже если бы она вырвалась из окружения разведчиков, оставались еще кавалеро, которые ехали и спереди, и сзади. Число людей, не говоря уже об их поведении, указывало на то, что Бермудо хотел от нее чего-то большего, чем рассказа о мертвых дезертирах.

Перед колонной раскинулась пустошь, обожженная солнцем, бесконечная, прерываемая только кустами и редкими взгорьями да помутненная маревом. На ужин у Блажки была пыль, злобные взгляды и темные подозрения относительно истинных целей Бермудо, растянувшиеся на многие лиги. К концу дня у нее пересохло в горле, возобновилась ненависть к хилякам на лошаках и никакого понимания замыслов капитана.

Небо, вступив в схватку с сумерками, стало пурпурным, так что дым оставался скрыт, пока не достиг Блажкиных ноздрей. Колонна сбавила ритм. Люди Бласа рассредоточились, и ей предстал Рамон: перед ним дымились почерневшие останки того, что прежде было борделем Ресии.

– Теперь, думаю, стоит надеть кандалы, – сказал кавалеро.

Блажка покачала головой.

– Я этого не делала.

– Капитану расскажешь, – ответил Рамон безразлично.

Когда Блас направился к ней с цепями, Блажка подумала, не стоит ли ей сдержать слово и всадить в него стрелу. Что бы за этим последовало? Небольшой шанс сбежать у нее

был, но если удача и не поцелует ее в зад, Рамон непременно прикажет своим людям скакать в Отрадную. Даже если она уйдет кочевать и никогда больше не покажется в копыте, братья заплатят за ее мятеж.

Поэтому она даже не шевельнулась, когда кандалы сомкнулись вокруг ее запястий.

Глава 10

Блажка избивала главного конюха до тех пор, пока костяшки ее пальцев не раздробились о его сломанные зубы. Каждый удар смазывала кровавая слюна. Нос мужчины был разбит, как и челюсть. Только когда она поняла, что он теряет чувствительность и становится невосприимчив к боли, она ткнула большим пальцем мужчине в глаз и выковыряла его из глазницы. Последовавший за этим крик агонии пронзил Блажкин слух.

– Ай.

Голос Бласа вырвал ее из темного забытья.

Она сощурилась, почти ничего не видя из-за яркого солнца. В нескольких шагах, в тени конюшни, мужчина все еще стоял на ногах, по-прежнему целый, и отвешивал ленивые тумаки слабоумному мальчишке, приговаривая ему всякие резкости. Грубость конюха была отработанной и привычной, равно как и реакция Муро. Мальчишка ничего не отвечал, только продолжал сидеть на своем стульчике, пытаясь совладать с подковой, но его неуклюжие усилия становились все более тщетными из-за нескончаемого дождя пощечин и оскорблений. Жонглируя молотком, подковой и деревянной моделью копыта, он прижимал голову пониже, скрывая лицо, чтобы легче было выносить нападки конюха.

Блажка двинулась было вперед, чувствуя, как ее вообра-

жаемая жажда мести воплощается в явь.

Но путь ей преградил меч: лезвие плашмя ударило ее по животу.

– Ай!

Кипя от негодования, она остановилась. Блас убрал клинок, но не сводил с нее бдительного взгляда. Блажка чувствовала его у себя на виске. Стиснув зубы, она наблюдала за жестоким действием, пока конюха не позвали заняться чем-то другим, оставив Муро дальше сидеть над своей задачей. Но мальчик бросил ее, как только хозяин скрылся из виду, и подобрался к Блажке.

– Серый блюдень? – спросил Муро, указывая на нее пальцем.

– Да, – ответила ему Блажка. – Ублюдок.

– Как Опес. Медеди и горы!

Блажка улыбнулась.

– Как Овес.

– Он здесь?

– Нет. Прости, но я скажу ему, что ты...

– А ну за дело, придурок! – крикнул Блас, грозно занося руку.

Муро дернулся, хотя ни его уму, ни телу не хватило бы скорости, чтобы избежать кулака. Но Блас его не ударил. Вместо этого хорошенько толкнул.

– Живо!

Удрученный, Муро повернулся и направился обратно к

своему стулу.

Блажка с отвращением глянула на Бласа. Будь здесь Овес, он превратил бы этого злобного негодяя в кашу. А может, и нет – ведь конюх к этому времени был бы уже переломлен пополам, а увидев это, никто не посмел бы больше прикоснуться к Муро. Овес уже давно хотел забрать мальчика из кастили. Но горькая правда заключалась в том, что если не считать грубого обращения, здесь Муро было лучше. Кастиль окружали прочные стены, и здесь хватало еды. Отрад-ная не обладала ни первым, ни вторым.

Глянув через плечо, Блажка с удовольствием отметила, что ее стражи щурились от солнца и истекали потом от удуш-шающего зноя, который стоял во дворе. Их лошадей уже давно увели в конюшни, но для них подобное укрытие бы-ло недоступно: они следили за Блажкой, а мысль предоста-вить полукровке хоть какие-нибудь удобства не могла даже прийти хиляку в голову. Но полукровки могли находиться на солнце часами. Они ведь жили в пустошах.

Пока они стояли, выжидая и обжигаясь солнцем, вся ка-стиль суежилась вокруг. Конюхи сновали в конюшню и об-ратно, одни вели лошадей, другие – носили корм или во-ду. Гарнизонные патрули регулярно проходили мимо, и гла-за каждого из мужчин смотрели на Блажку со смесью любо-пытства и презрения. Мальчишки-пажи и девочки-служанки тоже бегали по двору, стараясь не замечать полукровки.

Рамон и его люди объявились у ворот еще до рассвета. Ка-

валеро поспешили скрыться в казармах, предоставив пленницу Бласу и его разведчикам. Теперь же солнце было в зените, а ей никто даже не предложил воды. Это могло бы привести в бешенство, не будь столь очевидным. Бермудо пытался смягчить ее голодом и жаждой. Но в этом не было необходимости. Она позволила им отобрать оружие, стерпела кандалы, которые надели ей на руки. Свина увели неведомо куда, хотя тот и сопротивлялся – повалил троих с ног, одному сломал запястье.

Один из разведчиков у нее за спиной раздраженно ругнулся на жару. Блас предостерегающе зыркнул на него, но подавить недовольство не мог.

– Когда эту щелку уведут и нам не нужно будет за ней смотреть?

Вслед за этим раздались возгласы одобрения, но Блас сохранял молчание.

Ответ прибыл вместе с кавалеро, который подошел к ним пешком. Кривоногий и бородатый, он остановился перед разведчиками и, оглядев их, рассмеялся, потешаясь над какой-то понятной только ему самому шуткой. Вид он имел неотесанный, что было характерно для кавалеро, населявших теперь кастиль. Но что не было характерно – это кистень, заткнутый у него за пояс. Это оружие обычно не использовалось королевской кавалерией, потому что требовало сочетания грубой силы и холодного мастерства. Оценив мужчину, Блажка решила, что он вполне отвечал своему вы-

бору оружия.

Сняв шлем, кавалеро демонстративно пригладил взмокшие волосы, после чего растянул губы в широкой улыбке и низко поклонился – последнее вышло неловко из-за ржавого нагрудника. У него не было одного из передних зубов, и зиявшая на его месте черная брешь вступала в резкий контраст с жемчужной белизной его уцелевших собратьев.

– Я кавалеро Мането, – объявил он задорно. – Капитан велел мне привести тебя к нему.

Опустив шлем на сгиб руки, он с нарочитым изяществом указал на путь, откуда только что явился.

Звякнув цепями у колен, Блажка прошагала мимо кавалеро и его вытянутой руки. Мането двинулся за ней, поравнявшись слева и надев шлем. Несмотря на кривизну ног, он был равного с Блажкой роста, чем большинство мужчин похвастаться не могли. Отклонившись немного на ходу, он с ухмылкой уставился на ее зад.

– Магритта благословенная, а ты не из этих наглых полукровок! – воскликнул он с уважением. Вся напускная аристократичность исчезла из его голоса, сменившись влажной улыбкой. – Я бы огласил тебя самой хорошенькой грязнокожей сучкой в королевстве, но тогда я оказался бы вруном, ведь ты не грязная полукровка, так ведь? Нет, клянусь липким бельем всех целомудренных жрецов Галицы, эта спелая плоть зелена, как старая мята, однако готов поспорить, она не отвечает своему виду и пряна на вкус.

– Вообще-то она ядовита, – ответила Блажка. – Типа змеиной. Люди, которые ее трогают, потом долго не живут.

Мането искренне хихикнул. Затем, подмигнув, указал пальцем на ее рот.

– Вот смотри! Даже нижние клыки еле видны. Я бы сказал, что папка твой был человеком, но ни один хилый еще не породил такого серо-зеленого оттенка, уж нет! И ты не чертова троекровная. Те-то обычно чернее негра. Дай признаюсь, девка. Я бы отдал свое жалованье за четверть года на службе у короля, чтобы ты у меня отсосала. Полукровки мне этого никогда не делали, я слишком боюсь зубов.

– Страх – полезная штука в Уделье. Особенно когда имеешь дело с полукровками.

Он снова захихикал.

– Точно, я тут не первый срок служу, далеко не первый. Но поставлю все содержимое своего кошелька – весь остаток после того, как заплачу за твой ротик, – что он будет последний.

– Я бы сказала, это верняк. – Блажка ухмыльнулась. – Я как раз подумала, что ты скоро умрешь.

Мането хохотнул – радостнее, чем следовало бы. Он высмеивал угрозу, воспринимая все в шутку.

– Тогда за полгода.

Блажка огляделась вокруг. Мането просиял, снова явив щербатую улыбку.

К похотливым мужчинам она привыкла уже давно. Черт,

она прожила среди них всю жизнь. Она знала, что у них на уме, и считала, что даже понимает их. Но этот был другим. Пошлый злодей был лишь очередной маской, как тот учтивец, которого он изображал парой мгновений ранее. И как в случае с тем обличьем, Мането хотел, чтобы она видела его насквозь. Предлагая заплатить, когда знал, что она в цепях, он дразнил ее – как оскорблениями, так и неприкрытостью своего лицедейства.

Глядя в его ухмыляющееся лицо, она видела не мужчину, желавшего его трахнуть, но мужчину, который хотел причинить ей вред. Не только ей – вообще всему. Его член не напрягался, когда он думал о задах или щелках, – его тянуло сеять хаос. Людей такого типа она знала куда меньше. Блажка не сводила глаз с Мането, но ее мысли вернулись к кистеню на его поясе.

Грубый. Непредсказуемый. Оружие, которое всегда должно быть в движении, чтобы сохранять угрозу.

– Я запомню ваше предложение, кавалеро.

Не обращая больше внимания на его порочную веселость, Блажка повернулась к цитадели, но Мането защелкал языком, заставив ее остановиться.

– Мы идем на стену, милашка.

Она с сомнением покосилась на него.

– И капитан Бермудо тоже там?

Кавалеро подмигнул.

– Сегодня там появились кое-какие штучки, которых еще

вчера не было.

Сказав это, он повернулся к ней спиной и неторопливо двинулся по узкому проходу между двумя складами, не проверяя, последует ли она за ним.

То, что ее проигнорировали и оставили без надзора, вызывало странное беспокойство. Еще один акт лицедейства. Блажка подобрала цепи и двинулась вслед за Мането.

По переулку эхом разносились звуки усердного труда, становясь все громче по мере их приближения. Выйдя из-за восточного изгиба стены, Блажка обнаружила огромные подмости на месте разрушенной башни. Люди и мулы тянули за веревки, намотанные на блоки и снасти, медленно подтягивая к стене отлитые из бронзы колонны. Тяжести эти были разных размеров, но чаще всего – чуть выше среднего человеческого роста. У каждой на конце находилось отверстие, достаточно большое, чтобы человек мог просунуть туда руку.

– Красавицы, – оценил Мането, стараясь перекрыть рабочих. Он направился к подмостям и юркнул в тени под ними. Шагнув в тот же проем между балками, Блажка обнаружила кавалеро ругающимся на двух рабочих, которые были заняты погрузкой тяжелых черных шаров на небольшую платформу, установленную внутри узкой шахты, ограниченной досками.

– А ну, потняки, отвалите отсюда. Членовождь копыта полукровок хочет подняться вслед за капитаном.

Рабочие оставили свое занятие, и Мането жестом велел Блажке ступить на платформу. Она пригнула голову и вошла в шахту. Из-за кучки свинцовых шаров там оставалось мало места для ее ног, а решетчатый потолок не позволял встать во весь рост, отчего она чувствовала себя так, словно сидела на корточках в вертикальном гробу. Затем ей стало еще неуютнее, когда Мането протиснулся к ней, очутившись так близко, что она почувствовала запах ржавчины его доспехов.

— Или мне, может, стоило сказать: «щелковождь», а?

Ухмыльнувшись, он вытянул руку и дважды дернул за веревку, свисавшую с перекладин. Спустя мгновение платформа качнулась и начала подниматься. Сквозь тонкие доски, служившие стенками шахты, Блажка слышала стоны и скрежет веревки.

Когда они поднялись, Мането уставился на нее немигающим взглядом, и Блажка на мгновение уловила его истинный лик. Зловещий. Бесчувственный. Бездна в людском обличье. Даже в Колпаке не было такой пустоты.

Когда их ящик пополз навстречу солнцу, тень внутри начал рассеивать свет. За спиной Мането в поле зрения появились стены крепости. Пригнувшись, он сделал шаг назад, открыв Блажке путь наружу из этого дрянного шкафа. Вновь сойдя на подмости, они двинулись по стене. Мането, с привычной легкостью обходя рабочих, направился к квадратной башне, что возвышалась над стеной. Вдоль всего их маршрута трудящиеся в бригадах тянули руки, чтобы при-

нять медные цилиндры, которые поднимались со двора. Впереди Блажка увидела, что эти цилиндры затем крепились к деревянным люлькам на колесах.

Она остановилась у первой свободной люльки и, с растущим чувством тревоги, присмотрелась к ней. Открытый конец цилиндра был просунут между зубцами стены. Слегка приподнятый, он дерзко указывал на окружающие пустоши Уль-вундуласа.

– В первый раз пушки видишь, да, девка? – спросил Мането. – Даже, наверное, не знаешь толком, что это такое, но воин с первого взгляда понимает, что перед ним оружие, да?

– Пушки, – повторила Блажка, не находя ничего приятного в звучании слова. – Звучит будто по-орочьи.

Мането плюнул со стены.

– Не-а. Называй их бомбардами, если так тебе больше нравится. Я слышал, их турбаны изобрели, как и порошок, с которым они плюются смертью. Идем уже, капитан не любит долго ждать.

– Как и щелковожди.

Мането почесал бороду.

– Вот сейчас встретитесь, и забава начнется.

Они продолжали идти, пока не достигли башни. Внутрь мрачного строения вел арочный проем, но Мането пренебрег им, предпочтя каменные ступени с наружной стороны стены, которые вели на ее вершину. Блажка последовала за ним, быстроногим, но притормозила, заметив кровавые кап-

ли на ступенях и разводы на нижней части стены.

На вершине башни вольно резвился горячий ветер.

Кастиль была построена на уступе, так что ее грозные стены придавали внушительности естественной скале, открывая отсюда беспрепятственный до самого горизонта вид во все стороны. По голубому небу плыли пушистые облака, и у Блажки на мгновение закружилась голова. Опустив взгляд, она подождала, пока это чувство пройдет.

Группы по полдюжины мужчин суетились вокруг двух орудий, установленных на вершине башни. Эти пушки были крупнее остальных – по меньшей мере вдвое шире и в полтора раза длиннее. Они располагались в юго-восточном и юго-западном углах. У стены между ними стояла одинокая фигура, которая, не обращая внимания на пушки, взидала на серые земли. Когда Мането подвел Блажку, в его слова вернулась прежняя учтивость.

– Ублажка, вождь Реальных ублюдков, как вы и просили, капитан Бермудо.

– Спасибо, кавалеро.

– Это честь и удовольствие для меня, милорд. – Затем, рьяно поклонившись, Мането развернулся на каблуках и отошел на несколько шагов.

Бермудо, слегка качнувшись, повернулся к пришедшим. Раздался глухой стук, когда он оперся о камни длинным костылем, который упирался ему в правую подмышку. Его некогда здоровое лицо приобрело землистый оттенок, ост-

рые черты притупились за год непрерывной боли. Он блеснул от пота – упрямая влага выступала от жара и не сохла даже на ветру. Доспехов он не носил: его истощенные мышцы и оставшаяся нога не выдержали бы такого веса. Блажка знала, что Бермудо повел свою кавалерию против наступающего ул'усууна – передового отряда тяжаков-захватчиков, когда те пытались устроить новое Нашествие. Он одержал победу, но потерял почти все свое войско – более трехсот кавалеров благородных кровей, порубленных ятаганами. Одно из лезвий отсекло ему ногу ниже колена, и от того же удара, если верить слухам, погибла его лошадь. Животное упало на него сверху, раздавив бедро другой ноги. И хотя он выжил, его муки этим не ограничились. То, что осталось от ноги, не заживало из-за инфекции. Цирюльникам пришлось подрезать ее дважды, отняв в том числе колено.

Блажка увидела, что заколотая штанина, обдуваемая ветром, темна от пятен.

Это объясняло кровь на лестнице. А также ее долгое ожидание на солнце. Без сомнения, покалеченному капитану потребовалось несколько часов, чтобы взобраться на башню – место, где он хотел принять свою пленницу. Она могла только надеяться, что эти глупые потуги наконец сведут высокомерного говнюка в могилу.

– Во дворе пара повозок, – проговорил капитан. Он стоял к ней лицом, но не достаивал взглядом в глаза. Вместо этого косился в сторону, на пушки и людей возле нее. – Одна

загружена чем?

– Пшеном, бобами, вяленным мясом, капитан! – отчеканил Мането.

Бермудо не впечатлился.

– Едой. А вторая – тесаным камнем. Они – часть каравана, прибывающего из Гиспарты каждые сколько?

– Шесть недель, капитан!

– Камень предназначен для ремонта кастили. Еда предназначена... была предназначена для грязного заведения Санчо. Мой кастелян доложил мне, что наши стены тверды и камень следует сохранить на потом. А что до еды? Что ж...

Блажка уже теряла терпение и не заботилась о том, чтобы это скрыть.

– Почему я здесь, Бермудо?

Капитан не удостоил ее ответом, но поднял голову и повернул влево, на своих людей.

– Вы готовы? – крикнул он.

Один из мужчин ответил утвердительно.

Бермудо поднял руку над головой, едва не нарушив свое равновесие, и резко ее опустил.

По башне прокатился гром.

Блажка дернулась от резкого взрывного шума. Невидимый кулак врезался ей в грудь, вызвав резкое давление, от которого у нее заколотилось сердце. Из жерла юго-восточной пушки выплеснулся поток дыма, и все оружие от собственной мощи откатилось назад на своей колесной подстав-

ке. Верхушка башни ненадолго затерялась в дыму, прежде чем ветер унес с собой послед этого агрессивного заявления.

От неожиданности Блажка инстинктивно пригнулась, а как только начала выпрямляться, грянул второй выстрел. У нее звенело в ушах, но она все же слышала отдаленные раскаты грома, доносившиеся с других башен кастили. Закашлявшись от обжигающего воздуха, чувствуя, что месиво внутри нее оживилось, Блажка отмахнулась от дыма и взглянула на фонтаны пыли, беспорядочно извергшиеся вдали пуштоши.

Когда сердитое эхо стихло и земля вокруг кастили перестала трястись, Бермудо посмотрел на нее с нездоровым злорадством.

– Теперь, когда нет Горнила, эта крепость – бесспорно, самая сильная в Уделье. И я намерен устроить, чтобы так было и впредь. Однако твоему копыту не обязательно дальше жить за деревянным забором.

Блажка стиснула зубы, не понимая, куда рысил этот свин.

– С одной повозкой крепость не построить, – продолжил Бермудо. – Можно, наверное, только начать выкладывать сторожку, но при регулярном пополнении запасов новый оплот Ублюдков будет лишь вопросом времени. – Костыль с глухим стуком двинулся к ней. – Я предлагаю сделку. Ты можешь уехать вместе с повозками камней и бобов, как только скажешь мне, где он.

Блажка сжала свои цепи. Вот оно в чем дело.

Бермудо ее молчание не понравилось.

– Я хочу знать, где ты его прячешь! Где Шакал?!

– Не знаю. Не в Уделье. Он больше не посвященный моего копыта.

Три ответа. И только последний был ложным.

Не поверив ей, Бермудо презрительно усмехнулся.

– Приготовиться! – крикнул он через плечо орудийщикам.

Перепачканные сажей люди бросились исполнять приказ. Блажка, наблюдавшая за процессом перезарядки, начала мысленно считать мгновения.

Бермудо продолжил выгребать дерьмо, которым был набит его рот.

– Вот видишь, Мането? Я пытался быть милосердным, но эти полукровки, как всегда, слишком упрямы. Так что придется использовать кнут. Преступления в борделе достаточно, чтобы тебя осудить, полукровка. Я мог бы казнить тебя здесь и сейчас. И я так и поступлю. Помяни мое слово! Но лучше бы мне получить Шакала. Я бы лучше вернул тебя править пепломазами и заковал в эти цепи его. Куда лучше было бы отправить его в Гиспарту, чтобы он ответил за куда более тяжкие деяния, чем казнить тебя здесь за него, еще и безо всякой выгоды.

– Я не совершала преступлений.

Бермудо наморщил нос.

– Ты убила кавалеро, состоявшего на службе у короля, и

вступила в сговор, чтобы это скрыть.

– Это был долбанный дезертир! И я ничего не скрывала. Когда я толкнула свина, бордель еще стоял на месте.

– Ну конечно стоял, – сказал Бермудо, говоря с ней, будто с недалекой простушкой. – Я сам приказал стереть это мерзкое логово с лица земли.

Он застал Блажку врасплох.

– Черти чертовские, – выругалась она. – Да ты совсем в бред ударился.

Глаза капитана сверкнули.

– Бредом было позволить ему простоять столько времени. Это был приют для разбойников и изгоев, только и всего. Убежище дезертиров и кочевников. Уль-вундулас больше не будет терпеть подобных мест.

– Ресия не знала, что они были дезертирами, урод.

– Да. Так она и говорила. И все шлюхи тоже... вплоть до того, как их обиталище было предано огню. А потом они рассказали гораздо больше, правда, Мането?

– словно хор несдержанных птиц, милорд.

Бермудо поджал губы.

– Да. И вот ты объявляешься здесь, в связи с убийством кавалеро.

– Они могут лгать, – сказала Блажка. – И ты со своим щербатым евнухом можешь лгать. Ложь не станет правдой от количества болтающихся языков.

– И все же достаточно всего одного языка, чтобы ее раз-

вевать. — Бермудо победоносно выставил всего один палец. — Одной шлюхи, которая в отчаянии рассказала, что ты — убийца кавалеро Гарсии.

Блажка внезапно ощутила на губах вкус несвежей мочи. Ну нахрен.

Бермудо насмешливо наклонился вперед, словно она что-то ответила, а он не расслышал.

— Что? Даже не скажешь, что это сделал Шакал? Не дашь такую отговорку? Его ведь здесь нет. Он остается на свободе, и его не поймать. Почему бы не возложить на него вину, которая и так покоилась на нем пару лет? Но ты молчишь. Потому что гордость не позволит тебе приписать ему убийство, которое совершила ты. Я вижу это по твоему лицу! Одно дело — позволить мне верить, что это сделал Шакал, но назвать его убийцей ты не сможешь. Нет! Это было бы трусостью. Более того, это отрицало бы то, чем ты гордишься!

— Ты чертовски прав.

И он действительно был прав. Блажка никогда не хотела прикрываться Шакалом, когда речь шла об убийстве юнца с заячьей губой. Она пробыла в присутствии того кавалеро всего мгновений десять, но их оказалось более чем достаточно, чтобы наверняка знать: она оказала Уделью милость, всадив стрелу ему в мозг.

Ее признание отразилось на лице капитана уродливой смесью триумфа и отвращения. Капелька пота, устроившаяся в углублении под носом, затряслась. Его затаенное дыха-

ние стало слышимым.

– Маркиза Пунела долго ждала, когда свершится правосудие над полукровкой, убившей ее сына.

– Осторожно, Бермудо. Не похоже, чтобы в тебе хватило крови на набухший стручок.

Но он был так захвачен мыслью о правосудии, что оскорбление его не смутило.

– Повозки или смерть. Выбирай.

– О чем ты говоришь, нахрен?

– Мое милосердие в силе. Ты можешь уйти, свободной и с припасами для своего копыта. Только отдай мне Шакала.

Блажка только изумилась ему.

– Тебе не нужно погибать за свое преступление! – надавил Бермудо.

Блажка почесала нос сцепленными руками.

– Не тебе рассказывать мне о преступлениях, хиляк. Не тебе, кто отдал приказ отслеживать вольных едоков и вешать на самом ближнем дереве, что их выдержит.

Глаза Бермудо широко раскрылись поверх темных нездоровых кругов, лицо исполнилось гнева.

– Защищать королевство Гиспарты – не преступление, это долг, который я поклялся исполнять.

– Защищать? Убивая кочевников? Заковывая мастеров копыт в цепи? Твоя ненависть ослабляет весь Уль-вундулас!

– Ослабляет? Нам не нужен ваш род. – Бермудо фыркнул. – Вы бесполезные свиноезды, которые не смогли сдер-

жать тяжаков на нашей границе. Не более того! – Калека так разошелся, что чуть не упал, когда в пылу указал рукой за спину. – Благодаря этим пушкам орки никогда больше не запятнают цивилизованную землю.

– И чего ты, думаешь, этим добился? – спросила Блажка с вызовом. – Орки не нападут на это место, потому что просто обойдут его! Чтобы их сдержать, нужно видеть, что они приближаются, а для этого нужно следить за каждым кустом, проверять каждый овраг. А значит, нужны животные и воины в седле. Ты же кавалеро, сам это знаешь! Земля лошадей и свинов, она огромна, и только сильные копыта могут ее пересечь. Только сильные копыта могут ее защитить!

Бермудо ошетинился.

– Копыта больше не нужны! Вы теперь просто дозорные. И ваше время подходит к концу.

Теперь был Блажкин черед шагнуть вперед. Краем зрения она заметила, как Мането напрягся, но все равно, не смутившись, приблизилась к капитану, и они оказались нос к носу.

– Дозорные? Мы ездили по пустошам, Бермудо. Мы ездили! Мы истекали кровью и погибали, чтобы остановить новое Нашествие, так же, как вы. И сделаем это опять. А ты оплачиваешь нам травлей. Отстань от кочевников, брось свою ненормальную охоту на Шакала. Возьмись уже за ум, нахрен!

Бермудо выглядел оскорбленным и сбитым с толку.

– Ты думаешь, это мне он так сильно нужен? Думаешь, я сам не хочу заняться чем-то более важным? Его требует Ко-

рона. Сама королева! Она была очень огорчена, когда я написал ей о негодяе-полуорке, который был изгнан из своего копыта и ушел бродить, где ему вздумается. О том, как он сговорился с другим изгоем и попал в нашу тюрьму, а потом сбежал с помощью Игнасио, чтобы найти чародея, который должен был защищать эту кастиль, и убить его. Поначалу я был слеп и не понимал, зачем он это сделал. И только после того, как пережил орочий налет, я лежал на койке хирурга и понял. Он помогал им. Оркам! Абзул был грязным немощным стариком, но его колдовство оставалось при нем, и орки правильно его боялись. А когда его башня взорвалась дымом и огнем, погубив чародея, этого страха не стало. И виноват во всем Шакал! Полуорк на побегушках у орков! На что еще пойдет этот пес, чтобы помочь своим новым хозяевам? Не он ли устроил разрушение Горнила, своего бывшего дома, чтобы внести еще больший раздор и облегчить оркам Нашествие?

У Блажки заболел живот. Бермудо не знал правды – пока, – но чуял ее, будто кусок гнилого мяса, лежащий между ними, пока они кружат вокруг него на этой башне. Она опасалась того, что случится с Ублюдками, если Бермудо узнает о роли Ваятеля в плане Штукаря захватить трон.

Должно быть, ее опасение проявилось у нее на лице и было истолковано неверно: капитан расплылся в широкой ухмылке.

– Совершил бы Шакал такое предательство, не будь он из-

гнан? Я заявил Ее Величеству, что изгои из таких диких сообществ, как копыта полукровок, способны принести лишь пушью опасность. Были ли мы так мудры, что позволили им такую свободу? Достаточно трудно убедить верных подданных поселиться здесь, не опасаясь обиженных кочевников. Хотя я думаю, королеву окончательно убедило то, что эти самые кочевники шпионят для орков. Я был совершенно убежден в том, что прошлогоднее вторжение ни за что бы не состоялось, если бы тяжакам не указал путь Шакал и прочие вольные ездоки, жаждущие мести.

«Мелкий лживый урод!»

Слова застряли у Блажки в горле, но так и не прозвучали, потому что она увидела: Бермудо не лгал. Он действительно верил во все, что сказал. Но вера ослепляла людей. Если Шакал предал Ублюдков, с чего ей было его покрывать? С чего ей было за него умирать? И снова она ничего не сказала. Пытаясь вправить ему мозги, она лишь побудила бы его сильнее задуматься, а этим копыто не спасти. Лучше уж дать ему дальше плавать в собственных иллюзиях и надеяться, что в них его ослабший разум и утонет.

Бермудо теперь был явно доволен собой.

– И Ее Величество решило действовать. Все земли Короны в Уль-вундуласе принадлежат ей по праву, они передались ей от отца. Ее муж, хоть он и король Гиспарты, на Уделье не претендует, но только он связан условиями хартий, благодаря которым оно было образовано. По сути, копыта не

обязаны признавать верховенство короля, но никак не могут оспорить, что земли, где вы живете, – часть наследства, полученного королевой. – Бермудо довольно хмыкнул. – Прости, я забыл, что полукровке все это совершенно невозможно понять.

– Но я понимаю, когда вижу бесполезную жестокость, – сказала Блажка. – Это ничего не меняет. Вы, хиялки, с самого начала издевались над нами безо всяких причин.

– Да, но это было незаконно. И противно. Подобное удавалось капитану Игнасио, этому преступнику, лучше всего. Теперь, когда его нет – чему я очень рад, – у меня не осталось никого с такой низкой репутацией. Я не мараю своих рук.

Блажка кивнула в сторону Мането.

– А этот редкой породы, не сомневаюсь.

Бермудо скривился.

– О, оставшиеся у меня кавалеро низки по рождению. Злодеи, грабители, насильники – все до единого. Именно по этой причине их следует держать в строгости. Игнасио имел звание, но не титул. Держал своих кавалеро хорошо обеспеченными и сам был из того же племени. Я не очернен простолоудинством, и я не могу скакать с ними на равных, но я заставляю их выполнять приказы старших. Вместо того чтобы пытаться обуздать очередную банду убийц в Уделье, я предпринял шаги, чтобы удостовериться, что все их действия подпадают под королевское дозволение. Вот и вся разница между диким псом и тем, которому хозяин разрешает

показывать зубы. Угроза кнута по-прежнему рядом и не дает верить в свою самостоятельность. В этом мы и допустили ошибку в отношении вас, полукровок, — дали посчитать, что вами больше не управляют.

— Нами не управляют, — объявила Блажка сквозь стиснутые зубы.

Капитан улыбнулся.

— Скоро ты поймешь, что ошибаешься. Если, конечно, выдержишь жизнь.

— Я не наведу тебя на Шакала, хиляк. Хватит тратить силы. Давай суди меня, отправляй к своей шлюхе-маркизе. Я лучше потрачу последний вздох, чтобы сказать ей, каким удовольствием мне было превратить этот испорченный фрукт, что она из себя вытолкнула, в прогорклое мясо.

Бермудо искренне улыбнулся.

— Ты думаешь, я отправлю тебя на север? Я не такой дурак, чтобы признавать свою ошибку перед маркизой. Особенно когда правда настолько отвратительна. Она рассчитывает превратить казнь убийцы Гарсии в зрелище для народа. Мането, ты можешь представить, каков будет позор этой дамы, если она выставит перед всеми какую-то полукровную потаскушку и скажет, что это она оборвала ее знатный род?

— Невыносимый позор, милорд.

Бермудо наклонился к Блажке и проговорил почти шепотом:

— Ты умрешь здесь. Сегодня. А охота на Шакала продол-

жится. И все вольные ездоки будут объявлены врагами короля, независимо от того, где их найдут, – даже убежище других копыт не даст им защиты. Шакал, может, и действительно покинул Уделье, но если он когда-либо вернется, он больше нигде не будет в безопасности. Я достану его, и он умрет на эшафоте в Гиспарте перед орущей толпой. Твой же выбор... Ублажка... в том, встретишь ли ты его в том грязном аду, что уготовлен для полукровок.

– Ублюдки будут искать твоей крови, – сказала Блажка. Это не было пустой угрозой, как бы ей того ни хотелось. В жажде мести ее братья могли найти только смерть.

Бермудо тоже это понимал, потому что его лицо после ее слов просияло.

Блажка высказала еще одну истину.

– Ты настроишь против себя все копыта, Бермудо. Вожди полукровок не оставят такое без ответа.

Капитан отступил, стукнув костылем. Глаза заблестели, губы вытянулись в ухмылке.

– Пусть отвечают. Голоса этих пушек будут моими посланниками. Они защитят кастиль. Все, что упадет в пределах их дальности, это Гиспарта. Не Уделье и даже не земля Короны, а Гиспарта. Воспрявшая! Только близорукий скажет, что у нее есть пределы. Посмотри туда, куда не долетит ядро, полукровка, если можешь, и увидишь, что там не конец этих пределов, а их начало.

Напыщенно набрав воздух в грудь, Бермудо поморщил-

ся, повернулся на своем костыле и выглянул за стену. Затем, подняв голос, чтобы пересилить ветер, продолжил:

– Даю тебе последний шанс сказать, где он.

– Не знаю. Вешай меня, нахрен.

Он опять неприятно хмыкнул.

– О нет, вешать тебя я не стану.

Глава 11

Маленький Муро лежал на боку рядом с опрокинутым табуретом и прижимал руки к ушам. Он раскачивался на полу, издавая монотонные стоны, – его немощный разум был ошеломлен ревом пушек. Поверх мук мальчика Блажка даже не слышала хихиканья Мането – только видела его щербатую улыбку. Они стояли во дворе, дожидаясь, пока приготовят лошадей. Здесь звуки взрывов отражались от каменных построек и казались еще громче. Залпы стихли к тому времени, когда кавалеро Рамон с отрядом из десяти человек уже были верхом в полном снаряжении. Мането тоже привели лошадь, и здоровяк забрался в седло.

Затем сделал один из своих вежливых жестов, прибавив:
– После вас, вождь Дырка.

Блажка двинулась с места. Подковы застучали по брусчатке у нее за спиной. Ее вели к воротам. В тени сторожки собралось двадцать человек из гарнизона – вооруженные алебардами, они держали в окружении группу пленных.

Блажка узнавала лица окруженных, и ее удивило, что они были еще живы.

Ева и Рыжая Инес. Виоланте и Черная Инес. Ресия и сутулый помощник конюха.

Нежка.

Всего перепуганных выходцев из борделя здесь было две

дюжины, и Блажку включили в их хнычущую и дрожащую компанию. Все были грязными, потрепанными. Времени на разговоры им не дали: всех толкнули к воротам, не оставив иного выбора, кроме как идти по жаре.

Пушки тем временем стихли.

Когда их накрыла тень тоннеля, Блажка подавила дрожь, подняв глаза на огромную бойницу в своде над собой. Если ее не собирались вешать, это не значило, что из этой хитрой ловушки не прольется кипящая смола. Однако они прошли тоннель невредимыми. Выйдя из барбакана, достигли выжженной солнцем тропы и, следуя настойчивым указанием конвоиров, принялись спускаться с уступа. Тропа петляла и извивалась, отчего путь вышел долгим.

Нервы ее спутниц, чувствовала Блажка, гудели почти так же громко, как если бы у ее ушей кружили пчелы. У нее самой сжималась грудь, внутри все холодело. В Уделье никогда не было принято сознаваться в страхе, но она обнаружила в себе желание, чтобы это был только растущий страх перед приближающейся смертью. Если месиво сейчас вызовет у нее приступ – она умрет слабой и беспомощной. Не сможет выполнить клятву – встретить ад на ногах.

Они достигли подножия.

Впереди над равниной поднимались тонкие струйки дыма – словно взошли цветы, посаженные пушечными ядрами.
– Идите дальше! – раздался крик.

Алебарщики продолжили их подталкивать, но Мането,

Рамон и остальные всадники натянули поводья, едва спустившись с уступа. Их зверский замысел был очевиден. Вывести пленных подальше на равнину, заставить разбежаться, а потом устроить охоту.

Суки.

Блажка не сбавляла шага, ступая впереди шаркающей толпы обреченных. Быстрое движение и тяжелое дыхание возвестило ее о том, что ее догоняют.

– Это была не я, – сказала Нежка. – Я ничего им не сказала. Это Хильде ляпнула.

Блажка не смогла сдержать смешка, короткого и горького.

– Выходит, она-таки говорит по-гиспартски.

Нежка была менее снисходительна.

– Гуабка бесхребетная.

Блажка не стала утруждать себя ответом. Беременным было что терять. Хильде спасла не только себя, раз Бермудо и его люди ее отпустили. Хотя это далеко не факт. Мането, похоже, был просто ужасным уродом, если находил удовольствие в охоте на столь уязвимых.

Нежку по-прежнему грызло бесполезное сожаление.

– Если бы она просто ушла с тобой... если бы я ее не отвадила.

– Хватит мнить о себе, Нежка. Нас бы здесь не было, если бы Щерба не убил того кавалера. Не было бы, если бы те люди не дезертировали. Или дезертировали и просто ушли в горы. В этой цепочке куча звеньев, и ты далеко не самое

слабое из них.

– Ты прощаешь меня, потому что мы сейчас умрем, Изабет?

– Боюсь, что так.

Далее они шли молча.

Вскоре Блажка заметила почерневшую, изрытую ямами границу, отмечавшую пределы дальности кастильских пушек. Когда у нее под ногами оказалась широкая полоса взрытой земли, конвой приказал остановиться.

Осознание происходящего принесло странное спокойствие.

Блажка повернулась, увидела, как других, кто не желал сделать еще шаг, толкали вперед. С последними тычками алебардами и грозными криками конвоиры принялись отходить, спиной вперед, требуя, чтобы пленные оставались на месте. Кавалеро в начале тропы на расстоянии стали невидимы. Когда удалились и алебардщики, одна из шлюх заговорила сдавленным от волнения и смущения, но не лишенным надежды голосом:

– Нас отпускают?

– Нет, – ответила Блажка твердо. – Не отпускают. – Ноздри наполнил резкий запах дыма, она посмотрела вниз, пнула вспаханную землю. Три залпа, но довольно широкие участки все же остались нетронутыми. Каковы были шансы? Пушки стреляли не так уж точно и поражали не всю область, а оставляли промежутки. Блажка принялась хвататься за шлюх,

призывая их сбиться в кучу, в единый островок.

– Вам захочется бежать, – сказала она. – Не бегите. Стойте уверенно. На месте. Не смотрите на страх, просто не двигайтесь.

Нежка по-прежнему стояла рядом.

Блажка протянула руку и ухватила ее за запястье.

– Что произойдет, если ты побежишь через рой шершней?

– Они ужалят. – Нежка изогнула бровь.

– А если останешься на месте?

– Могут... не тронуть.

Блажка кивнула.

– Не беги. Никто не бегите! Что бы ни случилось. Пока я не скажу.

Нежка вывернула руку, освободившись от Блажкиной хватки. А потом взялась за нее, сплетя пальцы.

Блажка подняла взгляд к кастили и посмотрела на башню, где, она знала, стоял Бермудо. Она не видела его, но чувствовала его мерзкую улыбку.

Стены прогремели.

Пленные ахнули и вздрогнули. Одно биение сердца. Истошный глухой вопль.

И земля словно превратилась к живого, разъяренного зверя.

Незримые гигантские кулаки врезали по равнине, сотрясли ее, устроив оглушительный ад. С ревом и трепетом целые волны земли вздымались перед округлившимися от ужа-

са Блажкиными глазами, обрушиваясь на нее и ослепляя, жалили и не давали дышать. Промежутки между грохотами заполнили крики. Яростно посыпались комья земли. Удар пришелся слева от Блажки. Скорчившуюся женщину на краю их группы разорвало: туловище и голова дернулись назад, рука взметнулась в воздух. Ошметок чьего-то тела прилетел Блажке в плечо, затем в лицо. Тяжелый, мясистый, он едва не сбил ее с ног, больно шлепнув и измазав в крови. Теперь пушки не заглушали крики: женщин разрывало на куски. Горстка пленных начала распадаться.

Кто-то побежал. Потом еще.

В этой гуще Блажка увидела убегающего конюха: ужас придавал скорость его скрюченному телу. Ядро упало на землю в полете стрелы от них, перед этим замедлившись достаточно, чтобы его можно было разглядеть, затем запрыгало по поверхности, будто камешек по воде. Попад в конюха, сбilo его с ног, и бедолага покатился, закрутившись, будто ветряная мельница. При этом ему оторвало по колено ногу.

Смутные фигуры разбегались во все стороны, многие изменяли курс, когда ярость пушек преграждала им путь.

Блажку тянуло присоединиться к ним – и собственный инстинкт, и Нежка. Но она подавила один и притянула к себе другую, так что они обе остались на месте посреди раскуроченной земли, дыма и ошметков тех, кому не повезло. Ее уши превратились в пустые пещеры, куда было больно впускать звук. Она еле понимала, когда прекратился шквал, еле

слышала собственный рвущий легкие крик.

– Сейчас!

Они с Нежкой бросились прочь от кастили, их продвижение затруднял дым, разбитая земля, разбитые тела. Они петляли меж опаленной поросли и расколотых булыжников, перепрыгивали через обугленные впадины, спотыкались и поднимались на ноги.

Кавалерия должна была скоро прибыть.

Преодолев дымовую завесу, они вышли на нетронутую равнину. Земля вокруг кастили была покрыта рябью малых сородичей большого уступа, на котором стояла сама крепость. Блажка со всех ног устремилась к ближайшему, но все еще издевательски далекому гребню. Она не могла убежать от лошадей, но если успеть достичь пересеченной местности, та послужит препятствием для кавалеро, и положение Блажки станет куда лучше. Она могла убить Мането, прежде чем ее увели. И Рамона тоже. Черт, она могла попробовать перебить их всех.

Нежка, бежавшая за ней, отстала. Блажка вернулась назад, схватила мелкую полукровку за руку и потащила быстрее за собой.

Достигнув гребня, они нашли в его основании вымоину – там когда-то был ручей.

Выбор. Вверх по склону или в расщелину?

Предпочитая тесноту и ложе из опасных камней, Блажка поспешила вниз. Насыпь поглотила их с Нежкой очень

быстро. Скрывшись из виду, они пробирались через овраг, пока склоны не начали понижаться и впадина не сошла на нет. Гребень теперь вздымался справа от них. Слева выступ окаймляли валуны попеременно с кустарником. Блажка вскарабкалась наверх, используя прикрытие, чтобы оглядеть то место, откуда они пришли.

— Черт, — прошипела она, нырнув обратно почти сразу, как выглянула.

На гребне вверху было шесть кавалеро. Преследуя их, всадники, очевидно, встали перед тем же выбором и решили разделиться. Остальные либо рискнули пустить лошадей по оврагу, либо скакали вдоль него. Блажка решила, что они предпочли последнее.

Соскользнув по насыпи обратно к Нежке, она указала ей назад в овраг, шепнув:

— Иди обратно. Если натолкнешься на лошадей, беги сюда, но из оврага не выходи. Если кавалеро будут сверху, остановись и сдайся. И пусть они не сводят с тебя глаз.

Испуганная, но полная решимости, Нежка кивнула.

— Давай.

Блажка подождала, пока изгиб оврага скроет Нежку из виду, а потом начала собственную игру. Выбралась на противоположную сторону хребта и стала пробираться через кустарник. Кавалеро, преследовавшие их поверху, рано или поздно ее бы заметили, но склон над этим краем оврага был слишком крут, и они не могли спуститься вниз. Поэтому им при-

шлось бы вернуться назад. А ей необходимо было действовать быстро.

И немного удачи.

Спереди донеслись мужские голоса. Нижний отряд заметил Нежку, и, судя по всему, они были не внизу, а сверху, со стороны Блажки.

Вот и удача.

Крики с гребня. Ее саму заметили.

Настала пора действовать быстро.

Подобрав на бегу цепи, Блажка ринулась сквозь терник. Обогнув изгиб, она достигла кавалеро. Они, очевидно, ехали гуськом, но затем повернулись боком и все сосредоточили внимание на молящей о пощаде Нежке.

Ведущий кавалеро подкравшейся Блажки не заметил.

Подскочив к нему, она схватила его за щит и выдернула мужчину из седла. Тот с визгом рухнул на камни, и шлем слетел с его головы. Он попытался встать, но Блажка ударила его по лицу носком ботинка, и кавалеро разбил затылок о камень. Брызнула кровь.

Первый.

Его лошадь, возбужденно заржав, шарахнулась и затопала копытами, но не испугалась. Она была окружена с трех сторон: слева путь преграждала Блажка, спереди – овраг, справа – следующий кавалеро. Встревоженный суматохой мужчина повернулся и выругался, увидев пустое седло и сразу за ним – сбежавшую полукровку. Блажка пригнулась, попы-

талась схватить оружие, но копые воина, которому она раз-
мозжила голову, выскользнуло в обрыв. И прежде, чем она
успела стащить с его пояса меч, второй кавалеро успел обой-
ти мешкающую перед ним лошадь.

Блажка хлестнула наступающее животное цепью по мор-
де, заставив встать на дыбы от боли и сбросить всадника в
кусты. Остальные кавалеро, придя в гнев и замешательство,
закричали. Уязвленная лошадь продолжала брыкаться, гроз-
но размахивая передними копытами. Блажка отпрянула по-
дальше и снова попыталась вытянуть меч – сталь наконец
осталась у нее в руках. Выпавший из седла кавалеро цеплял-
ся за кусты, не в силах найти, за что ухватиться, чтобы встать.
Запутавшийся в своем плаще, он смог лишь вскрикнуть, ко-
гда Блажка подбежала к нему и воткнула лезвие в открытый
рот. Клинок вошел по самую рукоять, гардой выбило зубы.

Второй.

Теперь ее видели все. Оставшиеся трое кавалеро развер-
нули лошадей и выстраивались веером вдоль оврага, готовя
наступление. Блажка бросила меч, выхватила копые из мерт-
вой руки второго и запрыгнула на лошадь первого, очутив-
шись задом в седле. Оно показалось ей слишком высоким
и ненадежным, а несговорчивое животное между ногами –
мощным, но неуклюжим. У нее не было никакого шанса по-
ставить ноги в стремяна, а цепь на запястьях не позволяла
ни держать копые, ни взяться за поводья.

Кавалеро пришпорили лошадей.

– Ну нахрен.

Блажка уперлась рукой в рожок седла, подпрыгнула и встала ботинками на седло. Затем соскочила со спины животного, устремившись навстречу наступающим мужчинам. Держа копьё двумя руками, обрушила его на кавалеро, находившегося по центру, прямо в грудь. Острый продолговатый кончик копья пронзил его броню и нашел сердце.

Третий.

Она еще держалась за копьё, когда мужчина свалился с лошади. Когда он взметнул спиной пыль, копьё вошло глубже и Блажка приземлилась на ноги, оседлав пронзенного сверху. Затем она повернулась и увидела последних кавалеро: они отступали, чтобы развернуться и зайти с новой атакой.

– Иза!

Блажка обернулась на Нежкин голос – как раз вовремя, чтобы увидеть Мането, который приближался к ней, размахивая кистенем. Вскинув руки перед лицом, Блажка ухватилась скованными запястьями за било. От силы удара железные наручники врезались ей в нос. Отшатнувшись, она нащупала всаженное в третьего копьё. Яркий свет возвестил о том, что кистень попал ей по затылку. Блажка онемела, ею овладела невесомость.

Когда зрение начало возвращаться, все поплыло перед глазами. Блажка лежала на камнях, Мането и Рамон возвышались над ней, сидя верхом. Нежка сидела перед ней на коленях, сжимая копьё. Но она была... на дне оврага. Как и

Блажка.

Мането что-то сказал – слова звучали смутно и неразборчиво, когда всплывали сквозь пульсирующий, отдающий болью Блажкин череп.

– ...лучше так, чем спускаться за ними туда.

– Так только язычники убивают. – Рамон. Недовольный.

– Потом сможешь вырядиться во власяницу, – подколот его Мането. – Собирайте уже эти булыжники! Убьем грязнокожих и закопаем.

Издав стон, Блажка приподнялась, ухватившись за копье, которое Нежка держала в руках. Широко раскрыв глаза, женщина отпустила оружие. Упершись древком в сухое ложе оврага, Блажка стала подниматься на ноги. При первом же усилии ее вырвало на собственные ботинки – к удовольствию Мането.

– Ого! Посмотрите сюда! Эта у нас просто отрицает смерть, парни! Матре-мученица, а то, может, это боевой дух, который отличает вождя от обычного полукровки. Узрите это, ребята, и оцените, на что вы оказались способны!

Блажка все-таки выпрямилась. Количество Мането у нее перед глазами колебалось от одного нахала до четырех и обратно.

Он перегнулся через рожок седла, чтобы лучше ее разглядеть.

– Что вы рассчитываете предпринять, вождь Дырка, когда у вас проломлен череп, вы еле стоите, и то одной ногой в

могиле?

– Рассчитываю... записать еще... одного урода-кавалеро на свой счет, – проговорила Блажка, с трудом шевеля губами. – Я обещала, что ты скоро умрешь, хиляк.

Мането только гоготнул в ответ.

Блажке было больно улыбаться, но она все-таки растянула губы.

Мането повернулся к Рамону.

– Убедись, что...

Блажка метнула копье. Это было бы чертовски неловко со скованными руками, но Мането сломал ее цепь своим кистенем. Она скрывала это до самого броска. Ее разбитая голова потребовала немедленного возмездия за приложенное усилие, ответив болью достаточно сильной, чтобы она растянулась на камнях.

Рамон сыпал проклятия, его лошадь ржала. Стук камней и скрип сапог возвестили о том, что кавалеро, выбравшиеся из седел, бросили собирать горку камней, чтобы посмотреть, что случилось.

Блажка заставила себя сощуриться и посмотреть наверх. Рамон, сидя в седле, пытался схватить под уздцы разъяренную лошадь Мането. В ее седле никого не было.

– Четвертый.

Она посмотрела на Нежку – с сожалением, что не сможет перебить их всех.

А потом они слышали хихиканье.

Оно стало громче, когда в поле зрения появился Мането – весь в пыли, без шлема, держащийся сбоку за голову. Все еще посмеиваясь, он убрал руку и растопырил окровавленную ладонь.

– Запиши себе на счет ухо, щель. Запиши ухо! – Мането разразился новым взрывом хохота. Затем, забравшись на лошадь, приказал: – Камнями ее, парни!

И с этим, не переставая забавляться, отдалился.

Рамон проследил за ним. Его люди вернулись к камням, сложенным на краю оврага, и каждый наклонился, чтобы поднять один.

Нежка встала рядом с Блажкой, мужчины тем временем занесли камни над головой.

– Стойте! – раздался приказ Рамона. Кавалеро остановились.

Рамон слез с лошади и дал мужчинам знак разойтись. Те положили камни и скрылись из виду. Рамон что-то им говорил, и его голос хоть и доносился до оврага, но слишком тихо, чтобы его можно было разобрать.

Блажка встретила вопросительный взгляд Нежки и увидела в ней неуверенность, в которой рождался новый страх.

Они ждали.

Кавалеро вернулись, чтобы встать вдоль обрыва и уставиться на них, но никто не говорил ни слова. Камней они с собой не взяли. Рамон продолжал смотреть в ту сторону, куда ушел Мането. После этого долго ничего не происходило.

За это время Блажка отказалась от глупых попыток устоять на ногах. Пока, наконец, звуки приближающихся лошадей не заставили ее снова подняться.

Это оказался не Мането, а все тот же мерзкий Блас – с дюжиной своих людей.

– Поднимайтесь оттуда, – приказал Рамон Блажке с Нежкой, как только арбалеты разведчиков уставились на них. Начав взбираться по склону, Блажка почувствовала, что ее снова затошнило, но все же достигла вершины.

Но Блас и его отряд были не единственными, кто к ним присоединился. С ними прибыло еще пять новых кавалеров и вереница мулов.

И Щелкочес.

Блажка удивилась, увидев своего свина живым и оседланным. Еще и с полной связкой дротиков, арбалетом и тальваром на упряжи.

Но все надежды на невероятное освобождение рухнули, когда Блас принес новые цепи.

Блажка оглядела мужчин: их было двадцать шесть. И вытянула руки перед собой.

– Что происходит? – спросила она у Рамона.

– Мы отведем тебя в Валлисолет, – ответили ей коротко.

Гиспарта. Блажка посмотрела на Рамона максимально жестко, как только могла при своем проломленном черепе. Он был сердит и встревожен.

– Вы дезертируете, – заключила Блажка.

Рамон скорчил гримасу.

– Мы отводим убийцу Гарсии к маркизе. Бермудо, может, и готов упустить шанс выбраться отсюда. Но мы нет.

Этот ответ, поняла Блажка, предназначался не ей. Рамон пытался поддержать решимость в своих товарищах по сговору.

Когда Блас зафиксировал цепи, Рамон вперил в Блажку каменный взгляд.

– Путешествие будет долгое. Тебе захочется сбежать. За каждое неповиновение, каждый раз, когда нанесешь или попытаешься нанести вред кому-то из моих людей, когда попытаешься бежать – я накажу ее. – Он сурово посмотрел на Нежку, которую тоже заковывали в цепи. – Посади их на мула, Блас. А будут волочить ноги – резани шлюхе ухо.

Блажка направилась к мулу, стараясь идти насколько могла ровно. За время, что они прождали в овраге, тошнота прошла, но боль только укоренилась. Когда мул проделал первые шаги, это показалось ей настоящим адом. Но уже вскоре от грубой езды из трещины в черепе вернулось недомогание, прежде ускользнувшее туда, чтобы немного поспать. Она не знала расположения своих похитителей, не представляла, в какую сторону их везут, хотя и подозревала, что на север. Они ехали под пронзающими лучами солнца, от которых ей становилось только хуже, и дорога казалась едва выносимой.

Она не представляла, в какой части королевства находится Валлисолет. Но это и не имело значения. Она знала, что

Рамон хотел доставить ее туда живой. Иначе траханая маркиза почувствует себя уязвленной. Бермудо сказал, что ее месть должна была свершиться публично. Так думали эти знатные сволочи. Лодырь и Инкус это только подтверждали. Карнавалы. Арены. Полуорки считались тем еще зрелищем. Их боялись. Их желали. Ими помыкали. Вот почему Блас взял Блажкиного свина. Просто женщина-полукровка не произвела бы большого впечатления на виселице. Собравшиеся хилыки оказались бы недовольны, посчитали бы себя обманутыми. Нет, нужен был дикий свин, настоящее орудие. Атрибут, необходимый, чтобы довершить образ кровожадной, покрытой татуировками грязной дикарки, убившей их голубокровного вельможу.

«Ваше время подходит к концу».

Слова Бермудо продолжали блуждать в путаной трясине Блажкиного сознания.

Это было больше, чем просто преследование кочевников. Даже если капитану на обед подадут голову Шакала, он все равно продолжит поливать пустоши кровью. Черт, он сам прямо заявил об этом. Гиспарта намеревалась вновь подчинить Уль-вундулас.

«Ваше время подходит к концу».

Но еще не подошло, черта с два.

Нужно было сказать другим вождям, предупредить их.

К черту Рамоновы угрозы. Блажке с Нежкой необходимо бежать. Единственный их шанс — ночь, когда хилыкам поме-

шает их хреновое зрение в темноте. Чтобы спасти Ублюдков, спасти Уделье от безумия Бермудо, необходимо бежать.

И сделать это нужно прежде, чем они пересекут границу.

Глава 12

Когда стемнело, Рамон приказал остановиться. Весь день они скакали в яростном темпе, явно намереваясь отдалиться от кастили, насколько это возможно. Для разбивки лагеря была избрана подветренная сторона скалистого холма, где кавалеро развели костер, поместив пленниц близ скалы. Вокруг не было ничего, кроме пары миндальных деревьев, которые росли на некотором расстоянии от возвышения. Кавалеро стреножили лошадей и согнали их к скалам. Разведчики держали своих животных отдельно – вероятно, потому, что на них ложилась обязанность нести дозор. Щелкочеса привязали к ближайшему миндалю, где он сразу принялся рыть землю. И это было не к добру. Удовлетворенного свина, сосредоточенного на поиске пищи, увести труднее.

Кавалеро Рамон был умен и осторожен. Будь у Блажки выбор, она предпочла бы, чтобы он оказался пьяным и безрассудным боягузом. Сидя рядом с Нежкой, она пристально наблюдала за ним и его людьми в ожидании, когда появится преимущество. Не помогало ей и то, что с Нежки сняли кандалы и закрепили на Блажкиных лодыжках.

Мужчины потратили время сумерек на то, чтобы обустроиться у костра. Вскоре они принялись кидать кости, и Блажка уже ждала, что они достанут выпивку, но та не появлялась до тех пор, пока кавалеро не поужинали соленым мясом с

сухарями. Блажке с Нежкой не дали ничего.

– Как это вежливо с их стороны – не кормить женщин, – пробормотала Блажка по-орочи.

– Еще повезло, – ответила Нежка. – Я помню, какой ты становишься, когда голодна. Сможешь теперь цепи прокусить.

Блажка хмыкнула разбитым носом, голова загудела болью.

– Жопа свиная.

Наступила пауза, после которой Нежка сообщила:

– Сегодня ночью будет наш шанс. Они снимут цепи, когда придут нас насиловать.

Леденящая душу правдивость этого заявления только усугублялась тусклой уверенностью в ее голосе. Отрицать не было смысла. Двадцать мешков с дерьмом, считающих, что имеют власть над двумя женщинами. Их действия были так же предсказуемы, как восход солнца. Но Нежка была права и относительно их шанса. Мужчины никогда не становились так уязвимы, и разумом, и телом, как когда у них набухали стручки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.